

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

Двойной
крутой
детектив

Своя-чужая боль,
или Накануне
солнечного затмения

Жанне не везло с самого рождения. Девушка может передвигаться лишь в инвалидном кресле и ничего хорошего от жизни не ждет. У нее только одна радость: прогулки на переезд, где останавливаются роскошные иномарки. И вот однажды Жанна видит ужасную картину: машина переезжает рельсы под опускающийся шлагбаум и выпавшая из нее женщина попадает под поезд! Как потом выясняется, это известная певица Сабина Сабурова. Ее мужа обвиняют в убийстве, мол, это он «помог» звезде, чтобы заполнить богатое наследство. Жанна — единственный свидетель. Жанна ставит Сергею условие: не хочешь сесть в тюрьму — возьми меня к себе! И вылечи...

Наталья Вячеславовна Андреева

Своя-чужая боль, или Накануне солнечного затмения. Стикс (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168605

*Своя-чужая боль, или Накануне солнечного затмения; Стикс: романы /
Наталья Андреева: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-79544-4*

Аннотация

Своя-чужая боль, или Накануне солнечного затмения

Жанне не везло с самого рождения. Девушка может передвигаться лишь в инвалидном кресле, и ничего хорошего от жизни не ждет. У нее только одна радость: прогулки на переезд, где останавливаются роскошные иномарки. И вот однажды Жанна видит ужасную картину: машина переезжает рельсы под опускающийся шлагбаум и выпавшая из нее женщина попадает по поезду! Как потом выясняется, это известная певица Сабина Сабурова. Ее мужа обвиняют в убийстве, мол, это он «помог» звезде, чтобы заполучить богатое наследство. Жанна – единственный свидетель. И она ставит Сергею условие: не хочешь сесть в тюрьму – возьми меня к себе! И вылечи!..

Стикс

В дежурную часть привозят подозрительного мужчину, потерявшего память. Он брел по трассе в сторону Москвы. К огромному удивлению, в бродяге опознают следователя Ивана Мукаева, пропавшего при загадочных обстоятельствах. До своего исчезновения Мукаев занимался поисками серийного убийцы, нападающего на женщин. От того, вернется к Ивану память или нет, зависит, будет ли, наконец, задержан преступник, наводящий ужас на весь город. Жена Мукаева Зоя и его лучший друг, оперуполномоченный Руслан Свистунов, делают все, чтобы Иван вспомнил прошлое...

Содержание

Своя-чужая боль, или Накануне солнечного затмения	6
10 августа, пролог	6
Первый этаж: прикосновение	18
Открытия большие и маленькие	60
«А ту собаку кто-то из жителей поселка потом пристрелил...»	118
Третий этаж: дверь приоткрывается	169
Конец ознакомительного фрагмента.	218

Наталья Андреева
Своя-чужая боль,
или Накануне солнечного
затмения. Стикс (сборник)

© Андреева Н. В., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Своя-чужая боль, или Накануне солнечного затмения

10 августа, пролог

Ее жизнь с детства напоминала чистый лист, на котором все время писали другие. Никто не лишал ее права на авторство, просто никто не объяснил, как и что надо делать, чтобы стать человеком. Индивидуумом, имеющим свои мысли, чувства, слова. Собственные, а не чужие. Рядом не было никого, способного научить ее, как найти свое место в жизни. Даже в том замкнутом пространстве, которое отпущено для нее. Она часто представляла себе, что будет, если взять гигантский циркуль, поставить его острие в середине комнаты, куда ее привезли из роддома, и провести окружность радиусом доступного ей за один день перемещения. Получалось, что в пределах этой окружности помещается площадь не более километра. Пятьсот метров в одну сторону, столько же в другую. Если задаться целью и собрать все силы, далеко ли можно уехать в инвалидном кресле, вращая обеими руками большие скрипучие колеса?

Кресло старое, как и дом, в котором она живет, и все, что в нем есть. Мебель, посуда, одежда, треснувшая русская

печь. Мать если не на работе, то у соседей. Или соседи у нее, с неизменной бутылкой самогонки. Вся жизнь вращается вокруг железнодорожного переезда, подле которого прилепились три бревенчатых дома. В одном испокон веку обитают дед с бабкой, такие же упрямые, как их старая коза Маруська. Живут, цепляются за жизнь и за рыжую глинистую землю.

В другом доме – сменщица матери Ольга с пьяницей-мужем. Он также работает на железной дороге. Зимой чистит от снега платформу ближайшей железнодорожной станции, чуть ли не каждый день вышагивая по шпалам несколько километров. Летом ремонтирует пути вместе с другими рабочими, приезжающими из райцентра и близлежащих деревень. Две взрослые дочери соседей давно уехали в город, поступили одна в техникум, другая в сельскохозяйственное ПТУ. Да так и остались в райцентре, обзавелись семьями. Приезжают к родителям редко, по большим праздникам. У обеих дети, работа, семейные проблемы.

А в третьем доме обитает она с матерью. Мать, сколько она себя помнит, заливает горе. Горя ей выпало в жизни столько, что в редкие моменты просветления она начинает выть от тоски. Муж работал вместе с соседкиным на путях да попал спьяну под поезд. Дочь родилась инвалидом. По молодости лет да при живом хозяине исстрадавшаяся женщина еще возила дочку по врачам. И те говорили, что вылечить ее можно. И лечили, да только не долечили. А потом и лекарства стали дорогие, и хорошие врачи спрашивали больших

денег, и одна мать осталась далеко от города в старом доме, принадлежащем все той же железной дороге. Силы кончились. Осталось только одно: забыться. На работе пока держалась, потому как начальство заглядывало редко, а заменить ее было некем. Желающих перебраться на переезд, в глухое место, в дом без удобств, сыскать не так-то просто.

Мать давно махнула на себя рукой, с болезнью дочери смирилась и бороться с судьбой перестала. Кое-как справлялась с хозяйством, стряпала нехитрую еду да раз в неделю мыла мертвые ноги дочери, обливаясь над ними слезами и дожидаясь, когда соседка придет со смены. Тогда можно забыться, выпить самогоночки да затянуть песню, повить с горькой бабьей тоски. Жизнь, она как черствый пряник – пока не размочишь, не поймешь, что сладкий, и ни в какую не разжуешь. Это у кого зубы крепкие, так те кусают, не боясь ни боли, ни крови из десен. А кто свои уже сточил да кого по этим зубам били не раз, тот к прянику подойдет с осторожностью, с опаской. Каждому свое, как говорится, да не всем поровну.

Вот третья сменщица, Наталья, что приезжает из города. Молодая, красивая, одевается как картинка, и муж не пьет. Товарок своих тайком осуждает, но, бывает, и забежит на огонек поболтать. Поделиться заветным: о любви, о мужниных подарках, о запланированной на лето поездке на юг. Рассказам ее верится с трудом. Неужели и так бывает? У нее тоже есть планы. Во-первых, осень. По раскисшей

дороге трудно проехать на инвалидном кресле, колеса буксуют. И мать ругается: грязь не таскай. Сиди дома, смотри на увядающий лес сквозь стекло, по которому снаружи ползут дождевые капли. Осенняя красота коротка, золото листья быстро превращается в ржавчину, а потом гниет. И сердце невольно сжимается. Зато по телевизору много интересного. Зима – тоже хорошо. Темнеет рано, по снегу далеко не уедешь. Мать старательно расчищает дорожку возле дома, но в иную зиму снегу наметет столько, что приходится вызывать трактор. А наутро опять метель. Что тут поделаешь? Зато Новый год полон приятных сюрпризов. Мать уходит к соседям либо спит, и весь дом и праздничный стол в ее распоряжении. Даже шампанское. Но: ни-ни! Чего-чего, а выпивки в ее жизни не будет. Никогда.

Лучше всего весной. Красиво. Апрель – замечательный месяц! Потом приходит май и пролетает незаметно. Следом июнь, июль. Август? Да, не успеешь оглянуться, как на улице август.

Телевизор в доме старый, черно-белый. Купленный еще в те времена, когда отец был жив. Из-за этого телевизора мир так и оставался для нее поделенным на два цвета. Черный и белый. Либо хорошо, либо плохо. Либо все, либо ничего. За последние годы она узнала о том, что в мире много боли и помимо ее собственной. И с каждым годом боли становится все больше и больше. Раньше все было хорошо, а теперь все плохо. Она чувствовала, как там, за очерченным цирку-

лем кругом, люди погружаются в отчаяние. Они могут ходить, но этого им почему-то мало. Они никак не могут успокоиться этим счастьем, больше которого ничего и не бывает, и все время мучают себя и других.

Она все время представляла, как изменилась бы ее жизнь, если бы... Ходить вместе со всеми в школу, а не ждать, когда придет учитель и даст задание, в исполнении которого нет особого смысла. Все равно спросят не так, как с других. И оценки будут выше из жалости. Почему же не поставить? У девочки все равно нет будущего. Ей не учиться в институте, не искать работу. Была бы городская, могли быть варианты, но выбраться с глухого переезда в большую жизнь... Нет, чудес не бывает. Она и сама давно уже не верит в сказки.

Живет от фильма к фильму, от утреннего выпуска новостей до вечернего и поездками туда, к переезду, где можно разглядывать настоящую жизнь в окнах пролетающего поезда и во время остановок автомобилей перед опущенным шлагбаумом. Как она мечтала о том, чтобы поезда ходили чаще! Тогда шлагбаум гораздо чаще преграждал бы путь иномаркам, и кто-нибудь, хорошо одетый и красивый, выходил бы из машины и ждал, когда проедет состав, рассеянно глядя в небо. Эти поездки, приходившиеся в основном на лето, она предпочитает любому фильму. Осенью и зимой даже в хорошую погоду сидеть в кресле холодно. А машин проезжает мало, и уж совсем редко они пересекаются с поездом и останавливаются. Вот летом поток дачников стано-

вится непрерывным. Лето – это время зрелищ.

Какие только мысли не приходили ей в голову! Какие истории! Она жадно наблюдала за молодыми женщинами, ездившими на дорогих иномарках. За рулем и в качестве пассажиров. Все они казались ей красавицами. В такой одежде, на таких машинах... Как правило, красавицы поспешно отворачивались, увидев девочку в инвалидном кресле на обочине дороги. Им становилось неловко, а ей... Завидно? Эти, конечно, вертят мужчинами как хотят, швыряют деньги направо-налево, нигде не работают, но не потому, что инвалиды, а потому, что... А, собственно, почему?

Иногда ей давали деньги. Больше мужчины, чем женщины, хотя, по логике вещей, женщины должны быть жалостливее. Она разглядывала денежные купюры с любопытством. Будто и не такие, как в мамином кошельке. Вещи из другой жизни, случайно попавшие в ее руки. Мать радовалась деньгам, потому и не препятствовала поездкам дочери на переезд.

А она купюры брала, но неохотно. Это та же жалость, только еще более унижительная. Как будто можно купить прощение за то, что ты здоров, и ноги у тебя в порядке, и жизнь удалась. За девятнадцать лет своего существования она меняла мнение об этих людях неоднократно. От любопытства маленького ребенка, через надежду быть замеченной ими и ожидание того, что они тоже в чем-то несчастны, до откровенной ненависти. Нет, они не выглядели несчаст-

ными. Во всяком случае, когда сидели в своих машинах перед опущенным шлагбаумом. Она видела их лица: нетерпение,двигающиеся челюсти, занятые жвачкой либо сигаретой, ленивое перебрасывание словами. И нескрываемое удовлетворение от того, что они едут на своей машине в Москву, в теплые квартиры со всеми удобствами, отдохнувшие, может быть, и уставшие, но не измотанные этой усталостью, как ее мать, а лишь слегка обремененные. Слегка, потому что все это смывается в горячей ванне за каких-нибудь полчаса. Но может быть, она и не права. Потому что ничего не знает о той жизни.

Она могла бы ездить не к переезду, а в лес и вдоль опушки, где тишина и покой. Но жажда жизни толкала в противоположную сторону. К людям, а не от них. Словно высшая сила, которая пишет в книге судеб, приглядывалась к девушке и решала: дать ей шанс или оставить все как есть.

И однажды наступил день, который изменил все. Это было десятое августа. Уже давно по всем каналам телевидения твердили о надвигающемся солнечном затмении. Говорили о нем как о возможном конце света, о грозящих в связи с этим природных катаклизмах, спешили уведомить о необыкновенном зрелище, которым можно наслаждаться в определенных точках земного шара. Она же относилась к грядущему нерядовому событию равнодушно: где-то в большом мире люди ждут очередного развлечения. И перемен. А вдруг? Они ведь тоже не в силах ничего изменить,

а потому ждут вмешательства свыше. Но тому, кто свыше, это неинтересно и хлопотно так же, как и всем тем, кто проезжает мимо девушки в инвалидном кресле, неинтересно вмешательство в ее жизнь. А потому ничего не изменится и измениться не может. День накануне солнечного затмения ничем не отличается от других дней.

Было тепло, солнечно и ветрено. Хорошая погода для прогулки, если повязать косынку. Можно долго сидеть у обочины, наблюдая за тем, как мимо проезжают машины. Люди едут с дачи. Вечер, скоро начнет темнеть. Август не май – осень близко.

Ура! Переезд звенит! Значит, та красивая машина серебристого цвета обязательно затормозит и даст себя рассмотреть. Если водитель попытается сбросить скорость. Но он, кажется, решил проскочить под опускающийся шлагбаум. Торопится. А жаль. И не стоит ему так рисковать.

Увиденное потом она воспроизводила в памяти неоднократно. Тут нельзя ошибиться. Важна любая подробность, если есть шанс изменить свою жизнь в корне. Любая мелочь, любая деталь, которая на первый взгляд может показаться незначительной. Итак...

...– Слушай, когда ты мне наконец носки постираешь?

– Брось в стиральную машину. Тебе что, трудно на кнопку нажать?

– Может быть, я хочу, чтобы ты нажала?

– И что это изменит?

Он замолчал, глядя на дорогу. Черт знает что за день! С самого утра не заладилось! И даже в машине, по дороге домой они с женой продолжают выяснять отношения. Вот так можно нарваться: жениться на нормальной женщине, радоваться, когда она рождает детей, много лет терпеть ее капризы, во всем потакать, и в итоге рядом с тобой окажется существо непонятного пола, которое целый день бренчит на гитаре и смотрит в потолок. На мужа ноль внимания, дети сами по себе.

Пока ее брэнчание не приносило денег и он мог оборвать жену в любой момент, у них была семья. И на терзания жены он смотрел сквозь пальцы. Поесть приготовила, белье постирала, посуду помыла – сиди, смотри в потолок. Пока не надо укладывать детей спать. Но за последние три года все встало с ног на голову. Теперь жена в доме главная. Потому что она зарабатывает столько денег, что его жалкая зарплата – вещь условная и идет ему же на карманные расходы. Вернее, шла. Ведь последний год он вообще не работает. Все в доме, а также эта новая дорогая машина, серебристый «Форд», куплено на ее деньги. И трехэтажный коттедж, и мебель в нем, и гараж на две машины, и пристройки. Все это оплатила она, безумная, непонятная женщина. С утра у нее опять была истерика. Вот и теперь сидит, смотрит на дорогу и скулит:

– Мне плохо.

– Голова болит?

– Нет.

– Живот?

– Нет.

– А что?

– Душа.

И он не выдержал:

– Слушай, ну, сколько можно надо мной издеваться? Что ты за человек? У нее душа болит! Скажи еще, что за все человечество! Я устал, слышишь? Да чтоб они провалились, твои деньги!

– Если я умру, ты станешь очень богатым человеком, – усмехнулась жена. – И свободным.

– Да скорей бы! – сорвалось у него.

– Ты меня так ненавидишь?

Он промолчал. Ну, как ей объяснить? Он – посредственность, самый обычный человек, который и не мечтал о той жизни, какой теперь мучается. Жена – знаменитость, машина – иномарка, квартиру сменили на огромный, только что отстроенный коттедж. Зачем все? Слава, большие деньги, важные гости, которых другие видят только на экране телевизора. И безумная женщина, что бродит по дому и поет известные на всю страну песни. Вызывающие всенародный восторг. И требует от него того же восторга. Есть же предел терпению? Эта женщина постоянно изводит себя, а заодно и других. Ей противопоказано все, кроме одиночества, но как раз его-то она особенно не выносит. Ей непременно

надо кого-то мучить. А муж – самый подходящий для пыток объект. Потому что он ничтожество, полный ноль, неудачник и ко всему прочему не хочет даже сам постирать себе носки! Но разве для того он женился пятнадцать лет назад, чтобы заниматься домашним хозяйством и слушать бесконечное нытье этой совершенно чужой ему теперь женщины?

– Ты меня ненавидишь? – повторила она.

– Слушай, ты можешь помолчать? Шлагбаум сейчас опустится. Проскочим?

Он оглянулся. Машин сзади нет. Те, что спереди, уже уехали. Никого. Даже дежурная не вышла из своей будки, чтобы встретить поезд. Замерла на пороге, прислонившись к дверному косяку. Взгляд безразличный, пустой. Пьяная, что ли?

– Ты никогда меня не понимал! Ты серость! Тупой, одноклеточный организм! Прimitив! И все вы такие! Как я попала в этот мир?! Ну как?!

– Ну и убирайся отсюда!..

...А в той, другой, жизни меж тем происходил настоящий кошмар. Серебристая, новенькая и очень красивая иномарка, не сбрасывая скорости, взлетела на переезд. А шлагбаум почти уже опустился. Скорый поезд летит, он уже близко, долгий гудок звенит набатом. Машина дорогая, хорошая. Мощный мотор, да и водитель опытный. Успеет. Успевает. Но в тот момент, когда машина передними колесами касается земли, из нее вдруг вываливается женщина и падает пря-

мо на рельсы. Водитель, видимо, не успевает среагировать, и машина проносится дальше. Женщина же по непонятной причине делает рывок в противоположную сторону. Быть может, инстинктивно. А поезд уже не остановить. Неизбежное столкновение, где у человека нет шансов. Женщина буквально размазана железной громадой, подробности ужасны. Много крови.

Машина проскочила, и мужчина, выскочивший из нее, бежит в панике по ту сторону шлагбаума и кричит. Рот раскрыт широко, но крика не слышно, потому что машинист гудит, пытаясь затормозить состав, из окон которого уже высовываются перепуганные люди. Но затормозить удастся далеко не сразу. Оттого он и гудит так отчаянно, непрерывно. Звук паровозного гудка стелется над местом произошедшей трагедии, оповещая о всеобщем отчаянии, хотя еще никому, кроме водителя иномарки, неизвестно, кто была погибшая женщина. Это завтра, в день солнечного затмения, вся страна вздохнет единокорно: «Ее уже нет с нами! Какое горе!» И во всех новостях, смакуя, расскажут чудовищные подробности.

Но это будет потом, в ее новой жизни. Которая начинается с чистого листа.

Первый этаж: прикосновение

Он не мог дождаться, когда же все это закончится! Жену вчера похоронил, было столько хлопот, что голова идет кругом! Это простые люди уходят из жизни тихо и просто. Соберутся близкие родственники, проведут покойника в последний путь, посидят за столом, поплачут и разойдутся. И все. Жизнь продолжается. Девять дней, сорок дней, полгода, год... Но, боже ты мой, попробуй похорони потихоньку такую беспокойную особу! Вчера она появлялась на всех каналах телевидения с утра до вечера, в каждом выпуске «Новостей». Живая. С неизменной гитарой и непонятными песнями, в которых отныне ищут тайный смысл. Он так и не смог поверить, что она умерла. Какое там!

Пока занимался похоронами, полиция оставила его в покое. Что там еще может быть? Несчастный случай на переезде. Случайно открылась дверца, она упала на рельсы, ехал поезд. Разве могла она умереть по-другому? В своей постели, после тяжелой, продолжительной болезни. От старости. Такие люди, как его жена, до старости не доживают. И до забвения еще при жизни.

Хорошо, что у Лары твердый и решительный характер. Они с женой сошлись, еще когда учились на первом курсе института, две противоположности. И стали лучшими подругами. Неуравновешенная жена, измотанная постоянно-

ми нервными припадками, и жизнерадостная, открытая Лариса. Милая, добрая, спокойная, практичная во всех житейских мелочах. Нормальная, одним словом, баба. Он никогда бы не посмел сказать так о жене. Да что там сказать! Подумать! Баба. Но он-то мужик! Ему лучше с Ларой.

Ну почему она не имеет никаких талантов? Голос у Лары небольшой, но приятный, иногда у них с женой получался отличный дуэт. Дома, когда никто этого не слышал. Лариса равнодушна к славе. Бездетная, незамужняя женщина, она поселилась в огромном доме, построенном на деньги лучшей подруги, и взяла на себя заботы о ее семье. Та занималась только собой. Лелеяла собственные страдания. Слава богу, хватило ума обзавестись хорошей подругой!

Лара крайне деликатна. Понимает, что теперь он хочет побыть один. Наконец-то один. Не надо прислушиваться к шагам на лестнице. Жена больше не войдет. У нее была отвратительная привычка: придет, сядет напротив, выключит телевизор, где показывают захватывающий футбольный матч, уставится на него в упор.

– Чего тебе? – спрашивал в таких случаях он, заранее пугаясь ответа.

– Не знаю.

– Не получается?

– Получается.

– Тогда сиди сочиняй свои песенки.

– Мне жалко.

– Жалко чего?

– Делиться с другими тем, что чувствую я. Мне все время кажется, что с каждой новой песней из меня уходит кусочек тепла. Жизнь уходит. Посидим, помолчим?

– Там футбол. Можно хотя бы без звука? Просто смотреть? Молча? Какая тебе разница?

– Идиот!

Вот и весь разговор. Уйдет, аккуратно прикрыв за собой дверь, а хорошего настроения у него как не бывало. И матч уже неинтересен. Непонятно, зачем приходила, чего хотела? Оскорбить его? А в девятнадцать лет, когда познакомились, она была нормальной девчонкой. Компанейской, симпатичной и хозяйственной. Даже не признавалась в том, что тайком занимается сочинительством.

На лестнице слышатся шаги. И он невольно вздрагивает. Невозможно поверить в то, что жены больше нет. Негромкий, деликатный стук в дверь.

– Да! Войдите!

Дверь открылась, в комнату заглянула Лара.

– Сережа, к тебе пришли.

– Кто?

– Кажется, из полиции. Ты извини, конечно...

– Да-да, я сейчас спущусь.

Второй этаж его. Жена предпочитала быть поближе к небу. Там, на третьем этаже, расположен ее рабочий кабинет. И небольшая студия. А на первом – столовая, гостиная,

кухня и хозяйственные помещения. Первый этаж для всех. Для обитателей дома и для гостей. «Чистилище», – тайком усмехался он.

Сегодня в «чистилище» находился знакомый сотрудник полиции. Тот, что составлял протокол на месте случившейся десятого августа трагедии. Тогда, кажется, все было ясно. Чего же он хочет?

– Извините, Сергей Васильевич, в деле появились новые обстоятельства. В связи с этим у меня к вам возникло несколько вопросов.

– Какие еще вопросы?

– Видите ли, появился свидетель. Девушка-инвалид. Вы, быть может, и не обратили на нее внимания. Она частенько совершает прогулки в инвалидном кресле. На переезде работает ее мать. Она путается в показаниях, толком сказать ничего не может. Зато дочь запомнила все до мелочей. Так вот, Сергей Васильевич... Она утверждает, что это не несчастный случай. Вы убили свою жену. Вытолкнули ее из машины, перед этим ударив чем-то по голове. Экспертиза, конечно, не может с уверенностью этого утверждать. Тело вашей жены было в таком состоянии, что... Простите. Но показания девушки...

– Бред какой-то! – Он даже вспотел от волнения. Ну надо же! Откуда она взялась, эта свидетельница? – Моя жена... Да я места себе не нахожу от горя! Разве вы не видите!

– Я вас понимаю. Но мы не можем мимо этого факта прой-

ти. Хотите совет, Сергей Васильевич?

– Да?

– Съездили бы вы к ней, поговорили. Решили бы все любовно. Странная девушка. Да и мать ее колеблется. Раз, мол, Жанночка видела, значит, так оно и есть. Если обе они будут настаивать на своих показаниях, то против вас возбудят уголовное дело. Вы в тюрьму хотите?

– Нет.

– А я не хочу лишних проблем. У вас наверняка есть хороший адвокат, влиятельные друзья, которые подтвердят, что вы безумно любили свою жену. Любили ведь?

– Да, – хрипло ответил он.

– Так что, Сергей Васильевич?

– Я поеду.

– Я сегодня вечером девушку эту еще разок навещу. Насчет показаний по вашему делу. Жалость-то какая, а? Симпатичная девушка, а так не повезло! Инвалид. Сердце кровью обливается. Ей бы ноги здоровые, да на танцы. Все б парни ее были. А к совету моему прислушайтесь.

– Спасибо.

– Да что там! Слышал я, как жена ваша поет. Сказать «пела» язык не поворачивается. Голос-то, а? Голосище-то, говорю, какой? И красавица. Все смотрел на нее и думал: бывают же такие красивые люди! Наверное, так положено. Ангелы, они, значит, что на небе, что на земле ангелы и есть. И еще думал, кто-то же с ними живет под одной крышей? Ест

вместе с ними, разговаривает, спит, простите за нескромность. По моим расчетам выходит, что не могли вы убить такую женщину. А значит, дело это пустое. Нам, полиции, и без того забот хватает.

Он ушел. Вновь холодный пот по спине. А может, это провокация? Под монастырь его подводят? Он поедет к девице и начнет ее уговаривать забрать заявление, а они там. Полиция. В соседней комнате. Подслушивают. Записывают. Ловят.

Все равно ехать надо. Он взглянул на огромный портрет в траурной рамке. Хороший портрет, студийный. Профессионал работал, и спасибо гримеру. Что касается необыкновенной красоты его покойной жены, то это вопрос спорный. Лицо как лицо. Обычное. Носик вздернутый, карие глаза отнюдь не огромные, скорее, напротив, небольшие, темно-русые волосы вечно растрепаны. Правда, что на ангела похожа... Черты лица тонкие, мелкие и всегда в постоянном нервном движении. Если не улыбается, то ревет. У нее все время было странное выражение лица. Как на этом портрете. Словно к чему-то прислушивается. А когда услышит, необыкновенный свет идет изнутри, через глаза, и все вокруг меняется, становится лучше, чище. Хороший грим, и выражение лица схвачено камерой в тот момент, когда на нее снизошло озарение. И вот вам портрет красавицы. Сабина Сабурова. Его фамилию оставила, между прочим, когда пробибалась на эстраду. А имя поменяла, чтобы было красивое со-

четание. Но фамилию-то отчего бы не поменять? Опять назло ему? Чтобы все, услышав, что он Сергей Сабуров, тут же спрашивали: «А какое отношение...»

Никакого. Все назло ему, мимо него и против его воли. И только он видел Машу, то бишь Сабину, по утрам и знал, что никакой красавицей она не была. Пока не выпила три чашки кофе, пока не уложила волосы в прическу, пока загадочный свет не разлился по мелким чертам лица, пока не вылезла из старых джинсов и полинявшей футболки, никто бы ее даже не узнал. Она могла неделями не приводить себя в порядок. Последний год жена уже не пропадала на гастролях, имя ее и так гремело на всю страну, а записанные альбомы расходились быстро. На подмостки московских клубов и концертных залов Сабина выходила при полном параде, но для мужа не утруждалась. Много чести!

Вот Лара, та всегда красива. Никогда не допустит, чтобы ее увидели непричесанной и без макияжа. Всегда одинаково улыбается, золотистые волосы коротко острижены, губы подкрашены, на ногтях маникюр. И стройная, подтянутая безо всяких диет. Отличный аппетит, крепкие нервы. А Сабина мучилась, глядя на пирожные. Что будет? Ее вес менялся так же непредсказуемо, как и выражение лица. То ходила синяя, тощая и вываливалась из всей одежды, то рыдала, глядя, как любимые джинсы натягиваются на бедрах и едва застегиваются на молнию. Все зависело от ее настроения. Частые депрессии сопровождались полным отсутстви-

ем аппетита. Депрессия – предвестник нового творческого запоя и траур во всем доме.

Все. Хватит об этом. Жены больше нет. А ему надо ехать.

Лара спускается по лестнице. Ее комната тоже на втором этаже. Там живут приближенные к императорской особе. Муж, лучшая подруга, дети, родственники. Те, с кем надо делиться. И кого можно за это изводить.

– Сережа, что? – Лара смотрит с искренним сочувствием.

– Появился свидетель. Девушка-инвалид, живущая на переезде, во время прогулок обожает разглядывать проезжающие машины. Она все видела.

– Как некстати! Сделай что-нибудь!

– Я уже еду.

– Хочешь, я поеду с тобой? Или одна?

Он подумал, что это было бы здорово. Лучше бы Лара отправилась в одиночку улаживать проблемы с девушкой-инвалидом. Как всегда. Улаживать проблемы – ее специальность. У Лары получится лучше, чем у него. Но что подумают люди? А полиция? Еще одна женщина в жизни Сергея Сабурова, мужа ныне покойной знаменитости. Это мотив для убийства. Он вздохнул с сожалением:

– Нет, нельзя. Ты немедленно поедешь в аэропорт встречать Элю. Самолет скоро прилетит. Ее надо успокоить, помочь разобрать вещи, накормить. Как Сережа-младший?

– Заперся с утра в своей комнате. Играет на компьютере. Я слушала под дверью. С ним все в порядке.

– Александра Антоновна сегодня придет?

– Обязательно. Она отпросилась до обеда. Но вечером в доме будет порядок.

– Послушай, неудобно так обременять женщину, которая...

– Ей за это хорошо платят, – тут же оборвала его Лара. – Она здорова и полна сил.

– Я только хотел сказать, что можно нанять ей в помощь еще кого-нибудь.

– А деньги?

– Но после смерти Сабины...

– Да, ты прав. Она много сочиняла в последнее время. Вчера я звонила в издательство, они проявили интерес. Во-первых, к ее текстам и дневниковым записям. Во-вторых, можно выпустить книгу воспоминаний. Мы с тобой были рядом с ней все эти годы. Я знаю, как надо написать, пока интерес к Сабине на самом пике. Потом найдутся другие кумиры или кто-нибудь из знаменитостей трагически погибнет. Нам это нехстати сейчас.

– Тот последний разговор в машине... Сабина напомнила о том, что после ее смерти я буду очень богатым человеком.

Лара среагировала тут же:

– Еще бы! Ты – единственный наследник. По закону. Дети несовершеннолетние. А ее истерические вопли о том, что весь доход от продажи последнего диска завещан в пользу детского дома, – очередной блеф. Никакого завещания нет.

Она любила *своих* детей. И диск еще не поступил в продажу. Представляешь, какой теперь будет ажиотаж? И ты получишь проценты.

– Проценты от смерти жены, – горько усмехнулся он.

– Сережа, надо спокойнее относиться к случившемуся.

Неужели нам было бы лучше, если бы она осталась жива? Ты ведь все понимаешь. Такие вещи случаются один раз в жизни. Перетерпи. А потом можно жить в свое удовольствие. Так что пообещай этой девочке золотые горы. Ну, пока?

Он чуть тронул губами ее душистую розовую щеку. Все-таки замечательная женщина! Настоящая. Ну почему он в свое время женился не на ней? В одной комнате жили подружки. Польстился, как и все остальные глупцы, на загадочный свет, идущий из карих глаз. Все время пытался поймать этот свет, окунуть в него пальцы и хоть немножечко присыпать золотой пылью и себя. Присыпал. Только не тем золотом. Ох, сумасшедшая юность! Ветер в голове, пожар в сердце. Нет, жениться надо в зрелом возрасте.

Он шел в гараж, как всегда, испытывая легкое волнение. Хорошие машины были его слабостью и одновременно предметом постоянных скандалов с женой, которая этого не понимала. Да и не пыталась понять. Тем не менее там, в гараже, стоят две машины. Обе иномарки, и обе новые. Выстраданные им, вымоленные такими словами и обещаниями, что до сих пор мороз дерет по коже.

Сергей помнил, что у его отца не было ни одной. Тот только мечтал о машине. И для Сергея с самого детства машина казалась несбыточной мечтой. Мечты сбываются, но платить за это приходится дорогой ценой. Сама Сабина долго училась водить и даже умудрилась получить права. Вернее, купила их. Но этим все и закончилось. Она не умела водить машину. Вернее, не умела это делать, как все нормальные люди. Просто езда ее не увлекала. Увлекали бешеная скорость и риск. После крупной аварии в первую же неделю, неизбежной при таком вождении, Сабина предпочитала ездить с шофером. А поскольку она презирала барство, то шофером стал ее собственный муж. Эксплуатировать близких людей – разве это барство? Но он никогда не жаловался. Уж очень нравилось управлять такой машиной.

Вошел в гараж и невольно вспомнил, что пришлось пережить перед тем, как жена купила «Форд Мондео»! Она не раз говорила, что грешно ездить на дорогих иномарках, в то время как большинство людей в родной стране живет за чертой бедности. Это, мол, вы меня заставляете тратить деньги на дорогие и глупые вещи. Под «вы» подразумевались домочадцы. Семья. Бесчувственные, злые люди. Безнравственные. И жадные.

Но иномарку она мужу все-таки купила в один из приступов раскаяния. Чем сильнее в душе жены бушевала буря, тем дольше светило потом солнце над безбрежным океаном ее чувств. И вот вам результат – красавец «Форд» серебристого

цвета. Сам выбирал. Жена презрительно сказала, увидев машину, что ее цвет напоминает крашенные серебрянкой ба-
шенки могильных оград. Но он не бард. У него не возникает поэтических образов по любому поводу и без оно-
го. Чудес-
ная машина! Как жаль, что надо вернуться к тому переезду.
Но – придется.

Он ожидал, что будет хуже. Думал, что, вновь очутившись там, где случилась трагедия, рассиропится, начнет раскаи-
ваться, переживать. Мол, как много она могла бы еще сде-
лать, если бы осталась жива! В безвременной кончине гени-
альной Сабины Сабуровой он виноват. Как там сказали вче-
ра в одной из телевизионных передач? «Накануне солнеч-
ного затмения русская культура понесла тяжелую утрату...»
И так далее. Солнце по имени Сабина погасло навеки. Ах, ах,
ах! Вечная тьма! Сколько их, этих солнышек, взойдет еще
над горизонтом? Человечество не может жить во мраке, лю-
дям необходим день. Даже если каждый из них будет нака-
нуне солнечного затмения.

И вот он снова здесь. Шлагбаум поднят, переезд не зве-
нит. Девушка в инвалидном кресле вновь на обочине.
Она что, никогда отсюда не уезжает? Похоже, узнала его
машину. Вся подобралась, сильные пальцы вцепились в ко-
леса инвалидного кресла. Что, милая, убежать захотелось?
Не выйдет! Надо бы объясниться. Сергей вышел из машины
и направился к ней.

Напрягся и вспомнил: они с женой видели ее и раньше. Сабина чуть не заплакала. По выражению ее лица он понял: страдает. И это надолго. До самой Москвы не успокоится.

– Ну выйди, дай ей денег, – не выдержал он.

– Ты что?! Как можно?! – возмутилась жена.

– А что тут такого?

– Ты ничего не понимаешь, – с укором сказала она. За пятнадцать лет их брака эта фраза стала у нее чрезвычайно популярной.

Зато теперь он сразу понял, что так просто от девицы не отделаешься. Странно, но жалости к ней он не испытывал. Ух ты, какие глаза! Злющие! А личико бледное, невыразительное. Таким обделенным судьбой Господь, как правило, отмеряет красоты щедрыми горстями. А этой сыпанул щепотку и остановился. Сэкономил. Но нельзя было не наградить. Чем же он ее наделил сверх меры? Упрямством? Похоже.

– Здравствуйте, – кивнул он, глядя девице прямо в глаза. Та глаз не отвела, взгляд его выдержала. Да, характер. Характер налицо.

А глаза у нее красивые. Серо-голубые, в светлых пушистых ресницах. Из-под косынки выбилась вьющаяся светло-русая прядь. Она накручивает ее на палец и молчит. Ждет.

– Вы меня узнали? – спросил он.

– Да.

По крайней мере, не немая. Хотя для него лучше бы немая, чем... Фу-ты, как жестоко! Как он смеет так думать! Жена, которая умела подслушивать его мысли, сейчас начала бы грозить, что напишет завещание в пользу детей-сирот. Чтобы ничего не досталось такому бездушному, жестокому, такому... Но жены больше нет.

– И как же вас, девушка, зовут?

– Жанна.

– Очень приятно. (Ха! Приятно!) Я Сергей Васильевич Сабуров. Муж той... – слова застряли в горле, и он махнул рукой в сторону переезда.

– Я знаю, кто такая Сабина Сабурова.

– Очень хорошо. Именно поэтому вы решили обвинить меня в ее смерти?

– А разве я не права?

– Послушайте, с чего вдруг вы решили посадить меня в тюрьму?

– Это мое дело.

– Денег хотите? – напрямую спросил он.

Молчит. Смотрит.

– Где твоя мать? – довольно-таки резко перешел он на «ты». Противная, злая девчонка! И вдруг услышал:

– Возьмите меня к себе.

– Куда к себе? – растерялся он.

– У вас есть дом?

– У каждого человека есть дом.

А разве не так? Не на улице же она живет? Вон они, три бревенчатых строения метрах в ста. Они неказистые, но все-таки. Чем не дом?

– Большой? – не моргая, смотрит она.

– Ну, допустим, три этажа.

– Со всеми удобствами?

– Но это же естественно... – и он осекся. Не похоже, что сюда провели водопровод и природный газ. Зрение у него хорошее, и колодец у крайнего дома он высмотрел.

– Я могу многое делать сама. У меня сильные руки. Вот, смотрите.

Она задрала рукав тонкого свитера. Крупная кисть сжалась в кулак, предплечье напряглось. Он невольно вздрогнул. У девчонки отлично развита мускулатура. Может быть, несчастное создание от скуки балуется гантельками? Чтобы как следует крутить колесики и таскаться каждый день на этот переезд. И шпионить за проезжающими.

Спокойно, Сергей, спокойно. Не злись.

– Это все, что ты хочешь?

– Я хочу, чтобы вы мне помогли.

– Ну откуда ты свалилась на мою голову?! – возмутился он, понимая, что от девчонки не избавиться. Если только отправить ее вместе с креслом под поезд. Но это уже верная тюрьма. Убийство свидетеля.

– Я вас не боюсь, – сказала она, словно, подобно покойной жене, подслушала его мысли. – Я знаю, чего надо бояться.

У вас нет выхода. Сегодня ко мне полиция должна прийти.

– Ладно. Эта штука разбирается? – Он кивнул на кресло. – Мне надо запихнуть его в багажник.

– А мама?

– Что – мама?

– Вещи. И мне надо ей сказать, что я уезжаю.

– Конечно, мы сейчас же поедem к твоей маме, – сказал он как можно мягче. Раз все уже решено.

Он хотел сам катить кресло, но девушка не дала. Она очень ловко крутила руками колеса и передвигалась почти так же быстро, как нормальный человек ходит. Ее мать вышла навстречу, не слишком уверенная в своих движениях. Сергей догадался, что женщина пьяна. Неприятная особа. И сразу она начала причитать:

– Ой, Жанночка, как же ты, дочка, оделась в такую погоду! Ой, да что же это вы в дом не пройдете? Да если Жанночка что видела, так вы уж не сомневайтесь. У нее с глазками-то, с глазками-то, я говорю, все в порядке. – Женщина пьяно всхлипнула и вытерла рот углом платка, повязанного на голове по-деревенски.

– Все нормально, – стараясь сдерживаться, ответил он.

– Я уезжаю, мама, – спокойно сказала девушка.

– Куда, дочка? – растерялась та.

– К нему. – Дочь кивком показала на своего спутника. –

И не возражай. Он меня вылечит. И я вернусь. Ты собери самое необходимое.

– Да, пожалуйста. – И Сергей поспешил добавить: – Много вещей не надо.

– Но как же так? А кресло-то как вы с собой? Кресло-то?

– Не беспокойтесь. – Сергей с детства любил возиться с техникой. И по профессии был инженером. Собрать и разобрать инвалидное кресло не бог весть какая сложная задача. Скорей бы обратно, в Москву, а там все утрясется. В конце концов, есть Лара. Умная, спокойная, решительная Лара. Она же сказала, что можно обещать девице золотые горы. А значит, и место в собственном доме. Лучше, если она будет на глазах. Подальше от здешней полиции.

– Мама, ты скажи следователю, если придет, – это уже из машины, поверх опущенного стекла. – Жанна отказывается от своих показаний. Протокол составлять не надо. Мы с тобой не так все поняли. Женщина сама выпала из машины. Несчастный случай. Хорошо?

– Так ведь я с самого начала...

– Поехали, – обернулась к нему Жанна. – Ну?..

...Девушка по дороге молчала, и Сабуров подумал, что она стесняется. Может, страдает косноязычием?

– Ты школу оканчивала?

– Да.

– Читать, писать умеешь?

– У меня не с головой непорядок. С ногами.

– Может, стихи пишешь?

– Нет.

– Ну, тогда романы? – усмехнулся он.

– О чем?

– Ну, о чем все пишут.

– Я не знаю, о чем все пишут.

– Ты что, книг не читала?

– У нас в доме нет книг.

– А в библиотеке?

Взглянула на него с откровенным презрением. Он сообщил: город, где находится ближайшая библиотека, далеко, и ее мать ездит туда вовсе не за книгами.

– Что, учителя книг не возили?

– Возили. Только не романы. Не про любовь. По программе.

Все ясно. У девицы полностью отсутствует воображение. Все воспринимает буквально. Романы – это про любовь, программные вещи – о смысле жизни. А в чем ее смысл?

– В чем смысл жизни? – спросил он на всякий случай.

– В том, чтобы ходить.

– Ну, разумеется. Извини.

Бессмысленный разговор. Для больного человека все проблемы сводятся к его же болезни. Нет болезни – нет проблем. Сабуров молчал долго. Девушка тоже молчала. Смотрела с интересом в окно. Ах да. Она же ничего этого никогда не видела.

– Ты выезжала куда-нибудь из дома? В город, например?

– На чем?

Поезда дальнего следования никогда не останавливались на железнодорожном переезде. Электрички тоже. Самолеты летали высоко в небе, машины проезжали мимо. И девушка неохотно добавила:

– В детстве, когда я была маленькая, мама возила меня по врачам.

– Ладно, теперь я буду возить, – с легкостью пообещал он.

Они опять замолчали. Сабуров любил быструю езду. Не такую, разумеется, как Сабина. Быструю, но неопасную для жизни. Коттеджный поселок, куда их семья перебралась года полтора назад, находился недалеко от Москвы. Это была идея жены, уставшей от городского шума и суеты. Поселок окружен высоким забором из белого силикатного кирпича. На въезде стоит полосатый шлагбаум и будочка, в которой безотлучно сидит охранник. Сабина выбрала это место сама. И сама давала указания архитектору. У нее имелось много талантов. Кроме одного: быть нормальным человеком. Как все. Он понимал, что у талантливых людей бывают заскоки. Это неизбежно. Но не может же человек состоять из одних только каверз?

За большим забором много маленьких. Как в матрешке. Все правильно: люди любопытны и завистливы, чтобы от них спрятаться, необходимо строить и строить заборы. Достаток надо прятать. А достаток людей, живущих в коттеджном поселке, налицо. Дома огромные, непохожие друг на друга, каждый спроектирован в соответствии со вкусом клиента.

Девушка словно и впрямь онемела. Сергей усмехнулся, вспомнив собственные ощущения при переезде сюда. Простому человеку жить в таком доме некомфортно. Если не он на него заработал и приходится выслушивать упреки изо дня в день.

Все домочадцы высыпали на крыльцо. Стоят, смотрят с откровенным удивлением. Дочь, сын, домработница Александра Антоновна и Лара. Та, кажется, потеряла дар речи. Пока он вынимал из багажника и собирал инвалидное кресло, никто не проронил ни слова. Потом Сергей перенес в него Жанну, подтолкнул кресло по направлению к дому. Девушка тоже молчала.

– А это Лариса... Э-э-э... Как твое отчество, Ларочка? – по тому, как потемнели зеленые русалочьи глаза, он почувствовал, что сейчас разразится буря.

– Кто? Кто это?! – выдохнула та.

– Это Жанна.

– Зачем?!

– Так надо. Будь добра, сообрази по-быстрому, где бы нам ее поселить.

– Поселить?! Ну, знаешь!

Лара резко развернулась и исчезла в доме. Александра Антоновна жалостливо поджала губы, покачала головой. Мол, надо же, такая молодая, и в инвалидном кресле! Дети смотрели на Жанну удивленно, но отнюдь не с жалостью. Сабина частенько говорила, что они бесчувственны и эгои-

стичны, в отца.

– Сережа, Эля, подойдите.

Сыну скоро четырнадцать, дочери недавно исполнилось восемь лет. Эля на похоронах не присутствовала, сегодня только приехала из летнего лагеря. Досрочно. Видимо, Лара еще в машине успела успокоить девочку, объяснить, что мама уехала. Далеко и, возможно, навсегда. Сабина проводила с дочерью гораздо меньше времени, чем Лара. Вот если бы не стало Ларисы...

Сережа-младший еще помнит другую мать, которая читала на ночь сказки и укладывала спать. Сама стояла у плиты и стирала белье руками. Но последнее время они друг друга не понимали, мать и сын. На похоронах Сережа-младший стоял насупившись, но не плакал.

– Подойдите, – повторил отец.

Они переглянулись, словно раздумывая: надо ли слушаться папу? В доме главной была мать, а ее больше нет. Происходит переоценка ценностей и смена приоритетов. Сын первым спустился с крыльца.

– Помоги мне, – попросил Сергей.

Вместе подняли кресло наверх, по ступенькам. Жанна помогала, изо всех сил работая руками. Эля так и не сдвинулась с места. Сергей подумал, что с этим разберется потом. С ребенком, который совсем отбился от рук. В холле разгневанная Лара, кричит:

– Ты с ума сошел?! Нам что, нанять еще и сиделку?!

– А что мне было делать? Садиться в тюрьму?! – повысил голос и он, не стесняясь девушки.

– Все, что угодно, но только не это!

Вот Сабина обходилась без этих банальных фраз. Без штампов. С ней было интереснее. Лара предсказуема. Он с самого начала знал: приезд Жанны она не одобрит, будет кричать. Спасла ситуацию Александра Антоновна, которая вдруг засуетилась:

– Да все будет в порядке. Не ребенок малый, право слово. Я ей помогу на первых порах. Обойдемся. Комнатку внизу выделим. Очистим от старых вещей кладовку, снесем их в сарай. Сейчас я по-быстрому порядок там наведу, пол протру, занавесочки повешу.

– Надеюсь, это ненадолго, – выдавила Лара.

– Это уж как хозяин решит, – бросила на нее насмешливый взгляд Александра Антоновна. Словно хотела сказать: ты-то, мол, кто? Кричи, не кричи, не твое все это. И Жанне: – Давай-ка, дочка, посмотрим, что там за помещение.

И она вплотную занялась устройством Жанны. Александра Антоновна при живой хозяйке исполняла обязанности помощницы по хозяйству. Уборка, готовка, стирка, глажка, газон, который требовал ухода, – все было на ней. Помогала она, кстати, и Ларе, которая являлась кем-то вроде управляющей: рассчитывала семейный бюджет, расписывала покупки, вела переговоры на правах агента певицы, общалась с журналистами как Сабинин пресс-секретарь. Од-

на Александра Антоновна с домашними делами не справлялась. Дом был огромен, и двое детей требовали неусыпных забот.

Сабуров рассчитывал, что, поскольку Сабины больше нет и заниматься ее делами не надо, то Лара тоже перейдет на положение домохозяйки. Но та не выразила желания помогать Александре Антоновне. Напротив, полностью устранилась от домашних дел. И теперь не приняла никакого участия в устройстве приехавшей девушки, прошла в гостиную, уселась в кресло, демонстративно закинув ногу на ногу, и заявила:

– Ты напрасно привез эту девицу к нам в дом, Сергей.

– Послушай, ведь это же инвалид, несчастное, незащитное создание...

– Она – незащитная?! Не смейся! О, у нее самая мощная защита из всех, какие только существуют! Запомни это, Сережа.

– Она тебе не понравилась. Понимаю. И что мне теперь делать? Везти ее назад?

Пауза. А если Лара скажет «вези»? Но она молчала. Потом спросила резко:

– Почему она не ходит?

– Я откуда знаю? Мне не пришло в голову посмотреть ее медицинскую карту.

– Отлично. Я сама посмотрю эту карту. И отвезу ее к хорошему специалисту. Знаю даже к кому. Потому что если эта

особа когда-нибудь и уберется из нашего дома, то не иначе как на своих ногах.

– Это еще почему?

– Потому что привезти ее сюда – это глупость, но еще большая глупость выставить отсюда в том же инвалидном кресле. Нам нужна хорошая пресса. Это не тот скандал, который идет на пользу имиджу. А вот если мы ее вылечим... По крайней мере, теперь в моих интересах заняться ее здоровьем. Я хочу, чтобы эта девица прошла обследование, по возможности получила квалифицированную медицинскую помощь и убралась обратно в отчий дом. К тому времени как раз ее показания против тебя будут уже неактуальны.

– Не понимаю, ну почему ты с первого взгляда так невзлюбила Жанну?

– Потому что, Сережа, я хорошо разбираюсь в людях. Кто разговаривал с продюсерами и раскручивал их на деньги? Ты? Сабина?

– Ну, с ее талантом...

– А с ее характером?

Это правда. Если о людях, быстро меняющих мнение, говорят, что у них семь пятниц на неделе, то у Сабины Сабуровой все эти пятницы приходились на один день. С утра – истерика, после завтрака – меланхолия, в обед – работа, на полдник – вдохновение, нескрываемая радость от очередной удачи, а начиная с ужина и до поздней ночи переходные ста-

дии депрессии. Плохо – очень плохо – совсем плохо – жить не хочется. Это в обычные дни. Бывали моменты просветления, и тогда все в доме были просто счастливы. Разговаривать с продюсерами она не умела. Да и не хотела. Сабурову ничего не оставалось, как согласиться с Ларой:

– Ну, хорошо: девчонка – дрянь. Но что теперь поделаешь? Ты уж ею займись. Я пойду гляну, как она там.

– Не спеши, – усмехнулась Лара. И, резко поднявшись из кресла, отправилась к лестнице, ведущей на второй этаж. Немного подумав, он двинулся следом...

...Когда через час Сабуров спустился в гостиную, Жанна уже осваивалась в доме. Ее кресло стояло перед огромным портретом Сабины, которая даже своей трагической гибелью облагодетельствовала многих. И Жанну в том числе. Не случись смерть певицы, не выбратся бы ей с глухого переезда. Сабуров заметил, с какой жадностью девушка разглядывает портрет.

– Не слишком-то похожа, – заметил он.

– Она была красавицей, – без зависти в голосе сказала Жанна.

– Не знаю, не замечал.

– Да вы что?! – возмутилась девушка. – Сабина Сабурова! В самом ее имени столько величия! Как это красиво!

Он не выдержал:

– Марусей ее звали. Запомни это. Ма-ру-сей. А Сабина – псевдоним.

Девушка нахмурилась. Понятно: осуждает его. А за что? Ее Величество на самом деле звали Машей. Он же окликал ее по-домашнему: Маруся. В юности жена заплетала длинные волосы в косу, одевалась в платья, отделанные рюшами, и носила на голове пуховый платок. Предки будущей Сабина простые крестьяне. Рождение в глухом поселке девочки, которая с детства думала в рифму, – загадка природы. Тот, кто, пролетая над землей, разбрасывает золотые самородки талантов, совсем не заботится о том, куда они упадут. Похоже, что над поселком, где родилась Сабина, в мешке с дарованиями образовалась большая дыра. И все досталось одной-единственной девочке. Хрупкой, русоволосой и похожей на ангела.

– Ты не знаешь, где дети? – спросил он у Жанны.

– В сарае, разбирают старые вещи вместе с Александрой Антоновой.

– Как тебе комната? – спросил он.

– Понравилась, – коротко ответила Жанна.

– Пойдем посмотрим.

Девушка энергично начала вращать руками колеса, разворачивая кресло. Минуя кухню, они проследовали в маленькую комнатку, раньше бывшую просто кладовкой. При жизни Сабина облюбовала ее для хранения своих бумаг. Она не любила просматривать уже написанные, но, по ее мнению, неудачные стихи, но и выбрасывать их боялась. А вдруг? Была у нее мечта издать воспоминания, да и сре-

ди неудачных текстов попадалась пара-тройка заманчивых рифм.

– Быть может, я вычерпаю свой источник до дна и вернусь сюда поплакать над тем, как была когда-то талантлива, – говаривала Сабина. Больше всего на свете она боялась, что вдохновение ее покинет, в работе заключался смысл ее жизни.

Плакать о погибшем таланте Сабине не пришлось. Она умерла раньше, чем перестала писать песни. Кладовка же осталась практически пуста, в одном углу стоял стеллаж с бумагами, набросанными в беспорядке, у окна письменный стол. Сюда Александра Антоновна с помощью Сережи-младшего принесла из сарая почти что новый диван-экспресс, обитый синим велюром, два кресла, тумбочку, огромное зеркало, которое Сабина заставила его привезти из родного поселка. Мол, что-то должно напоминать об отчем доме. Поначалу зеркало отнесли в спальню, но через месяц жена заявила, что тени предков бродят по ту сторону и мешают ей ночью спать. Он покрутил пальцем у виска:

– Тебе, Маруся, давно пора обратиться к психиатру.

– Я – Сабина Сабурова, – надменно ответила жена. Он понял, что не следует больше называть ее Марусей. Поскольку ему был обещан новый «Форд», пришлось смириться. С тех пор он не называл ее никак. Ни Марусей, ни Сабинной. Обезличенно: «милая», «дорогая», «будь добра».

Зеркало тогда отправилось в сарай, и вот оно здесь. Жан-

ну же заинтересовал стеллаж с бумагами.

– Это романы? – спросила она.

– Ну, во всяком случае, про любовь здесь должно быть много, – едва не рассмеялся Сергей. Любовь являлась главной темой творчества покойной жены. Прежде всего Сабина была Женщиной с большой буквы.

– Можно читать?

Сабуров нахмурился. Все ж таки чужой человек. Альковные тайны семьи Сабуровых не должны покинуть пределы этого дома. Надо бы выяснить, что в этих бумагах. Лару, что ли, сюда прислать? Может, кое-что из архива Сабины можно выгодно продать? Бывают же сумасшедшие, которые платят бешеные деньги за клочок бумаги, исписанный рукой кумира!

– Ничего не трогай, мы потом разберемся с бумагами, – обронил он. И вдруг добавил: – Этот диван стоял в нашей квартире. На нем спала Эля. Но Лара решила, что в интерьер этого дома он не вписывается.

– Здесь все решает Лара? – презрительно спросила Жанна. Ого! Уже почувствовала врага!

– Просто у нее хороший вкус, – ответил он. – Ты всем довольна?

– Да, – коротко ответила девушка.

– Вскоре Лара займется твоим лечением. Сюда приедет врач.

– А Лара – она кто?

– Лара – это Лара.

– Понятно, – со значением сказала Жанна.

Неожиданно для себя он разозлился. Что ей понятно? В девятнадцать лет? Когда впереди вся жизнь, долгая и трудная, и кажется, что первая любовь – до гроба. Что чаша бездонна и в ней божественный нектар. Пей и наслаждайся. Но – уву! Не бездонна, и на дне ее осел горький осадок: ненависть и презрение. Презрение прежде всего к себе, к своей слабости, а ненависть – к законной жене, которая не может жить просто, без упоения и восторга. Которая требует от него юношеской пылкости и неземной страсти. Он вдруг вспомнил последние ночи, проведенные с Сабиной, и содрогнулся. Есть любители ходить по раскаленным углям, он же предпочитает просто полежать возле небольшого костерка. В сорок лет хочется покоя. И удобства. И меньше всего на свете жаждешь резких перемен.

После пятнадцати лет мучений ему нужна удобная женщина, которая не станет требовать больше того, что ему по силам.

Но Жанне он ничего объяснять не стал. Толку-то? И кто она такая, чтобы его осуждать и вызывать на откровенность? Лара в его жизни величина постоянная, а Жанна сегодня есть, завтра ее уже нет.

– Отдыхай, – коротко сказал он и вышел из комнаты, оставив девушку одну.

Жанна ликовала. Вот оно! Черновики, сплошь покрытые нотами и кривыми строчками. Почерк скверный и непонятный, строчная буква «т» чередуется с прописной. Будто до конца жизни Сабина была не уверена в том, как следует ее писать. Говорят, по почерку можно многое узнать о человеке. Если так, то Сабина Сабурова была человеком сложным, чье настроение быстро менялось, судя по тому, сколько зачеркнуто и как часто обрываются строчки. На полях кое-где встречается размашистый автограф: Сабина Сабурова. Это уже мания величия. Но она имела на это право. Как и на многое другое.

«Ничего не трогай», – сказал Сабуров. А кто он такой, чтобы ей запрещать? Сегодня они живут под одной крышей, завтра разбегутся и никогда больше не встретятся. Только бы вылечил ее. А он вылечит, потому что обязан ей своей свободой. И Жанна без колебаний начала рыться в бумагах.

Какая притягательная личность Сабина Сабурова! Подумать только: звезда! Сколько раз она видела ее по телевизору и даже не мечтала приблизиться настолько, чтобы тайны великой певицы оказались на расстоянии вытянутой руки!

Жанна жадно схватила с полки альбом с фотографиями. На первой странице выцветшими от времени чернилами размашисто написано:

И в черные будни по графику,
И в самые светлые дни

Храни ее фотографии,
и письма ее – храни.

Подпись: «Маша Малинина». И тут же вспомнились слова Сергея Сабурова: «Марусей ее звали...»

В этом альбоме никакой певицы Сабины еще не существовало. Была девушка с русой косой, перекинутой через плечо, Маша Малинина. На групповых школьных фотографиях она терялась в ряду рослых, уже оформившихся одноклассниц. Пучеглазый лягушонок с большим некрасивым ртом. В центр ее не ставили, камеру наводили на красивых девочек, оттого лицо будущей звезды везде чуть размыто. Должно быть, поэтому старые школьные фотографии Сабина отправила в кладовую. Она хотела избавиться от воспоминаний детства и юности. Сергея Сабурова в альбоме не нашлось тоже. Он появился в жизни Маши чуть позже. Зато был *Он*.

Жанна так себе это и представляла. Все песни Сабины посвящались несчастной любви. Великая певица страдала. Не раз, замирая, Жанна слушала, как ее звонкий, сильный голос звенит на высоких нотах и тут же камнем падает вниз. И становится бархатным, влажным. У голоса Сабины Сабуровой был широкий диапазон. Очень красивый тембр. И песни хорошие. Но они не о муже. Так любить человека, который пятнадцать лет находится при тебе неотлучно? Которому рождаешь детей, стираешь носки и варишь борщ? А он те-

бе изменяет и изо дня в день устраивает сцены? Почему-то Жанна уверена, что они жили плохо. Любви между ними не существовало. И эта Лара...

Значит, есть *Он*. Жанна листала альбом с фотографиями, заранее зная, что человек этот здесь. Он пришел в песни Сабрины из юности. Он сделал ее великой певицей. Во имя Него совершались все ее подвиги.

Под одной из групповых фотографий подпись: «Моя единственная любовь». Единственная подчеркнуто. Чернилами, менее выцветшими, значит, гораздо позже. Лицо юноши обведено синим фломастером, буквы выведены старательно, округло. И буква «т» прописная. А как же Сабуров? Почему они не поженились, Сабина и парень, лицо которого обведено на школьной фотографии? «Моя единственная любовь». Жаль, что снимок черно-белый. Интересно, какого цвета у него глаза?

Вот и еще один снимок. Тоже черно-белый, похоже, для паспорта. Сличила: он. Парню лет шестнадцать-семнадцать, волосы светлые, чуть вьющиеся, губы сжаты, взгляд упрямый, но какого же цвета у него глаза? Светлые, похоже, голубые. Или зеленые? А лицо красивое. Хотя черты его жесткие, хищные. Девочки к таким мальчикам тянутся, в них чувствуются сила и надежность.

Жанна невольно сравнила его с Сабуровым. А что? Сабуров – интересный мужчина! Если не думать о его проступках по отношению к Сабине и быть объективной. Не толстый,

хотя и не худой, с приятным, располагающим лицом. Жаль только, что все время хмурится. Кого бы она выбрала, если бы пришлось выбирать?

Но это же фотографии двадцатилетней давности! Где он, этот парень, что с ним стало? И какой он теперь? Жив ли? Столько лет прошло! Почему в этом огромном трехэтажном коттедже живет теперь Сергей Сабуров, а не парень, которого великая певица называла «моя единственная любовь»?

Жанна хотела понять, за что? Выбор необыкновенной во всех отношениях Сабины не может быть случайным. Та знала великую тайну любви. Иначе не написала бы таких песен. Сабина знала, *за что* надо любить. Вот у кого стоит учиться!

До сих пор в жизни Жанны ничего такого не было. И выбора тоже. Героев популярных сериалов она не воспринимала всерьез, то неживое, ненастоящее, а других мужчин поблизости не наблюдалось. А любить так хочется! Просто сил нет! Ведь ей уже девятнадцать! Первым достойным ее внимания оказался Сергей Сабуров. Но обстоятельства, при которых они встретились! Допустим, бог с ними, с обстоятельствами. Хотя можно ли влюбиться в Сергея Сабурова, которому знаменитая жена ни строчки нежной не посвятила? Значит, он плохой человек. Недостойный.

А вот этому, с фотографии, – все лучшие песни, самые нежные слова. Не просто такой гордой женщине признаться: «Всеми любимая, но не тобой...» И такая мука в ее вы-

соком голосе, что комок подступает к горлу. И веришь ей. Веришь всегда. Да, Сабину любили и слушали потому, что она никогда не лгала. Она была искренна и в любви своей, и в ненависти, и в гневе. А песня для людей – это колыбельная для души. Спи, моя радость, усни, переселись на время в иной мир и замени печаль свою печалью чужой.

Как же его зовут-то? Кроме «моя единственная любовь», есть же у него другое имя! Данное при рождении и записанное в свидетельстве. Жанна со вздохом посмотрела на кипу исписанной бумаги. Как хочется узнать о нем побольше! Найти бы, выяснить, что стало с этим человеком. Но как?..

...Дом, построенный по указаниям Сабины Сабуровой, вызывал у людей, попавших внутрь, недоумение. Со временем Сергей с этим смирился и только молча пожимал плечами. Жена, мол, так захотела. Долго искала архитектора, способного претворить ее желания в жизнь, но своего добилась. Подстраиваться под других Сабина не умела и не хотела, а на мнение домочадцев ей было откровенно наплевать.

И Сабурову, и Ларе проект с самого начала казался отвратительным. А когда дом построили, оба поняли, что не ошиблись. Трехэтажное чудовище попирало все представления о красоте и гармонии. Не говоря уже об удобстве.

Ряд расположенных полукругом ступенек вел к полукруглой же вверху входной двери. Полукруг ее был выложен разноцветной мозаикой. Картина – абстракция, некая голово-

ломка. Над крыльцом навес, подпираемый резными столбиками. За дверью – небольшой холл. Справа и слева – двери, через которые можно выйти на кольцевую веранду.

Центральная в холле дверь раздвижная. При Сабине она всегда была распахнута. За ней – гигантских размеров гостиная. Дело даже не в ее размерах, а в высоте. Не два метра, не четыре. В три этажа, потому что по всему периметру гостиной шли открытые взору переходы между комнатами, а также лестницы, ведущие наверх, с этажа на этаж. Все сходилось почему-то на этой гостиной. Время от времени помимо своей воли все обитатели дома там встречались. Ибо невозможно было ни выйти из дома, ни подняться на другой этаж, минуя гостиную и оставшись незамеченным для находящегося в ней человека.

Сабуров заметил в этом проекте намек на студенческое общежитие. Два года, еще будучи студенткой, Маша Малинина вместе с подругой Ларой жила в маленькой комнатке, дверь которой выходила в длинный коридор, казавшийся бесконечным. Сабуров к ней приезжал, когда ухаживал, иногда оставался на ночь, и у него всегда появлялось ощущение, что они с Машей не одни. За хлипкой дверью, за тонкими стенами все время находились люди. Они ходили, громко разговаривали, смеялись, и Сабуров никак не мог отделаться от мысли, что смеются над ним. Казалось, что те, в коридоре, все знают про каждый их поцелуй и стон. И теперь в доме, который придумала Сабина, он так же чувствовал чужое

присутствие. Словно за ним и женой подсматривало все человечество. Но это построено на ее деньги. Не его. И он стерпел.

Утешался же тем, что есть гараж. Можно с утра до ночи возиться с машинами, не опасаясь неожиданного вторжения жены. Та гаража избегала. В гостиной он старался не задерживаться, не сидел подолгу с чашкой кофе или у включенного телевизора.

Выдолбленный внутри кирпич, увеличенный до гигантских размеров, – вот что такое его дом. Бессмыслица, нелепость. Бездна пустого пространства, которое никак не использовано. Храм в честь великой Сабины, где к небу больше года возносились не молитвы, а песни.

Ее больше нет, а жизнь продолжается. Надо думать о детях, об их будущем. Скоро начнется новый учебный год, Сережа-младший переходит в физико-математический класс, у него способности к точным наукам, маленькая Эля занимается бальными танцами и музыкой. С Жанной они общаются неохотно, словно чувствуют человека из другой среды, который их не понимает, а порой и осуждает. Девушка же занята только своей болезнью, все люди, которые умеют ходить, по ее мнению, должны быть счастливы уже этим. Если капризничают и упрямятся, значит, избалованы. Быть может, она не так уж и не права. Сережа еще помнит ту, другую жизнь. Когда родителям приходилось считать каждую копейку. Но Эля росла, как маленькая принцесса. С пяти лет

находилась в центре всеобщего внимания. Еще бы! Дочь великой Сабины!

Хорошо, что дом огромный, и, не считая обязательных встреч в гостиной, места для уединения предостаточно.

Но так или иначе с девушкой в инвалидном кресле приходится встречаться частенько. Она словно всегда на боевом посту: целыми днями торчит в гостиной. С ним почти не разговаривает, но в ее взгляде с каждым днем появляется все больше осуждения. Кажется, сладкий яд тех песен, что пела сирена по имени Сабина, проник и в ее душу. Ему, как мужу певицы, положено выражать бурный восторг. А он не выражает. Потому что песен ее не любит и не понимает. Стыдно признаться, но это так. Оттого обидно еще больше. Вот другие – те смогли понять. А он нет.

Последнее время Сергей находился в странном состоянии. Недоумения. И стал опасаться, что дальше будет хуже. Прошло две недели со дня смерти жены. Казалось, пора бы вернуться к нормальной жизни и построить ее так, как ему всегда хотелось. Но чего-то Сабурову не хватало. Он почти жалел, что Сабины больше нет. Исчез источник постоянного раздражения. Колокол, который не унимался даже по ночам, вдруг перестал звонить. И – тишина. Сначала прислушиваешься с надеждой: повезло? неужели больше никогда? Потом с недоумением: неужели же больше никогда? А потом с отчаянием: что, совсем никогда?!

А девушка в инвалидном кресле словно понимает его

состояние. Сабуров подозревал, что Жанна тайком читает дневники Сабины. И пожаловался Ларе. Та удивилась:

– Что, там есть какие-то тексты песен? Ноты?

– Вряд ли. Там ее дневники.

– Она же никогда не писала прозу, – напомнила Лара.

– Ну, это раньше. Она о многом умалчивала. – И задумчиво добавил: – В юности ее кидало из одной крайности в другую. Маруся то хотела ехать ликвидировать последствия очередного природного катаклизма: наводнения, землетрясения, пожара. Словом, туда, где кипела жизнь. То говорила, что уедет в деревню, к родителям, и будет доить коров на ферме. Тишина, вдохновение. И проза. Позже она попробовала писать воспоминания. В кладовой ее черновики.

– А там ничего такого нет? – осторожно намекнула Лара.

– О нас с тобой? Или о ее великой любви? Единственной и неповторимой?

– Так ты знаешь?

– Я к этому никогда всерьез не относился. Если бы Сабина не пережила несчастную любовь, она бы ее просто придумала. Скорее всего, так оно и было.

– Но он хорош, – задумчиво протянула Лара. – Интересный мужчина. И настойчивый. Они встречались, ты знаешь?

– Разумеется.

– Мы с тобой всегда избегали этой темы: ее романов. Мне не хотелось делать тебе больно.

– Я прекрасно знаю, что она мне изменяла. И знаю, с кем.

Поименно. Только не думай, что я ревновал. Напротив, испытывал облегчение оттого, что мы в расчете. Конечно, мою маленькую измену не сравнить с ее бурными похождениями, но все же. Большие люди и во все тяжкие пускаются по-крупному. А мы, серость, по мелочи. У нас не грехи – грешки, которые и отмаливать-то стыдно. Кому Бог не подал, с того и не спросится, – усмехнулся он.

И ему вдруг показалось, что Лара обиделась. На то, что он сказал «мы, серость», объединив себя и ее. А разве не так? После паузы Лара спросила с некоторым напряжением:

– Кстати, ты не знаешь, почему тогда, в юности, они разбежались? Почему не поженились?

– Знаю. Он никогда ее не любил. Ведь главная ценность Сабины Сабуровой состоит в том, что она – Сабина Сабурова. Но таковой моя жена стала не сразу. Годам к тридцати. Вот тогда он и объявился вновь.

– Значит, неразделенная любовь.

– Именно поэтому Сабина и выбрала его своим героем. Неужели не понятно? Есть люди, просто-таки созданные для несчастной любви. Хлебом их не корми, дай пострадать... Слушай, давай оставим эту тему? У нас есть более насущные проблемы, чем романы моей покойной жены. Что с Жанной? Как она? Не пора ли пригласить врача и отправить ее в больницу?

– Надоела уже? – усмехнулась Лара.

– Она все время сидит там, в гостиной. Она так странно

на меня смотрит.

– Тебе тоже не нравится ее взгляд?

– Я чувствую себя как на скамье подсудимых. Во взгляде ее молчаливый укор: «Обвиняемый, встаньте!» Затем: «Вот видите, вы это можете сделать! Встать! А я нет! Хотя я-то, в отличие от вас, ни в чем не виновата! Так за что?!» Ужас какой-то!

– Теперь понял? Успокойся, я уже нашла врача. Он придет завтра. У нас есть шанс, Сережа.

– Что ее можно вылечить? – откровенно обрадовался Сабуров.

– Это один из лучших специалистов в своей области. Хотя и молод. Но – божий дар, интуиция. Эту особу как можно скорее надо отправить в больницу, чтобы глаза не мозолила. Я боюсь заходить к тебе в комнату. Она все время смотрит. Ужасный взгляд! И такой тяжелый! Какой ужас, этот дом! Сабина словно решила над нами поиздеваться! Она мне вчера приснилась. Сережа... Это был кошмар... Поцелуй меня, мне страшно...

Сабуров потянулся губами к ее щеке. И тут ему почудился скрип инвалидного кресла, хотя они находились в Лариной комнате на втором этаже.

– Ты ничего не слышишь? – вздрогнул он и отстранился.

– Даже если не слышу... – раздраженно сказала Лара. – У меня в ушах постоянно этот скрип! Она, слава богу, не может подняться на второй этаж. Но это невыносимо! Послу-

шай... Может быть, ты на мне женишься?

– Я?! Женюсь?!

– А что тут такого? Ты говоришь об этом с таким ужасом, что... Мы любовники вот уже год. Я живу в этом доме. Теперь, когда нет Сабины, пойдут толки.

– А кому мы нужны без Сабины, чтобы о нас говорили? Всего две недели прошло, а телефон молчит. Где наши так называемые друзья? Где пресса? Телевидение?

– Возможно, что в скором времени все изменится, – загадочно сказала Лара. – У меня есть план. Я не случайно начала этот разговор. Сережа...

– Хорошо, я подумаю, – оборвал ее он. – Но об этом после. Скоро начнется учебный год, надо купить все необходимое. Из-за случившейся трагедии мы с этим затянули. Надо бы поспешить.

– Я займусь этим сегодня же, – с откровенным разочарованием пообещала Лара.

...Ложась вечером в постель, он вспомнил этот разговор. Итак... Лара сделала ему предложение, но застала его врасплох. Признаться, он не думал об этом. То есть думал, что надо было сделать это пятнадцать лет назад. Но сейчас? Если разобраться, женитьба на Ларе была бы самым разумным шагом при данных обстоятельствах. Ради детей, которыми последнее время занималась только она. Ради собственного спокойствия.

Но где он, покой? Сабина не умерла, нет. Оказывает-

ся, ему невозможно отныне жить в покое. Ему нужен постоянный источник раздражения. Вот в этом его собственная необыкновенность: быть громоотводом, который отводит от людей опасность и дает им возможность наслаждаться ярким зрелищем, грозой. Он единственный способен выдержать ее убийственную силу.

А без грозы какой в нем смысл?

Открытия большие и маленькие

Врач наконец приехал. Спустя две недели после того, как она поселилась в огромном, прекрасном доме. Настолько прекрасном, что дух захватывало! Как же они, живущие в нем люди, не понимают своего счастья! Морщатся, раздражаются, а порой ссорятся. Глупцы!

И вот еще один мужчина, который отныне будет играть в ее жизни роль значительную, если не определяющую. Жанна вновь удивилась тому, как люди не соответствуют возложенной на них миссии. Например, муж талантливой, необыкновенной женщины – отчаянно скучный и приземленный человек. Не любящий и не понимающий ее гениальных песен. Ее лучшая подруга – законченная эгоистка, которая во всем ищет выгоду и тоже не понимает всей значимости такого явления, как Сабина Сабурова. Дети певицы – самые обычные, сильно избалованные, лишены каких-то особых, выдающихся талантов. Почему так?

И вот – врач. Сказали, что очень известный и большой специалист в своей области. Жанна представляла, что в гостиной появится старенький, седой профессор, похожий на доброго волшебника из детских сказок. А тот оказался, во-первых, молодым мужчиной на вид лет тридцати с небольшим, а во-вторых, похожим на кого угодно, только не на врача. Вот он был очень красив. Даже красивее, чем

тот парень на старой фотографии, которого любила Сабина. Каштановые волосы, синие глаза, ресницы длинные и пушистые. Ну, зачем это врачу? И как можно откровенно отвечать на его вопросы, если думаешь в это время только о том, чтобы ему понравиться? Совсем не как врачу. Жанна так растерялась, что даже не расслышала его имя. А переспросить постеснялась.

Во время первого осмотра она была зажата. Все время думала о том, что в него, в этого красавца, вне всякого сомнения, влюбляются все пациентки и только ради такой любви, ради того, чтобы ему угодить, встают на ноги. А как иначе? Но сама она так ничтожна, так юна и некрасива, а главное, неопытна в делах любовных, что не посмела бы влюбиться в этого знаменитого врача. И не влюбилась. От страха, что это безнадежно. Ну, встанет она на ноги, а толку-то? Хотя это тоже подвиг. Но у здоровых женщин огромная фора. Им такого подвига совершать не надо. Нет, все безнадежно.

Вот Сабина, та не боялась. Добивалась своего, шла к цели без оглядки. Стала звездой, чтобы тот парень постоянно о ней помнил, чтобы видел на экране, на обложках журналов, изо всех киосков слышал ее замечательный голос. Какую же надо иметь силу! У нее, Жанны, этой силы нет. Нет и таланта Сабины, и какого-нибудь иного тоже, от которого можно было бы оттолкнуться. Красавца-врача она прежде всего боялась. Но больше боялась ему не угодить.

А вот врач осмотром остался доволен. Жанна, которую от-

правили в свою комнату, подслушивала. Очень уж хотелось услышать его приговор.

Оставшись наедине с Ларой и Сабуровым, знаменитый врач с оптимизмом сказал:

– Девочку всю жизнь неправильно лечили. Главная проблема у нее в голове, не в ногах. Отсутствие воображения. Она привыкла верить в то, что ей говорят врачи. «Ты не можешь ходить». – «Ну, не могу, так не могу. И не буду». Но... Хорошая девочка, цепкая. С характером, это чувствуется. Бороться ей придется много, но она из тех упрямец, которые ни за что не отступают. Знаете, она мне нравится.

– Вы врач, – насмешливо сказала Лара. – Вам симпатичны те, кто сам лезет на неприступные стены. Их достаточно только посадить. А как быть тем, кто за этими стенами живет? В крепости, которую считают неприступной? Думаете, легко спастись от подобной напористости?

– Лара, перестань, – одернул ее Сабуров. И поспешно сказал врачу: – Мы очень рады, что Жанне можно помочь. Вы ее заберете? Я готов оплатить курс лечения и последующий период реабилитации. Лечите как следует.

– И как можно дольше, – не удержалась Лара.

Врач рассмеялся:

– Девочку я, конечно, заберу. Ей необходима операция, и, возможно, не одна. Но ходить на костылях она будет по вашему дому. Похоже, у нее именно здесь появляются силы. Я чувствую, что она будет цепляться за вас. Не за кого-ни-

будь. Либо с любовью, либо с ненавистью.

– Вы случайно не психотерапевт по совместительству? –
связвила Лара.

– И этим мне придется заняться, – серьезно ответил врач. – Надо знать, что пообещать человеку, чтобы разбудить в нем скрытые силы. Большинство людей стремится выздороветь без всякой цели. Просто чтобы выздороветь. Быть как все. Этого мало. Надо, чтоб человек знал, зачем ему надо ходить, какой в этом смысл. Как ни странно это звучит, болезнь – та стена, за которой можно спрятаться от жизни. С меня, мол, нет спроса, потому что я этого не могу из-за болезни. Не могу работать, потому что болен. Не могу быть любимым, потому что болен. И так далее. И вдруг стена рухнула. Человека надо подготовить. Чтобы, лишившись перед всеми остальными преимуществ быть оправданным в любом случае, которое дает болезнь, он вошел бы в мир здоровых людей и там не потерялся. Ведь потом уже ничего не спишут на болезнь. Надо понять, чего она хочет от жизни, ваша Жанна. Так что вы собирайте ее. Поедем в клинику.

Услышанное Жанне понравилось и не понравилось. Понравилось, что вылечиться можно. Есть шанс. Не понравилось, что болезнь – преимущество. Какое же это преимущество? Это горе! Потеряться в жизни! Еще чего! Уж ты только на ноги меня поставь, а там я им всем покажу!

Переезд в больницу она восприняла спокойно. Надо так надо. Ноги сами собой не пойдут. Необходимо какое-то вме-

шательство извне. Одной силы воли тут мало. Проблема в голове? Прекрасно! Но сначала надо сделать операцию. А уж потом задействовать внутренние ресурсы. Она прекрасно знала, как это делается: все концентрируется в ногах, вся сила, все желания. Напрягаешься чудовищно и представляешь себе, что ты встаешь, потом делаешь шаг, другой, третий. Сколько раз она уже это проделывала! Сколько раз делала мысленно первые шаги! Нет, ничего он не знает, знаменитый красавец врач. Пусть режут. Пусть будет больно. Она давно готова.

Сославшись на неотложные дела, Лара отказалась сопровождать Жанну в больницу. Мол, на носу первое сентября, а дети не готовы. Не пустила с ней и Сабурова.

– Разве там нет санитаров? Сиделок? За такие деньги возле нее безотлучно должен находиться медицинский персонал! А ты мне нужен здесь. В конце концов, это твои дети, – высказалась Лара. Жанна посмотрела на нее с ненавистью. А что скажет Сабуров?

– Я сам все устрою, – улыбнулось медицинское светило. Поведение Лары его не удивило. Казалось, красавец другого и не ожидал.

– Я помогу погрузить кресло в багажник, – засуетился Сабуров.

– Оставьте. Оно же скоро развалится! У нас современное медицинское оборудование, а потом оно девочке не понадобится. Я в этом уверен, – твердо добавил врач.

– Отлично! – высказалась Лара. – Если не возражаете, я не пойду вас провожать. У меня много дел.

Провожали ее Сабуров, Александра Антоновна и дети. Эля смотрела с любопытством, на лице Сережи-младшего читалось сочувствие. Жанна догадывалась, что мальчик относится к Ларе прохладно. И видимо, в курсе, как та, в свою очередь, относится к гостье. Это повод для объединения. Но – потом.

В машину ее усаживал Сабуров. Александра Антоновна суежилась подле.

– Я сюда еще вернусь, – грозно сказала Жанна перед тем, как захлопнулась дверца.

– Ну, если у меня нет выбора...

Он не договорил. Махнул рукой, поезжайте, мол, и машина тронулась.

Тайком от всех Жанна прихватила со стеллажа с бумагами Сабины несколько листков почитать в больнице. Ведь здесь, в этих дневниках, описана жизнь реального человека, который добился многого: славы, денег, любви. А романы – это вымысел. Книжная героиня влюбилась бы непременно в этого красавца врача, и вышла бы у них романтическая история со счастливым концом. Но дело в том, что таких, как Жанна, у этого врача вагон и маленькая тележка. Со всеми он одинаково ласков, ведь они больные, но жена у него наверняка мегера и никогда не была его пациенткой. И больницу ненавидит. Поэтому он живет работой и на работе, пугается

молоденьких девиц, сгорающих от любви к нему, и ежечасно отвечает на телефонные звонки своей половины: «Да, дорогая, здесь, задержусь на операции, приеду поздно, конечно, звони, можешь приехать и проверить».

Фу-ты, да с чего ей это в голову пришло? Оттого, что на одном из пальцев его удлиненной, пронизанной нервами кисти надето обручальное кольцо? А вдруг он счастлив в браке? И все у него хорошо.

– Как вас зовут? – спросила Жанна.

– Олег Николаевич.

– Очень приятно. Вы не думайте, я другого люблю.

– Что-о?

– Я не собираюсь на вас пялиться. Так, чуть-чуть. А любить не буду никогда. Он лучше.

Врач смущенно кашлянул, и, конечно, подумал на Сабурова. Ну и пусть. Потом заметил:

– А вы весьма откровенная девушка.

– Просто понимаю, как вас все достали. Вы красивый очень.

– Что ж, спасибо. – Неужели он застеснялся?

– Не врите только, что этого не знаете. Я вранья не люблю.

В зеркало-то каждый день смотрите.

– Да, признаться, смотрю. Но думаю в этот момент о другом.

– Почему? Вас бы в кино взяли. У вас глаза красивые. И... все красивое.

Олег Николаевич сказал, словно пожаловался:

– Вообще-то я мечтал стать киноартистом. Глупая такая детская мечта. Знаете, меня ведь в школе девчонкой дразнили. «Ути-пути, какой хорошенький...» Все говорили, что мне место в театральном училище, да и я так думал. А потом прошло. Поступил в Первый медицинский, понял, что хочу стать хирургом гораздо больше, чем киноартистом. Я люблю свою работу. Ты понимаешь?

– Много людей вылечили?

– Ну, конечно, не столько, сколько хотелось бы. Но я стараюсь.

– Со мной у вас проблем не будет, не переживайте.

– Да я уже понял. Сколько тебе лет? Ах да, помню. Девятнадцать. Почти двадцать. Ну, в двадцать-то ты уже пойдешь. Знаешь, раз ты сразу решила, что любви у нас с тобой не будет, давай дружить?

– Давайте, – охотно согласилась Жанна. – Если хотите, можете сказать своей жене, что я влюблена в Сергея Сабурова и ради него хочу вылечиться и научиться ходить.

– С чего ты взяла, что моей жене это интересно?

– Не знаю.

– Ты действительно любишь Сабурова?

Она молча кивнула. И дала понять, что не собирается вдаваться в подробности. Он же был слишком деликатен, чтобы продолжать развивать эту тему. Хотя тому, что можно любить Сабурова, ничуть не удивился. А надо бы. Уж кто-кто,

а Сабуров точно не герой романа. Даже если бы место в ее сердце не было занято другим.

О! Она встанет на ноги и обязательно его найдет! Парня со старой фотографии. Кто вдохновлял Сабину все эти годы. Кто действительно достоин. Она и не заметила, как размечталась. А красавец врач молчал, думая о чем-то своем. Быть может, он ближе к семье великой певицы, чем ей, Жанне, казалось. Но тщательно это скрывает...

Вотчина Олега Николаевича находилась за городом, в сосновом бору. Клиника Жанне не понравилась. Она сразу поняла, что здесь лечат людей богатых, и почувствовала себя чужой. Человеком из другого мира. Те, кто лежал здесь, призывали денег не считать и получать все самое лучшее. В каждой палате цветной телевизор, холодильник, на стенах кашпо с искусственными цветами, которые не отличить от настоящих. Мебель дорогая, и сами палаты похожи на гостиничные номера: в каждой санузел, где находятся раковина, унитаз и душевая кабина, небольшая прихожая со шкафом для верхней одежды, ведь посетителей пускают беспрепятственно в любое время суток. Она видела такое по телевизору в одном из новомодных сериалов. Только то был санаторий, а не платная клиника.

Сходство с сериалом усилилось, когда она встретила в коридоре человека со знакомым лицом. Известный политик, на которого в начале лета совершили покушение. Его крес-

ло вез огромный парень с квадратными плечами и бульдожьей челюстью, двое других шли рядом. Ощущение, что она в телевизионном сериале, возникло вновь. Вот, оказывается, какие люди здесь лечатся! С биографией! И какой! А она всю жизнь провела в инвалидном кресле, ничего выдающегося не совершила и новую жизнь начала с грязного шантажа. И сознание собственного ничтожества окатило ее, словно ледяной душой.

Жанна сразу же замкнулась в себе. И испугалась: а вдруг у нее будет соседка? Жена или дочь известного человека либо сама знаменитость. Только потом она поняла, что вторая кровать – для того, кто находится при больном неотлучно. Близкие богатых пациентов свято оберегают семейные тайны. А больные люди от скуки становятся болтливыми. Так зачем рисковать?

Лара и Сабуров тоже подстраховались. В палату к Жанне никого больше не положили, и она осталась одна, с листками, украденными из архива Сабины Сабуровой. Пока ее готовили к операции, делать Жанне было нечего. Лежи, отдыхай, копи силы. Пустые, ничем не заполненные дни. Медсестры чересчур предупредительны, в вену, из которой берут кровь, попадают сразу, обследование безболезненное, кормят, как на убой. Санаторий, да и только! Но – скучно. А искать общения она боялась. Чем выше забрался человек, тем больше пустота вокруг него. Санитарная зона. Неужели же известный политик снизойдет до нее? Или дочь знаменитой

актрисы, лежащая в соседней палате? О случившейся автокатастрофе она наслышана, медсестры не всегда могут удержаться от сплетен. Все об этом знают, а о ней, Жанне, знает кто-нибудь? Увы!

А ведь в ее руках записи самой Сабины Сабуровой! Что сказали бы они все, если бы знали об этом? Жанна прятала свою ценность под матрасом, едва слышав шаги у дверей палаты. Она – хранительница сокровища. Тайком разбирает непонятный почерк, причащаясь святых даров.

...И в один из дней она наткнулась на отрывок, посвященный Ларе.

Лару она боялась. Ненавидела, да, но сильнее ненависти оказался страх. Сабуров был у Лары под каблуком, пока Жанне удавалось играть на его слабостях, но на тех же слабостях играла и Лара. А она владела инструментом гораздо искуснее. И Лара красива. Не так, как Сабина, но достаточно, чтобы нравиться мужчинам. Зеленоглазая блондинка с хорошей кожей и подтянутой фигурой. Понятно, на что он польстился! О, если бы она стала уродливой, такой же, как ее душа!

Жанна надеялась, что Сабина знает о муже правду. О его измене. О предательстве Лары. Но нет. Это оказалось другое, непонятное.

«...Я помню, как однажды к нам в поселок пришла бездомная собака. Породистая, когда-то ухоженная, но теперь вся в репьях, грязная, болезненно худая и с перебитой задней

лапой. Она скалила зубы с готовностью наброситься по приказу, лаяла так зло, как ждут от хорошего сторожа. Собаку сразу же стали отовсюду гнать. Мол, свои есть. И породистые, и не менее злые. А собака ходила от двора ко двору, питаясь объедками, и упорно искала хозяина. Во мне она почувствовала слабость. Почувствовала, что мне ее жалко и стыдно за всех тех, кто ее гонит. И она стала ходить за мной по пятам. Просто ходить. За водой, в лес, на пруд. Виляла хвостом, заглядывала в глаза. Ну что прикажете с ней делать?..

...Окончив институт, Лара, как ей тогда казалось, удачно вышла замуж. За человека старше ее в два раза, но при машине, квартире, даче и при деньгах. Я тоже вышла замуж. За Сергея. То было другое. Не скажу, что безумно любила его, но выгоды не искала. Я просто схватилась за спасательный круг. Уступила, потому что чувствовала, как он меня любит. У нас с Сергеем не имелось ни жилья, ни перспектив. Свободный диплом и у меня и у него и полная свобода выбора при полном его отсутствии. И куда податься? Назад, к родителям, или на съемную квартиру. К тому же я забеременела. А Лара никогда не совершала необдуманных поступков. Она только что сделала аборт.

Лара заставила своего любовника развестись. После грандиозного скандала и раздела имущества по суду бывшая жена вместе с ребенком переехала к родителям. Лара вышла замуж и получила жилье и постоянную прописку в Москве.

Мы с Сергеем переехали на съемную квартиру. Жить было трудно, но Лара ни разу не предложила мне помощь. Мы изредка перезванивались, но ни разу не встречались. Прошли годы. В стране все изменилось, и преимущества Лариного брака растаяли как дым. Сама она никогда не работала, жила на деньги мужа, а тот вдруг сделался никому не нужен. Пришли другие, молодые и талантливые.

И тут грянул гром. Кооперативная квартира строилась в первом браке, и после раздела имущества бывшая жена по закону имела право на большую часть жилплощади. Сама она прав на жилье ни разу не предъявила, и Лара давно уже и думать об этом забыла. Но сын ее мужа вырос, женился, обзавелся собственным ребенком, и жить вместе с бабушкой, дедом, матерью и теткой семьей в трехкомнатной квартире стало тесновато. Вспомнили о доле в двухкомнатной кооперативной. Потребовали размена или выплаты пая.

Таких денег у Лары не было. При размене же им с мужем доставалась меньшая часть, то есть комната в коммуналке. Лара запаниковала. В ожидании размена молодая семья переехала к ним.

И в Ларином двухкомнатном райке образовалось настоящее адово пекло. Муж запил, адвокат счел дело безнадежным. Перспективы Лары были ужасны. Вот тогда она и вспомнила про меня, а я про ту бездомную собаку. Мы к тому времени жили в трехкомнатной, но уже подумывали о переезде в коттедж. Лара нюхом почуяла удачу.

Я не смогла отказать ей от дома. Мы же раньше считались близкими подругами! Неужели в моем огромном новом доме не найдется места для несчастной женщины?

Лара вела себя точно так же, как то бедное бездомное животное. Просто ходила за мной по пятам, словно принюхиваясь, и бросалась на всех, кто меня хаял, всячески давая понять, что она самая преданная, самая понимающая. Готовая порвать любого, кто посмеет мне помешать. Она теперь всегда находилась рядом.

Когда пришла настоящая слава, оглушительный успех, мне уже неловко было ее гнать. Тем более потом, когда мои гонорары взлетели до небес и денег стало слишком много. Неприлично много. Когда меня начали атаковать журналисты, перед каждым интервью я безумно нервничала. А Лара без конца повторяла: «Не бойся, все будет хорошо...» Как заведенная. И по-прежнему с беззаветной преданностью кидалась на моих врагов...

...А ту собаку кто-то из жителей поселка потом пристрелил...»

Вот и все. Ни слова о романе между мужем и Ларой. Неужели же не знала? Или не хотела знать? А ведь ее обманывали в собственном доме! Собака-Лара умела не только лаять, норвила стянуть чужое. Чужого мужа, чужую славу. Но, быть может, Сабине было все равно? Она любила другого. Но почему тогда жила с Сабуровым? Почему не подала на развод? Жанна терялась в догадках. Ведь все так просто!

Жить надо с тем, кого любишь, предавших друзей и мужей выгонять немедленно. Непонятно...

Пока она понимала только, что надо как можно быстрее встать на ноги. Олег Николаевич осматривал ее ежедневно, и, заметив разложенные на столе рентгеновские снимки, она каждый раз спрашивала:

– Ну, как?

– Лучше, чем я думал. Ты переросла свою болезнь. Это случается. Но операция необходима.

– И когда? – с нетерпением спрашивала она.

– Скоро.

...Прошла неделя. Сабуров звонил, интересовался, как идут дела, Лара ни разу. Никто из них так и не приехал. Зато внимания, которое уделял ей Олег Николаевич, хватало с лихвой. Жанна уже поняла, что в клинике он не главный, она принадлежит не ему, но ни к кому не относятся с таким уважением и с такой любовью. Все медсестры поголовно в него влюблены, что уж говорить о пациентках! Олег Николаевич был кандидатом медицинских наук, практикующим хирургом. То есть материал для докторской нарабатывал в операционной, где его замечательные нервные пальцы работали без усталости. Его невозможно было застать в кабинете, он ходил по палатам, осматривал больных, лично присутствовал при перевязках. Казалось, ничто не может пройти мимо его бдительного ока. Потому и успех оказался таким впечатляющим, и деньги в клинику текли рекой. Был ли он

богатым человеком? Жанна на это надеялась, хотя и не видела, куда бы он мог тратить деньги. Работа стала для этого человека всем. Хорошо, что он так и не пошел в киноартисты!

Наконец настал день операции. Рано утром медсестра принесла стаканчик с горькой жидкостью темного цвета и сказала:

– Ну, вот и дождалась! Анализы в порядке, сердечко у тебя хорошее. Олег Николаевич готовится. Скоро придут за тобой. Ты не бойся.

– Я и не боюсь, – удивилась Жанна. Олегу Николаевичу она верила, как Богу. Как же можно в таком случае любить его обычной, человеческой любовью? Никто этого не понимает. А жаль. Больше всего его самого.

Она думала о нем, о его замечательных руках по пути в операционную. Ее везли на каталке, прикрыв до подбородка белоснежной простыней. В операционной оказалось прохладно. Свет шел откуда-то сбоку, в центре же сгустилась темнота. Жанна начала мерзнуть. На стол, над которым нависла круглая многоглазая лампа, смотрела без страха. Присутствующие в операционной люди были деловиты без суеты и малейшего волнения. Наконец появился Олег Николаевич с лицом, закрытым маской. Жанна попыталась улыбнуться ему, но он не ответил. Глаза остались холодными, спокойными. Она поняла, что время улыбок прошло, готовится что-то серьезное. И тут вспыхнула лампа. Теперь все сосредоточилось в центре, где находился операционный стол.

Уже лежа на столе, она мелко-мелко дрожала. Не от страха, а от холода. Врач-анестезиолог поглаживала ее руку в месте локтевого сгиба, искала вену.

– Рукой поработай, – услышала Жанна.

И изо всех сил стала сжимать и разжимать кулак, пока самой не сделалось жарко. Укола Жанна почти не почувствовала. Но сон пришел не сразу.

– Считай, – сказала ей анестезиолог.

– Один, два, три, четыре, пять...

Снов не было. Был провал в темную пещеру. Она падала, падала долго, пока ноги не коснулись дна. Потом в темноте появились мерцающие огоньки. А вдалеке яркий свет, он постепенно усиливался и приближался. Пещера стала заполняться людьми. Она изо всех сил пыталась понять, кто это? Что за люди? Возможно, тот человек с хмурым лицом, одетый в оранжевый жилет рабочего-путейца, – ее отец. А та старушка в вязанке и телогрейке – бабушка. Ее давно нет в живых. И отца нет тоже. Уже много лет. И вот они пришли, стоят, смотрят. Молчат. Ждут. Но чего? Ей захотелось с ними поговорить, спросить, в чем дело? На мгновение сердце пронзила острая боль, но она не успела даже испугаться. И почувствовала, что свет становится ярче, а тело, которое он обволакивает, удивительно легким. Это оказалось не страшно, наоборот, приятно. Она вдруг почувствовала свободу. Господи! Как же это прекрасно!..

– Ну, давай, девочка, давай! Возвращайся!

Кто это? Кто встал вдруг между ней и светом? И зачем делать так больно? Не надо возвращаться... не хочу...

– ...остановка сердца... непонятно... Олег Николаевич, что это?

– Перенапряжение... четыре часа операция шла... она умница... справится...

Не хочу! Но как же так? Значит, не все? Зачем ей надо вернуться?

– Давай, давай. Рано тебе еще. Не любила, не жила. Ну, умница! Почти справилась! Кислород ей подавать не прекращайте. Пусть отдышится. Жанна, все уже! Слышишь? Все!

Это еще не все. Это только начало. Потому что больно. Очень больно. И эта боль надолго. Ее вновь везли по коридору, потом бережно переложили на кровать. Но, как ни старались, от боли она вновь потеряла сознание. Словно со стороны видела, как медсестра набирает лекарство в одноразовый шприц. И вновь провалилась в забытие. Так продолжалось несколько дней. Ее то и дело бросало в жар, и сон приходил душный, влажный.

Теперь уже забытие ничем не напоминало пребывание в темной пещере. Впереди – ни долгожданного покоя, ни света, только новая боль, которая неизбежно сопутствует жизни. Вскоре жар прекратился, но стало очень холодно. Она барахталась в ледяной воде, где-то у самой поверхности, куда пробивался солнечный свет, и время от времени ей приходилось выныривать, чтобы глотнуть свежего воздуха. Иногда

волны ласково качали ее, порою бросали из стороны в сторону, накатывали так, что она захлебывалась соленой водой. Кажется, это были слезы. Так она плавала еще несколько дней, пока очередной волной ее не выбросило на берег. Пришлось открыть глаза.

Рука болела в месте локтевого сгиба. Из вены торчала игла. Жанна подняла глаза. Капельница. Понятно: кормят ее. Сколько же еще так будет продолжаться?

– Доброе утро, – улыбнулась находившаяся в палате медсестра. – Очнулись? Замечательно! Хорошая новость! Это радости будет! Вашим здоровьем интересуются каждый день.

– Кто? – с трудом выговорила она.

– Мужчина, который представляется как Сергей Сабуров. – И женщина в белом халате взглянула на нее с откровенным интересом. Имени Сабины не прозвучало, но... Но персонал клиники давно уже приучили не задавать бестактных вопросов, Жанна же от комментариев воздержалась. Еле заметно вздохнув, медсестра добавила: – И еще ваша мама звонила.

Сабуров, значит? Ну, этот из вежливости интересуется. А мама... Как она узнала? Ах да! Сабуров! Сообщил. Из города, должно быть, звонила. Или...

– Я скажу Олегу Николаевичу. Правда ведь он гений?

– Я хочу есть. Можно?

– Сейчас, сейчас. Все скажет Олег Николаевич.

И женщина в белом халате выпорхнула из палаты...

...Теперь каждый день он начинал обход с ее палаты.

И задерживался подолгу, иногда в ущерб другим пациентам. Жанна его не понимала. Те, знаменитые, нужны людям. А она? Зачем с ней так возиться?

– Ты должна почувствовать боль в ногах, – говорил Олег Николаевич, завершая осмотр. – Боль – это жизнь.

– Я смогу ходить?

– У тебя просто нет выхода. Каламбур, да? Ну, улыбнись!..

...Первым ее навестил Сабуров. Приехал один, без Лары, без детей. Вошел в палату, посмотрел, попытался улыбнуться:

– Ну, как дела?

– Разве вы не видите. Лежу вот.

– Хорошо выглядишь, – промямлил он.

– Врете! – не выдержала Жанна. – Ну почему вы все время врете!

– А сама-то... То есть я тебе фруктов принес. Соки.

– Спасибо, здесь хорошо кормят, – и Жанна посмотрела на него враждебно. И вдруг спросила: – Как поживает Лара? Вы еще не поженились?

– Да с чего ты взяла, что я...

«Врете! И снова врете!» – закричал ее взгляд. Сабуров надолго не задержался. Улизнул, как только в палату вошла медсестра с подносом, на котором лежали ампулы и шприцы. Жанна почувствовала ненависть. Скоро он женится на Ларе!

Как же этому помешать? Ну, как?!

На следующий день у нее зашевелились большие пальцы ног. Но от Олега Николаевича она это скрыла. Для него такое событие праздник, но, если зашевелиются и другие пальцы, праздник будет гораздо значительнее. И она старалась. Очень старалась.

Меж тем миновала уже середина сентября, выдавшегося в этом году удивительно теплым, мягким. Можно было подолгу гулять на территории клиники, вдыхая запах хвои, которой не грозило осеннее увядание. Вечнозеленые сосны стояли прямые, устремленные ввысь, как свечи на именинном торте. Люди, рождавшиеся здесь заново, не спешили обратно в большую жизнь. Сама обстановка располагала к размышлениям, воспоминаниям, к неспешным передвижениям и долгим разговорам. Но Жанна спешила. И потому старалась изо всех сил.

Олег Николаевич проводил с ней много времени. Порой сам вывозил на прогулку в инвалидном кресле, развлекая разговорами. Жанна удивлялась: где он только находит время? И почему возится с ней? А ему, казалось, нравилось делать первые записи на чистом листе, которым стала отныне ее жизнь. Он спешил, пока не вмешались другие. Боялся, что те, другие, окажутся плохими людьми и испортят девочку. О, если бы он узнал о ее проделках! О том, как она попала в дом Сабурова, каким способом получила деньги на операцию! Но Жанна скорее дала бы отсечь себе руку, чем расска-

зала ему правду.

Частенько она думала о его жене. Угадала или нет?

И однажды они встретились. Олег Николаевич сопровождал Жанну на прогулке, они уже возвращались, когда на дорожке появилась модно и дорого одетая брюнетка. Она подходила, и Жанна чувствовала, как его рука, лежащая на спинке кресла, напрягается. Олег Николаевич невольно замедляет шаги.

– Так вот ты где, Олег! – сказала брюнетка, подойдя к ним. Жанна не смогла удержаться от завистливого вздоха: красивая! Очень! Понятно теперь, куда он тратит деньги! Эти вещи, должно быть, дорого стоят! А камни у нее в ушах! Как ярко они сверкают!

Брюнетка тоже бросила на нее внимательный взгляд. И тут же успокоилась – не конкурентка. В инвалидном кресле, ноги прикрыты пледом. Там, под пледом, наверняка скрываются отвратительные шрамы. Б-р-р-р. И брюнетка невольно одернула юбку на длинных стройных ногах.

– Лола, ты зачем приехала? – спросил Олег Николаевич.

– А что, нельзя? Я скучаю!

– Но я на работе.

– Пока я вижу только, что ты гуляешь по парку. В сопровождении девицы.

– Она моя пациентка. И не будем об этом.

– Что ж... Ты спросил, зачем я приехала? Олег, ты наверняка забыл, что у нас билеты в театр! На сегодня! Я преду-

предила няню. Начало в семь. Между прочим, уже половина пятого! А тебе еще надо поужинать и переодеться.

– А спектакль интересный? – спросил он.

– Какая разница? Премьера же! Модный режиссер! Мне с таким трудом удалось добыть билеты! Там будут все! Ты понимаешь? Все! – с придыханием сказала брюнетка.

– Хорошо, я приеду. Прямо в театр, – покорно ответил Олег Николаевич.

– Ну, уж нет! Я без тебя не уеду! Я знаю, чем это кончится! Очередная срочная операция, отключенный мобильный телефон, и я вновь поеду в театр одна! Есть у меня муж или нет? Один раз можно уйти с работы на два часа пораньше? Олег! Отвечай!

– Послушай, мы не одни...

– Да?

– И у меня и в самом деле много работы.

– Работы? Я знаю, что это за работа! Я...

– Едем, – оборвал ее Олег Николаевич. И Жанне: – Я сейчас пришло к тебе медсестру. Извини.

И ушел вместе с Лолой. Жанна опять ничего не поняла. На следующий день во время прогулки не удержалась и спросила:

– Олег Николаевич, за что мужчины любят таких женщин, как Лола? – Чуть не сказала «Лара». А в сущности, какая между ними разница?

– Любят? – удивился он. Потом спохватился: – Ах да, ко-

нечно. Любят. А почему бы мне ее не любить? Ты сама все видела. Она красива, образованна и неглупа. Она – хорошая мать. И хорошая хозяйка. У меня замечательный сын, и я счастлив. Да, счастлив. Она защищает меня от всех женщин, которые... И что такое любовь? Любовь – это, в сущности, иллюзия. Наши фантазии о человеке, который и десятой долей всех приписываемых ему замечательных качеств не обладает. Человек взрослеет, становится мудрее, и ему хочется поменять одну иллюзию на другую. Он вырастает из старой, как из платья, которое давно уже ему мало. Насчет Лолиты у меня нет никаких иллюзий. Я с самого начала шел на это сознательно. Я хирург. Мне нельзя жить иллюзиями.

– Олег Николаевич, а вдруг вы полюбите кого-нибудь по-настоящему?

– Я? Полюблю? Кого? Женщину, которую вылечу и она всю жизнь будет жить иллюзией, будто обязана мне всем? Я всего лишь делаю свою работу. Неужели же я смогу привязать ее к себе чувством благодарности? Нет, это исключительно. Никаких романов с пациентками. А других женщин в моей жизни нет. Разве что коллеги по работе. Но быть рядом с утра до ночи, вместе находиться в операционной и видеть, как ее руки... Какая любовь это выдержит? Нет, мой выбор оптимален. У нас с Лолой прекрасная семья. Она – замечательная женщина. Не все же такие счастливицы, как твой Сабуров. Ему выпало счастье быть любимым по-настоящему и так же страстно любить. Он – благородный человек. Забо-

тится о тебе. И я уверен, что у тебя тоже все сложится хорошо. Ты встанешь на ноги, выйдешь замуж, родишь детей и будешь жить долго и счастливо.

– Ну вот! Начали за здравие, а кончили за упокой!

– Да не наоборот ли?

– Вы сначала правду говорили, а теперь врете.

– Да зачем тебе правда? Думай, что жизнь прекрасна, и радуйся ей! В девятнадцать-то лет!

– Ничего в ней нет прекрасного, – нахмурилась Жанна. – Потому что все хорошие люди обязательно несчастны. Как вы.

– Ну, ты зря записала меня в несчастные. У меня есть любимая работа. Я счастлив, когда мои пациенты выздоравливают...

– У меня на ногах пальцы шевелятся.

– Что?! Давно?!

– Уже несколько дней. Сначала только большой, а теперь...

– Почему же ты молчала?!..

...И дело быстро пошло на поправку. Он радовался как ребенок и казался таким счастливым! Ведь все прочие возвращались к нормальной жизни, а Жанна начинала ее заново. И Олег Николаевич втайне гордился своим творением. Потихоньку она стала вставать, держась за кресло. Пять минут, десять, полчаса... Сначала ноги дрожали и подгибались, и она, обессиленная, падала обратно в кресло и с тру-

дом переводила дыхание. Первые полчаса, проведенные ею на ногах, они с Олегом Николаевичем праздновали, словно второе рождение.

Когда вновь приехал Сабуров, Жанна встретила его стоя. И с вызовом посмотрела ему в глаза. Визит продлился недолго. Через день, в субботу, Сабуров привез в клинику ее мать.

Та по случаю праздника нарядилась в мохеровую кофту с нашитыми крупными блестками и накрутила волосы. Жидкие, мелкие кудряшки неопрятно свисали по обеим сторонам лица. В ушах у матери были дешевые серьги со вставками из зеленой пластмассы. Жанна вспомнила Лолу, ее модную стрижку, дорогие украшения и невольно залилась краской. В довершение всего на ногах у матери были резиновые боты. Она ведь шла к шоссе, где ее ждала машина, наступая в лужи и цепляя рыжую глину. Там, на переезде, другую обувь осенью не носят. С середины недели теплая солнечная погода сменилась дождливой.

Жанна спустилась на лифте в холл и встретила их там, внизу, сидя в инвалидном кресле. Мать то и дело переступала с ноги на ногу, и на ковровом покрытии остался кусочек засохшей рыжей глины. Жанна почувствовала, как кровь прилила к щекам. Должно быть, в салоне серебристого «Форда» остались такие же грязные комки! Но Сабуров делал вид, что ничего не случилось.

Когда Жанна встала, мать в голос заплакала. Сабуров смущенно сказал:

– Я пойду, подышу воздухом.

Жанне так не хотелось, чтобы он уходил! Когда ее навещает Сабуров, чувство возникает совсем иное. За него не стыдно. Он хорошо одет, держится уверенно и ведет себя как человек значительный, пользующийся почетом и уважением. Хорошо, что мать приехала в клинику трезвой. Но по глазам видно: ей хочется поскорее отпраздновать чудесное выздоровление дочери. Нельзя допустить, чтобы это случилось здесь. Не допустить...

Визит не удался. Мать говорила так громко, что Жанне стало неловко. Она уже понимала, что те, особенные люди никогда не кричат. Чем тише они говорят, тем слова их кажутся значительнее. На них с матерью оглядывались с откровенным любопытством. Когда посетители уехали, а Жанна вернулась в палату, медсестра, принеся лекарство, спросила:

– Твоя мама уборщицей работает у этого господина?

Жанна не нашлась что сказать. Правду? Кому нужна эта правда? Молча кивнула и стала еще больше стараться, чтобы покинуть клинику как можно скорее. Ведь весь персонал теперь в курсе, что ее мать – уборщица в доме Сабурова, мужа великой Сабины.

В следующий раз Сабуров приехал уже вместе с Ларой. Та вела себя вполне корректно, увидев Жанну на ногах, кивнула с удовлетворением, провела в клинике полчаса, сделала медперсоналу несколько замечаний и первой направилась

к выходу. Сабурову ничего не оставалось, как последовать за ней. Жанна вновь чуть не задохнулась от ненависти. Вечером та же медсестра спросила:

– Эта красивая дама твоя родственница? А ты на нее похожа!

Меньше всего Жанна хотела быть похожей на Лару. Хотя не признать ту красивой не могла. Подумаешь, обе они блондинки! У обеих глаза светлые, а носы прямые. Но, приглядываясь к Ларе, Жанна не могла отделаться от мысли, что ее удлиненное лицо вытянуто книзу, словно собачья морда. Так и хотелось крикнуть Ларе вслед:

– Собака! Собака!

Но Жанна пока промолчала. У нее пока не хватало сил, чтобы бороться с Ларой. Сначала надо научиться ходить. Ноги окрепли настолько, что можно на них вставать, но что такое сделать первый шаг? Как на это решиться? Поглядывая на новенькие блестящие костыли, прислоненные к спинке кровати, она прикидывала: справится ли? Ведь это очень сложно! Переступить с ноги на ногу и делать так изо дня в день, все чаще и чаще.

Странно, но, когда это случилось, какой-то особенной радости она не испытала. Все произошло буднично и просто, в отсутствие Олега Николаевича. Рано утром она встала с постели на ноги и, опираясь на костыли, сделала первый шаг. Потом второй.

Когда хирург появился в палате, Жанна уже устала. Настолько, что радоваться вместе с ним сил уже не было. Ну, сделала несколько шагов, что ж тут такого? Не побежала же! Зато он сиял, как херувим, на долю которого выпало принести под Рождество самый заветный подарок. Лучше бы на день рождения. Он ведь обещал, что в двадцать лет она будет ходить! Но до декабря, на который приходился день рождения Жанны, еще далеко. Она рассчитывала, что чудесное выздоровление все же случится. Октябрь, ноябрь, декабрь... Времени достаточно!

Откинув одеяло, Олег Николаевич осматривал ее. Она вдруг занервничала. Мужчина видел ее обнаженное тело. Все ли в порядке? Впервые Жанна взглянула на свои ноги с интересом: «А они ничего. Не худые и не толстые. Нормальные. Но какого же я роста?»

Это ее взволновало. О человеческом росте она имела смутное представление. Из положения сидя все люди казались Жанне высокими, а она себе – карлицей. Встав из кресла при появлении Сабурова, Жанна выяснила, что ее макушка находится на уровне его глаз. Лара же доставала Сабурова до подбородка. Значит, она выше Лары! Это хорошо! Но Олег Николаевич выше ее почти на голову! Какой же рост у Сабурова и какой у нее?

– Я высокая? – неуверенно спросила она.

– Сантиметров сто семьдесят, – улыбнулся Олег Николаевич. – Может, чуть меньше. Хороший росточек. Можешь

податься в манекенщицы, хотя там, кажется, надо быть еще выше. Да и глупости это. Тебе учиться нужно.

Жанна подумала, что если распрямится и отставит костыли, то прибавит в росте еще несколько сантиметров. Только зачем ей быть высокой? Насчет работы манекенщицы Олег Николаевич прав. Глупости это. Хотя носить красивую одежду ей хотелось. Очень. Но о том, как зарабатывать на нее, она имела еще более смутные представления, чем о человеческом росте. С Сабуровым понятно: у его жены был огромный талант. А Лара?

Олег Николаевич сказал, что надо учиться. Училась ли Лара? Да, вместе с Сабиной. Только не пенюю. Всем известно, что консерваторию Сабина Сабурова не оканчивала. И большие деньги заработала не тем, чему училась. Как же все это сложно!

Когда Сабуров и Лара вновь появились в ее палате, Жанна уже ковыляла на костылях. То, что она высокая и стройная девушка, Лару, кажется, сильно задело. Жанна торжествовала маленькую победу. Да, она высокая и стройная! С нормальными ногами! Не худыми, но и не толстыми. Это уже кое-что. Осталось только выяснить, как пользоваться косметикой, и сделать новую прическу. Жанна уже придумала какую. Пусть это будет для всех сюрпризом...

...Прошло еще какое-то время. Ее шаги становились все увереннее, хотя ей по-прежнему требовались костыли. Жанна уже выходила в холл, потом начала спускаться вниз,

пользуясь лифтом, и осваивать первый этаж. Следующий этап – улица. Жаль, что погода испортилась, началась настоящая осень с затяжными дождями, с ночными заморозками на почве. Но, может быть, выпадет несколько теплых, погожих дней?

Здоровье у нее было крепкое, молодость брала свое. Жанна получала хорошее питание, уход, массаж, витамины, лекарства, способствующие заживлению ран, которые ей кололи, чтобы ускорить процесс выздоровления. Физиотерапия ежедневно, и, кроме того, тренер работал с ней по утрам, показывал специальные упражнения. Жанна быстро окрепла, щеки порозовели, волосы стали густыми, блестящими. Здесь умели ставить на ноги. Вскоре Жанна потребовала от Сергея Сабурова, чтобы тот ее из клиники забрал. Листки, прихваченные со стеллажа, она прочла. А ответа на многие вопросы, мучившие ее, по-прежнему не было.

Главный вопрос: как жить дальше? Пока она занята процессом выздоровления. Задача номер один – оставить костыли и научиться передвигаться без них. Еще месяц, другой, и она станет нормальным человеком. Какова же цель ее новой жизни? Болезнью оправдываются только те, кто не знает, чего хочет. Люди значительные разговаривают с болезнью на равных: «Ты подожди. Я понимаю, что надо и тебе отдать кусок жизни, но пока у меня для тебя ничего нет. Терзай меня украдкой, но дай время. Дело надо делать. А потом я весь твой».

Она хотела стать человеком значительным. Как те, что лечились здесь, пережидали, готовились к новому броску, к новой борьбе. Хотела стать такой же знаменитой, как Сабина. И вернуться из клиники хотела в ее дом, не на переезд. Нет, с той жизнью покончено. Надо изо всех сил цепляться за эту.

– Я еще нездорова, – заявила она Сабурову. – Хожу на костылях. Везите меня к себе.

По выражению его лица поняла: был скандал. Лара против ее возвращения.

– Здесь тебе хорошо, – отвел глаза Сабуров. – Я могу оплатить твоё пребывание в клинике вплоть до того момента...

– Нет, – отрезала она.

– Ты на меня давишь.

– Да.

– А если я откажусь? – усмехнулся Сабуров. – Дело-то закрыто! Моя жена погибла в результате несчастного случая.

– Вы должны взять меня к себе. Ну, пожалуйста!

Жанна так и не поняла, почему Сабуров согласился. Может, хотел ею закрыться от Лары? Не так все просто в отношениях между Сабуровым и Ларой. Как бы та ни старалась изгнать из дома призрак Сабинины, ей это не удавалось. И тягаться с великой певицей тоже. Лара всего лишь Лара. Она может устраивать сцены, но драмы из этого не получится. Сабуров не верил ни ее страданиям, ни слезам. И поступал так, как считал нужным.

Из клиники Жанна вышла на костылях, Сабуров следом.

Олег Николаевич их провожал до машины.

– Я не прощаюсь, – пообещал он. – И если Сергей Васильевич не имеет ничего против моих визитов, я буду приезжать довольно часто.

Сабуров соединил их внимательным взглядом. Жанна чуть не рассмеялась. Как можно! Любовь между ней и красавцем-врачом? Смешно! Они просто друзья, хотя кому-то эта дружба может показаться странной. Он несоизмеримо выше, так высоко, что выше может быть только небо. Она испытывает к нему такое уважение, что земному чувству этот барьер не преодолеть. Несмотря на долгие откровенные беседы, Жанна так и не научилась даже мысленно после имени «Олег» не упоминать отчества «Николаевич»...

...Встретили ее без особой радости. Только у Александры Антоновны было сияющее лицо. Дети успели отвыкнуть от присутствия в доме Жанны, и то, что она вернулась, удивило их чрезвычайно. Видимо, Лара уже успела объявить, что этого не случится. Сережа-младший опомнился первым и улыбнулся:

– Привет!

– Здравствуйте, – сказала она, обращаясь сразу ко всем. Маленькая Эля капризно надула губки, Лара демонстративно повернулась спиной. Все происходило в гостиной, куда Жанна в сопровождении Сабурова приковыляла на костылях довольно легко. Олег Николаевич оказался прав: в доме Сабины у нее появлялась какая-то новая, неведомая сила.

Она уже знала, что через месяц костыли ей не понадобятся, но это означает, что у Лары появится повод выставить ее из дома. Что скажет на это Сабуров? Пока тот искренне радовался, глядя на дело рук своих, а точнее, своих денег. Своих?

– Ну, как? Ты довольна? Счастлива? – улыбаясь, спросил Сабуров.

– Да, я счастлива, – с вызовом ответила Жанна.

И услышала, как Лара еле заметно фыркнула. А потом не выдержала и прокомментировала:

– Как хорошо, что в доме появился хоть один счастливый человек! Интересно, надолго ли тебя хватит, милочка? Счастье здесь не приживается! В этом огромном безобразном доме! Только такая наивная дурочка, как ты, может сюда рваться и говорить о счастье! Здесь!

– Лара, ну что ты! – одернул ее Сабуров.

– А что такое? По-моему, у нее больше прав, чем у меня! Для меня-то уж точно здесь нет ни счастья, ни справедливости!

– Лара! Давай не будем...

– Я уйду к себе. Не могу больше находиться рядом с этой... этой...

– Лара!

Та чуть ли не бегом направилась к лестнице, взлетела по ступенькам на второй этаж и скрылась в своей комнате.

– Ох ты какая! – еле слышно обронила Александра Анто-

новна.

– А что сегодня на ужи-ин? – капризно протянула Эля.

– Я, пожалуй, выпью, – высказался Сабуров и отправился на кухню.

– Папа, папа, сделай мне бутерброд! – кинулась за ним дочь.

– Если будет скучно, я научу тебя играть на компьютере, – пообещал Жанне Сережа-младший.

– Я... Я в свою комнату, – пробормотала она. И тоже заковыляла к дверям кухни. Ну, с возвращением! И не обольщайся: это будет великая битва за место под солнцем...

...До конца октября она осваивала первый этаж. Мечтала, что наступит день – и она сумеет подняться на второй. А там и до третьего недалеко. Жанна мечтала добраться до рабочего кабинета Сабины, до последних записей великой певицы. Здесь скрывалась какая-то тайна. Но какая? Ноги ее постепенно крепили, но лестничных пролетов преодолеть она пока не могла. Месяц пролетел незаметно. Жанна по-прежнему пользовалась костылями, а вечером в своей комнате пробовала обойтись без подпорок. Получалось, но объявлять об этом она не спешила.

Жизнь в огромном особняке текла своим чередом. Каждое утро Лара отвозила детей в школу, потом ехала по магазинам. Возвращалась к обеду, привозила Элю. Кормила девочку, переодевала и везла на занятия бальными танцами. За Сережей-младшим порой ездил отец, но последнее вре-

мя четырнадцатилетний подросток требовал все больше самостоятельности и предпочитал добираться до коттеджного поселка на автобусе. К вечеру Лара вновь исчезала, где она пропадает, не знал никто. Сабуров часами копался в гараже, на Жанну не обращал никакого внимания. Лара тоже притихла, занятая какими-то своими тайными делами.

Наступил период затишья, но все в доме чувствовали, что это затишье перед бурей. Жанна готовилась к ней весь ноябрь, все больше времени проводя на своих ногах, без подпорок. И по-прежнему тщательно это скрывала. Ковыляла по дому, чувствуя, что ее сторонятся все, кроме Александры Антоновны. Но та была слишком занята хозяйством, чтобы уделять Жанне много внимания. Олег Николаевич звонил, извинялся, что не может приехать, слишком уж загружен работой. Но на день рождения придет обязательно. Предоставленная самой себе, девушка часами сидела в гостиной, поджидая возвращения Лары или появления Сабурова. Лара демонстративно с ней не разговаривала, Сергей ограничивался общими фразами.

Что-то должно было случиться. Напряжение нарастало. А в начале декабря в жизни Жанны произошло событие настолько значительное, что о дальнейшей своей судьбе она задумалась всерьез...

...Это случилось в начале зимы, накануне Жанниного двадцатилетия. Снег выпал еще в ноябре, потом растаял, и грянула небывалая оттепель. В середине декабря держа-

лась плюсовая температура, и даже по ночам столбик термометра не опускался ниже нуля. Последние зимы в Москве выдавались удивительно теплыми, они, казалось, долго собирались с силами, и только к Новому году на землю ложился устойчивый снежный покров.

Было очень скользко, и все дорожки на участке Александра Антоновна посыпала песком. Жанна часами гуляла, благо погода стояла хоть и ветреная, но теплая. Она уходила все дальше и дальше от дома, пробуя свои силы. Если бы кто-то из обитателей особняка наблюдал за ней тайно, он открыл бы для себя много интересного. Ведь Жанна могла уже обходиться без костылей.

В одну из таких прогулок она дошла до глухого забора и увидела человека, который стоял у самых ворот, рассматривая дом в щель между створками, – Сабуров, с утра уехавший в город, забыл их запереть. Жанна замерла, заметив его. Да и мужчина ее заметил. И окликнул:

– Эй!

Она отчего-то заволновалась.

– Выйти можешь?

Выйти? А почему бы и нет? Если это вор, то убежал бы, заметив ее, если торговый агент, то, увидев открытые ворота, без колебаний прошел бы к дому. Те были бесцеремонны, но, нарвавшись на Лару, больше здесь не появлялись. В Жанне проснулся интерес: кто это? Она доковыляла до ворот и открыла тяжелую створку.

Они очутились лицом к лицу. Жанна хотела спросить, кто он, но сердце вдруг ухнуло в воздушную яму, на мгновение перестав биться совсем, и вместе с пульсом исчез и голос. Ведь это был *Он!* Парень со старой фотографии! Правда, уже не парень, зрелый мужчина. Двадцать лет прошло! Лицо его с годами стало еще жестче, нос заострился, губы затвердели, над ними уже темнел не юношеский пух, а тоненькие усики, на висках проступила легкая седина. Но она его сразу же узнала! Сердцем, которое, вынырнув из глубокого омута, забилось с новой силой.

Глаза у него оказались серо-зеленые, и Жанна смотрела в них не отрываясь. Он был высок ростом, широк в плечах. И веяло от него такой силой, что Жанна поняла Сабину. Подкаблучник Сабуров ее не интересовал, она хотела войны. Любви, которую каждый раз надо отвоевывать заново. В этом человеке не было ничего мирного. Да, он дал великой певице то, что она просила. Лишил ее покоя. Жанна не шевелилась.

– Ты кто? – спросил он.

Жанна открыла рот, но слова по-прежнему не шли. И вдруг сообразила: он видит девушку на костылях, инвалида. Не жалости она хотела. Отнюдь. Рука инстинктивно ослабилась, правый костыль упал на землю. Он легко нагнулся, поднял костыль, сунул ей под мышку:

– Ты что, еще и немая?

– Нет, – с трудом выговорила она.

– Горло болит? Бывает. Тебе тяжело так стоять? Ноги болят?

Она вытерпела бы рядом с ним любую боль, даже если бы та оказалась в сто, в миллион раз сильнее. Голос наконец к ней вернулся. Она улыбнулась и сказала:

– Мне не тяжело. Мне хорошо.

Он посмотрел на Жанну с откровенным удивлением. Девушка на костылях! Что тут может быть хорошего?

– Думаю, пора представиться. Мое имя Владислав Арнольдович.

– Арнольдович? – испугалась она. В ее фантазиях он взлетел на самый верх, получив титул графа. Или барона. Дремавшее доселе воображение проснулось в одночасье. – Ваш отец, он...

– Ты не пугайся. Вообще-то я деревенский. Папаша Арнольд был трактористом, – усмехнулся он. – А имечко бабка подцепила в газете, когда была на сносях. Тогда существовала мода на необычные имена. Но я не жалуясь. Раз Арнольдович, значит, не из простых. Откуда ты здесь взялась?

– А вы?

– Я? Мимо проходил, – вновь усмехнулся он. – Вообще-то тут все могло быть моим... Слушай, Машки больше нет! А? Как же так?

– Машки?

– Ну, Сабины, Сабины. Ты что, одна из тех восторженных идиотов, которые от ее песенок впадают в экстаз?

Вот это Жанну потрясло. «Машка», «песенки». И мысленно она тут же возвела его из графов в герцоги. Таким тоном говорить о самой Сабине!

– Ты что, здесь живешь? Ты его родственница? Сабурова?

Жанне стало немножко обидно: даже имени ее не спросил! Конечно, герцоги не обязаны знать поименно всех окрестных пастушек.

– Я Жанна, – сообщила она. – Не родственница. Меня Сабуров лечит. Я уже скоро пойду. Буду как все. Нормальная.

Он понимающе кивнул. И посмотрел на нее так... Словом, Жанне не понравилось.

– Вы неправильно поняли. Мы с ним... В общем, он мне должен. То есть обязан. И я его не люблю. То есть ничего такого.

– Значит, ты в этом доме? – уточнил он.

– Да.

– И не ладишь с Сабуровым?

– Да.

– Это здорово! Слушай, мне с тобой повезло. Понимаешь, у меня с Сабуровым тоже напряженные отношения. А мне надо в дом.

– Зачем? – удивилась она.

Он слегка замялся. Потом пояснил:

– Там есть важные для меня бумаги. Ну, те, что Машка писала. Сабина. Мы с ней... Одним словом, я был в отъезде. По делам. Приехал – ее уже похоронили. Заявиться в дом

как-то неудобно. Вроде бы я был ей м-м-м... друг, но она меня к себе ни разу не приводила. Я понятия не имею, что там, где и как. Но я имею право на те документы. Законное право.

– Вы, наверное, хотите взять ее стихи? – заволновалась Жанна.

– Стихи?

– Ну да. Ведь они же все о вас! Я иногда слушаю и плачу. Какая любовь!

– Ты не думай, я ценю. Только глупо все это. Глупо и странно. Неправильно. Ты всю жизнь пытаешься заработать деньги, много денег, придумываешь грандиозные проекты, достаешь бабки, находишь компаньонов. Постоянно что-то покупаешь и перепродаешь. Потом вся эта махина с трудом, со скрипом начинает двигаться вперед. Затем в стране случается очередная задница, и все встало. И начинай сначала. Деньги пропали, компаньоны сбежали. А тут какая-то баба сочиняет полную белиберду, только и делает, что целыми днями бренчит на гитаре, и вот вам результат, – он кивнул на трехэтажный особняк. – Так просто, и так результативно. Деньги из воздуха. И главное – баба! Я ничего не имею против женщин. Но их удел – домашнее хозяйство. И я не понимаю, как можно зарабатывать огромные деньги на каких-то песенках! Мне, конечно, приятно, что ее последний диск посвящен мне. Но я-то что с этого получу? А?

– Как же так? – растерялась Жанна. – Она же вас любила!

– Все с тобой понятно, – вздохнул он. – Ладно, пока.

– Нет-нет! – испугалась она. – Я принесу вам эти бумаги!

– Так сразу? – и он глянул на нее пристально, оценивающе. Разумеется, этот мужчина знал свою силу, знал, что привлекателен, но привык завоевывать. – Слушай, давай ты пока будешь просто держать меня в курсе того, что там, в доме, происходит? Кто куда уезжает, надолго ли. И как только появится возможность, ты мне свисти, я прилечу. Мне действительно надо кое-что взять.

– Чтобы никто не узнал?

– Ты что-то имеешь против?

– Нет, что вы!

Он, похоже, начал понимать. В серо-зеленых глазах вспыхнул вдруг огонек. Взгляд его неуловимо изменился, и Жанна почувствовала, как ее обдало жаром. Наконец-то! Мужчина посмотрел на нее *так!* Она покраснела. А он улыбнулся:

– Слушай... Жанна, да? Я оставлю тебе свой телефон. Звонить можешь?

– Конечно! Да! Могу! – Он уже был не герцогом. Королем! Ибо сделал поистине королевский жест: подарил ей номер своего телефона!

Она хотела, отбросив костыль, схватить визитную карточку, но... Надо же быть осторожнее! Зажала костыль под мышкой, правой рукой бережно взяла карточку, оглянувшись на окна особняка. Он тут же это заметил:

– Сабуров?

– Нет, Сергей Васильевич уехал.

– Вот повезло мужику, а? И все почему? Потому что я в свое время недооценил Машку! Такая была страшненькая! Бегала за мной. А мне тогда нравились дамы постарше. Это теперь все наоборот. Молоденькие, хорошенькие девочки – то, что надо.

Жанна поняла, что он сказал это специально для нее. И вновь покраснела. Как бы стать хорошенькой! И отбросить наконец эти чертовы костыли! Пусть ноги еще побаливают, но к настоящей любви так и идут: словно ступая по ножам и иголкам. А про то, что можно в итоге стать пеной морской, забывают.

– Я пойду, – с сожалением сказала она. – Лара сегодня дома, Элю и Сережу-младшего Сабуров в школу повез. Владислав Арнольдович, а вы еще придете?

– Можешь звать меня Владом, – сделал он еще один королевский жест. – А что у тебя с ногами?

– Пустяки!

– Тогда до встречи? Ну, пока!

Он развернулся и, насвистывая, зашагал в сторону полосатого шлагбаума. Жанна еще не верила в свое счастье. Нашла! Точнее, он ее нашел, но какая разница? Теперь все будет хорошо! Сердце наполнено чувствами до отказа, никаких пустот в нем больше нет. Только надо стать хорошенькой, надо нравиться, добиваться его.

Никто ее не хватился. Много чести! Жанна согрелась, отдышалась и начала вспоминать разговор с Владом, перебирая, словно четки, каждое слово. И все они казались ей слишком уж легковесными. Главное-то не сказано! Надо было сразу же заявить: ты – мужчина моей мечты! Решилась же она сказать Олегу Николаевичу, что любить его не будет никогда!

Итак, он намного старше. Ровесник Сабурова. Как все-таки обидно опоздать на двадцать лет! Но такие браки, где муж намного старше жены, отнюдь не редкость. Почему она думает о нем как о будущем своем муже? А как иначе? Бракосочетание с Владом уже привиделось ей в мечтах, мысленно Жанна уже примеряла свадебное платье. Хотелось немедленно отбросить костыли и во весь голос закричать: «Я здорова! Я выросла! Я замуж хочу!»

Жанна направилась к дверям кухни и вдруг услышала голос Лары. Та отчитывала Александру Антоновну:

– ...этой девчонке. Мы столько денег на нее тратим! Как только встанет на ноги – пусть отрабатывает. И не требуйте, чтобы я нанимала кого-то еще.

– Но Сабина... – сказала та что-то очень тихо. Жанна не расслышала.

– Мало ли что! А я не буду. Прорва какая-то этот дом!

– Сабина мне давала деньги на...

– Какие еще деньги?! Чтоб я не слышала больше об этом!!

– Но это ее деньги... – напомнила Александра Антоновна.

– Теперь они мои, – отчеканила Лара. – Вам понятно? Понятно?! Еще одно слово, и я вышвырну вас вон! Сегодня же! Без рекомендаций! Мало того, если найдете работу, я пойду к новым хозяевам и скажу, что вы воровка! И не вздумайте обращаться к Сергею Васильевичу! Он полностью меня одобряет! Во всем, – подчеркнула Лара.

Жанна удивилась. Мало того что Лара врет: Александра Антоновна не воровка! Она еще говорит, что Сабуров ее во всем одобряет. Это неправда! Ей так и хотелось крикнуть: «Ты врешь! Собака, собака!»

– Мы скоро оформим наши отношения официально, – услышала она.

«Ах, вот оно что! Лара вскоре станет госпожой Сабуровой! Ложь! Неправда!» Ей вдруг отчаянно жалко стало Сабурова. Неужели он сдался? Лара его дожала! И тут та вышла из кухни и поморщилась, увидев Жанну:

– Так ты подслушиваешь? Чего ж еще ждать от такой дрянни!

– Да вы недалеко от меня ушли! Думаете, вы госпожа? Настоящие хозяева, между прочим, так себя не ведут с прислугой! Вот. Я в больнице на них насмотрелась. Вы так кричите, потому что боитесь: все догадаются, что вы фальшивая. Вам просто самой теперь хозяина не хватает.

– Что-о?!

– Она вас жалела. Просто жалела. Я Сергею Васильевичу покажу ее дневники. Там про вас написано.

– Ах ты... Дрянь! Я теперь все двери буду на ключ запира-
рать! Дрянь!

Лара сжала кулаки, и неизвестно, чем бы все это закон-
чилось, но в дверях гостиной появился Сабуров, за ним ма-
ленькая Эля.

– Что случилось? – испуганно спросил он. – Почему вы
так кричите?

Из кухни вышла заплаканная Александра Антоновна:

– Сергей Васильевич, голубчик, как же так? Что ж она се-
бе позволяет? Я ж всегда верой и правдой... Мы ж не чуж-
ие... Вы же знаете, голубчик, Сергей Васильевич...

– Да-да. Я все знаю. Эля, иди к себе. Переоденься и при-
ходи на кухню обедать.

– Папа, но меня Лара переодевает! Мне надо косички пе-
реплести, – закапризничала Эля. – Мне сегодня на детский
праздник!

– Наверх! Быстро! Здесь взрослые разговаривают!

Покосившись на Лару, Эля надула губки и, демонстратив-
но задерживаясь на каждой ступеньке, стала подниматься
на второй этаж.

– Между прочим, ребенок ни в чем не виноват! – заявила
Лара. – Я ей нужна, и она не стесняется об этом сказать!

– Не смей спекулировать моими детьми! Это не предмет
для торга! – зло бросил Сабуров.

– Ты... Ты пожалеешь... – прошипела Лара. И кинулась
вслед за Элей. Девочка, которая застыла на площадке второ-

го этажа в ожидании, кинула на отца торжествующий взгляд.

– Пойдем, Элечка, – услышала Жанна. – У папы плохое настроение. Папа не в духе.

Хлопнула дверь. Александра Антоновна всплеснула руками:

– Неужто вы на ней женитесь?

– Я... – Сабуров вдруг запнулся. – Честное слово, я не знаю! Ну что вы от меня теперь хотите?!

Александра Антоновна покачала головой и ушла на кухню разогревать обед. В гостиной повисла напряженная пауза. Жанне опять стало безумно его жалко. Она опустилась на диван, прислонив к спинке костыли. Вот сейчас он убежит. Но Сабуров задержался в гостиной. Сел в кресло, обхватив голову руками.

– Сергей Васильевич? – негромко позвала она.

– Да? Что? – поднял голову Сабуров.

– Почему никто к вам не приходит?

Он не понял. Видимо, был занят мыслями о Ларе, о случившейся ссоре. Поймав его удивленный взгляд, Жанна пояснила:

– Ну, поклонники Сабины. Почему здесь, в этом огромном доме, никого нет? Где гости? Родственники? Друзья? Ее же так любили!

– Любили? – удивился он. – Видишь ли, любить ее было сложно. Кстати, Александра Антоновна Марусе дальняя родственница. У нее есть внучка. Очень большая девочка. Са-

бина платила Александре Антоновне намного больше, чем стоят услуги такого рода. Помогала семье. Все делали вид, что так и должно быть, что это стоит столько.

– А теперь Лара... – перебила его Жанна.

– Не надо, – поморщился Сабуров. – А что касается гостей... Они бывали раньше в нашей квартире. Не здесь. Поначалу гости приходили. По старой привычке. Но Маша редко к ним спускалась. Да что там редко! Почти никогда. Появлялась в старых джинсах, непричесанная, ненакрашенная. Всей компании сразу же становилось неловко. Весь ее вид говорил: вы мне помешали. Вы бездельники, а праздность – большой грех. Тусовки – грех. Кому есть что сказать, тот работает, по тусовкам не ходит, в гости не навязывается. И друзья стали появляться все реже и реже. Потом и вовсе исчезли. Ей завидовали. Тому, что не переживает творческий кризис, напротив, полна идей. Это всегда в дефиците. Идеи.

Сабуров тяжело вздохнул. Жанна ничего не поняла. В ее представлении вокруг Сабины должно быть много поклонников. Мужчин. Ведь она была такая красивая! Неземная!

– Вы ее ревновали, наверное? – догадалась она.

– К кому? – усмехнулся Сабуров.

Жанна тут же вспомнила Влада и спросила:

– А почему тогда вы не пускаете сюда тех мужчин, которые ее любили?

– Игорьька, что ли? Ты его у ворот видела?

– Какого еще Игорьька? – удивилась Жанна.

– Я так понял, ты кого-то встретила. У ворот дома. Игорьку, кстати, я приходить не запрещал.

– Я запрещала, – Лара появилась на площадке второго этажа внезапно и застала их врасплох. Значит, подслушивала! И еще смеет обвинять ее, Жанну!

Сабуров поднял голову:

– Ты?! Но почему?!

– Он торчал здесь целыми днями при жизни твоей жены! И надоел мне до смерти. Его же приходилось кормить. Завтраком, обедом и ужином. Он часто оставался ночевать. Еще один комплект постельного белья, между прочим! В доме и так полно народу! Я понимаю, что Игорь – отличный аранжировщик. Он помогал Сабине. И я его терпела. Но теперь? Что ему у нас делать?

– Может, он хотел взглянуть на ее черновики? Сабина много писала. Ее записи могут подарить людям новую песню. И не одну.

– Незачем, – отрезала Лара. – Вдруг он присвоит их себе? Сабуров нахмурился. Потом встал, кивнул Жанне:

– Собирайся. До машины дойдешь? Кстати, как твои ноги?

– В порядке, – кивнула она.

– Куда это вы? – насторожилась Лара. И Жанне почудилось, что ее красивые маленькие уши чуть шевельнулись. Лара сделала стойку. Собака.

– На кладбище, – ответил Сабуров.

– В честь чего? Будний день, следующая памятная дата – полгода. А до нее еще далеко.

– Лара, тебе не кажется, что ты слишком много на себя берешь?

Та закусила губу, а Жанна возликовала: наконец-то! Что?! Получила?! Собака! Беспородная дворняжка! Еще немного, и ты окажешься на улице, где тебе и место! Лара отступила в свою комнату, и на этот раз Сабуров остался с Жанной. Вместе они сели в машину и поехали на кладбище.

Сабуров гнал «Форд» с такой скоростью, с какой не ездил никогда. Жанна знала: тот водит машину аккуратно, не лихачит. С ним спокойно, но не сейчас. Сейчас – страшно. Попросить, чтобы ехал помедленнее? Но, покосившись на его сжатые губы, она промолчала. Сабуров тоже молчал. Она вспомнила Влада и невольно отметила, что у Сергея Васильевича лицо простоватое, а рот слишком уж мягкий, безвольный. И напрасно он пытается сжать губы в ниточку, все равно они пухлые и розовые, как у младенца. Все об этом знают. Да что это на нее нашло? Разглядывать Сабурова! Со скуки, должно быть, дорога длинная...

...И вот оно – кладбище. Ни разу в жизни она не была на кладбище. И вдруг почувствовала страх. Детский, бесконтрольный. Сколько же людей живет на земле, и все они умирают! А вдруг придет момент, когда места всем не хватит? Вон оно как разрослось! Здесь больше не хоронят, нигде. Но великой Сабине место нашлось.

Памятника на могиле еще не поставили. Было много живых цветов, и люди, которые пришли на кладбище, останавливались здесь, сбивались в стайки. У могилы на грубо сколоченном деревянном ящике сидел парень с гитарой и пел одну из ее любимых песен. Ту, которую во время каждого концерта публика требовала на «бис».

Мы с тобой на краю –
в раю.
Шаг вперед и шаг назад –
в ад.
С нами нежен, а не строг –
Бог.
И у нас один судья –
я...

Парень пел с душой. А публика внимала. Голос у него оказался не сильный, но приятный. Он держал аудиторию. На пару с Сабиной, которая сочинила эту песню, и во имя ее. Какие отношения были у него с великой певицей? Жанна почему-то боялась об этом думать.

Но смотрела на него не отрываясь. Какое необыкновенное лицо! Красив, но как-то бесплотно. Вечный странник. Не по женским постелям, упаси боже! По душам, конечно же. На него приятно смотреть, но думать о чем-то запретном невозможно. У него голубые глаза в угольно-черных ресницах, такие же темные брови, а волосы светлые, мягкие.

Черная крупная родинка над верхней губой похожа на каплю, край ее касается розовой каймы, и кажется, еще немного, и родинка сползет прямо в рот. А руки у него маленькие, плечи узкие, шея длинная, тонкая. На ангела похож. Как Сабина. Но взгляд у него пылает.

Ночь пройдет, и новый день –
в тень...

Жанна чувствовала, что сердце замирает. Казалось, этот парень сыграет в ее жизни роль значительную, если не сказать, решающую. А как же Влад? Пусть он перестанет петь! Это же невозможно!..

...Это же невозможно! Сабуров ненавидел эту песню! Именно эту. К остальным относился равнодушно. Но эту...

Мы с тобою на краю – в раю...

Разумеется, это не о муже! Как она могла признаться всему миру в том, что ему изменяет?! И при этом заявить: «И у нас один судья – я». За ним, Сергеем Сабуровым, право на суд не признавала, хотя на его стороне был закон. Свидетельство о браке на руках, в церкви венчаны.

Ночь пройдет, и новый день – в тень...

...Ну, спасибо тебе, дорогая! Жизнь с законным супругом для тебя тень!

На пороге наш палач – плач...

Ты и редела целыми днями! О ком? О чем? О своей молодости, которую он, Сергей Сабуров, якобы загубил?

И в награду вполщены – сны,
Потому что этот рай – край...

Последнюю фразу он просто не понимал. Край чего? Невозможная женщина! Почему не сказать просто? Я хочу с тобой развестись. Я не люблю тебя, люблю другого, наш брак себя исчерпал. Почему ни разу не заикнулась о разводе? Ни разу! «Потому что этот рай – край».

...Сил больше не осталось. Все это слышат! И Жанна.

Он не выдержал и негромко окликнул:

– Игорек!

Негромко, но тот услышал. Перестал петь, отложил гитару и поднялся со своего ящика:

– Сергей Васильевич! Здравствуйте!

– Значит, ты здесь.

– А где мне еще быть?

– Я в курсе: Лара запретила тебе приходить в наш дом.

Но не я.

– И что с того? Все равно ее там больше нет. Она здесь.

И я здесь.

– Холодно тут. К чему такие жертвы? – вздохнул Сергей и тут поймал взгляд Игоря. Жанна! Игорь смотрит на девушку на костылях. – Это Жанна, – представил ее Сабуров. –

Она не так давно перенесла тяжелую операцию, но теперь все в порядке. Жанна, это Игорь Глинский. Поедем, Игорек, с нами.

– Куда?

– Домой.

– А как же Лара? – спросил парень.

– Лара... Как-нибудь обойдется. Покричит и успокоится. – И неожиданно для себя добавил: – Я ведь жениться на ней хочу.

Ему показалось, что Игорь сейчас рассмеется. Родинка над его губой весело подпрыгнула. Впрочем, он сдержался.

– Поздравляю.

– Ну, так что? Поехали?

– Я, пожалуй, здесь останусь, Сергей Васильевич. Или домой поеду, вы правы: холодно очень. Не хочу мешать вашему семейному счастью. Но обязательно зайду. На днях. Быть может, завтра.

– Ну, как знаешь. Не навязываюсь.

Меж тем, поняв, что продолжения концерта не будет, публика потихоньку стала расходиться. Люди пошли осматривать могилы других знаменитостей: их ведь водили сюда на экскурсию. Там лежит такой-то, а там такая-то... Сабуров невольно вздохнул. Пора и им с Жанной уходить. Посмотрели – и будет.

– Ну что? – взглянул он на Жанну. – Замерзла? Может, пойдем?

Она еле заметно кивнула и покрепче зажала под мышками костыли.

– Значит, после Сабины – Лара. Интересно! – все-таки не удержался Игорь. – А вы хорошо подумали? Ей ведь не вы нужны – деньги. Впрочем, вам тоже нужны только деньги. И покой, который они дают. Можно не работать и ни в чем себе не отказывать...

И тут вдруг вмешалась Жанна. Посмотрела на Игоря укоризненно и сказала:

– Между прочим, Сергей Васильевич дал мне денег на операцию. И никакой он не жадный. Просто несчастный.

– Ну да, во всем виновата Лара! И только Лара! – весело сказал Игорь.

– Для тебя она – Лариса Михайловна, – разозлился вдруг Сергей.

– О! Шесть лет разницы между нами – существенно! Но это ведь не помешало ей попытаться отбить меня у знаменитой подруги! Ларисе, пардон, Михайловне всегда хотелось стянуть что-то чужое. Мужчину, деньги, славу...

– Что ты несешь! – Разумеется, Игорь врет. Лара просто-напросто не могла. Не такая она. Они поссорились, и Игорь теперь ей мстит. Хочет, в свою очередь, поссорить их. Не выйдет! – Правильно Лара сделала, что запретила тебе появляться у нас в доме! Можешь не приходить! Так даже лучше будет! – разозлился Сергей.

– Нет уж, – Игорь нагнулся и поднял деревянный ящик. –

Теперь я обязательно загляну к вам в гости, Сергей Васильевич. Кстати, поздравляю.

Игорь кивнул на Жанну. Сабуров его не понял...

...Жанна не поняла тем более. Какой странный парень! Не поняла она и того, почему сама вступилась за Сабурова. Это произошло инстинктивно. Она ведь знала: во всем виновата Лара, не он. Сабуров мягкий, безвольный человек, а этот Игорь...

С кладбища они ушли вместе, причем деревянный ящик Игорь прихватил с собой. У ворот кладбища Жанна с удивлением смотрела, как тот грузит ящик в багажник своих «Жигулей». Ящик-то ему зачем?

Она не могла понять, понравился ей Игорь или же не понравился. Кроме волнения, которое ее охватило при виде него, было что-то еще. Поет хорошо, то, о чем поет, понимает и Лару терпеть не может. Значит, союзник. Меж тем он был близок к Сабине. Причем близок так, как Жанне не хотелось даже думать. Одно дело – любовь великой певицы. Здесь допустимо все, в том числе и измена мужу. Тем более Сабуров сам не безгрешен. Но – Игорь! Это уж совсем недопустимо!

Расстались они прохладно. Некоторое время «Жигули» держались за серебристым «Фордом», но потом отстали. Сабуров поспешил оторваться. По лицу его Жанна догадывалась: он расстроен. И опять они молчали всю обратную до-

рогу.

А вернувшись, увидели возле дома большой костер. Там, где огня отродясь не разводили. Для шашлыков и барбекю на участке отведено специальное место, у беседки. В гостинной же был камин. Пользовались им редко, но бумаги, которые сейчас горели, можно сжечь и там. Бумаги?!

Костыли сами собой выпали из ее рук. Довольно ломать комедию! Игры окончились. Противник сделал свой ход первым. Жанна решительно шагнула к огню. Боли она больше не чувствовала. Да, Лара не захотела воспользоваться камином. Она устроила настоящую демонстрацию. Сожжение бумаг покойной Сабины! В огонь полетели старые альбомы, дневники, черновики...

В русалочьих глазах Лары светилось откровенное торжество. Она ликовала. Это страшно: так ликовать, сжигая чью-то душу! Как же надо испугаться, чтобы уничтожить такое сокровище! Забыть о собственной выгоде! И это Лара, жадная до денег!

Жанна проворно нагнулась и вытащила из огня обгоревшую тетрадь. Опомнился и Сабуров. Кинулся к огню и стал спасать бумаги. Первым делом он схватился за фотографии. Лицо его стало жалким, губы задрожали. А Лара смотрела только на Жанну. Удивление в ее глазах сменилось презрением.

– Так, так, так... – протянула Лара. – Оказывается, мы ломаем комедию! Ты не только шпионка, но и комедиантка!

Дрянь! Ну, все! Мое терпение кончилось!!!

«А ту собаку кто-то из жителей поселка потом пристрелил...»

Сабуров был потрясен. Ему казалось, он прекрасно знал Лару. Знал не один год. А теперь выходит, что не знал. *Та* Лара не совершала диких, бессмысленных поступков. «Сто раз отмерь, один раз отрежь» – вот ее жизненное кредо. Она полная противоположность Сабине, которая кидалась в авантюры очертя голову. Почему он и оказался у Лары в постели: захотел удобства и покоя. И мести. Смешно сказать! За четырнадцать лет ни разу не изменил жене! Причем знал наверняка: Маша ему изменяет.

Врать она не умела. Знал: стоит спросить в лоб: «Было?» И она кивнет: «Да. Прости». Но то считалось не изменой, а творческим поиском. Она не раз говорила смеясь: «Я недавно услышала в одной из телевизионных передач занятную вещь. Мол, Чехов сказал: Короленко хороший писатель, а был бы еще лучше, если бы хоть раз изменил своей жене. Ха-ха! А знаешь, он прав! Не Короленко, Чехов. Ха-ха! Настоящий поэт и супружеская верность – вещи несовместные».

И он бесился. Что за чушь? При чем тут Чехов? При чем Короленко? «Дети подземелья». Да, в школе проходили. Но при чем тут его жена? Чушь! Он изо всех сил делал вид, что измены происходят только в ее фантазиях.

Хотя, глядя на Игоря, неизменно мучился: вот здесь, в моей гостиной, сидит ее любовник. Знаю это почти наверняка и молчу. Не понимаю. Ладно ее первая и единственная любовь. Тот – мужик, с ним все понятно. Но этот? Игрушка? Тридцать лет, и все Игорек! Они слишком много времени проводят вместе. Записывают альбомы. Если мужчина и женщина так долго работают вдвоем над одним проектом, то ситуация, когда недалеко и до интимной близости, рано или поздно возникает. В момент, когда работа завершена, когда пришла удача, они с ликованием заключают друг друга в объятия. Дружеские, но потом закрадывается мысль: надо бы расслабиться. Глоток шампанского «за удачу», сигарета, легкое головокружение, и губы сами собой соединились. Представить, что Игорь целует его жену... Да по его глазам и так все понятно. Голова, как подсолнух, разворачивается вслед дневному светилу, во взгляде обожание.

Но она? Если быть объективным, то Игорь – красивый парень. Что-то в нем есть. Но как быть с великой любовью Сабины? С цельностью ее натуры? Неужели она делала это на зло ему? Не Чехову же. И не Короленко. При чем здесь они? И эта дурацкая фраза, которую жена повторяла слишком уж часто. Словно хотела себя оправдать.

В конце концов он не выдержал. Все произошло буднично и просто. Дети ушли на день рождения в соседний коттедж, Сабина уехала по делам. Повез ее Игорь, от услуг Сабурова они отказались, Лару с собой не пригласили. Александра

Антоновна взяла выходной. Они с Ларой остались вдвоем в огромном доме. Наступил вечер. Лара немного злилась: она предпочитала быть в курсе всех дел Сабины. Он тоже нервничал. Вопрос: «Является ли Игорь любовником его жены?» – решился положительно.

Сначала они сидели в гостиной. Мужчина, обиженный на свою жену, и женщина, обиженная на жизнь. Должно быть, лицо у него было таким несчастным, что Лара подвинулась вплотную, погладила по руке и сказала:

– Ну-ну, успокойся. Это ненадолго.

Ненадолго что? Игорь? А кто следующий? Что еще надо сделать поэту, чтобы стать настоящим? Последнее время жена позволяла себе в постели такие вещи, что он терялся. Нельзя же так себя выдавать! Словно напрашивается на вопрос: откуда? с кем ты это делала? кто тебя научил? У него до Маши женщин не имелось, подобной опытности в делах постельных ему набраться было не у кого. Значит, любовники. Из богемной среды, ибо всем известно, что там одни извращенцы!

Он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Осталась только глубокая обида, которую он не в силах был скрыть от Лары. А у той оказалось звериное чутье.

Это сейчас он понял: Лара просто воспользовалась моментом. Ей так же, как и ему, хотелось отомстить Сабине. За свое унижение. Лара всегда считала, что она красивее, умнее, талантливее. Просто ей не повезло.

Не было шампанского, не было сигарет, и удачи, за которую надо бы выпить, не было тоже. Но их губы сами собой соединились поцелуем, в котором горечи оказалось больше, чем сладострастия.

– Я... я не могу здесь... – хрипло сказал он.

– Поднимемся ко мне в комнату. Сережа, тебе надо расслабиться...

И он пошел за ней покорно, словно жертвенный ягненок на заклание. И подумал при этом мстительно: «Вот теперь ты поймешь, как это больно...»

За первым разом неизбежно следует второй, если выпадает такой же вечер. Можно убить его с приятностью. Ты мне – я тебе. Мы в расчете, дорогая. Должна же восторжествовать справедливость? В конце концов утешаться в объятиях Лары вошло у него в привычку. Как женщина она ему не нравилась. Лара никогда не теряла головы. Он не мог отделаться от мысли, что, даже когда глаза ее закрыты, она за ним подсматривает, чтобы узнать, как и от чего он теряет над собой контроль. Лара не могла понять, что при Сабине он выполняет такую же роль, как она при нем. Что он, в свою очередь, пытается сообразить, как удержать жену от измен, как стать лучшим. Они с Ларой не подходили друг другу. Их интимная близость напоминала постельную сцену из какого-нибудь сериала, где актеры больше стараются занять публику, чем сами получить удовольствие.

Если бы жена не умерла, неизвестно, чем бы все это закон-

чилось. Теперь Лара уничтожала саму память о ненавистной ей женщине. Он понял: его любовница Сабину ненавидела. Так сильно, что ему до этого далеко, ох как далеко!

Он смотрел на догоравший огонь и в отчаянии пытался услышать колокол. Что же он наделал?! Как мог так поступить с Машей?! Но колокол молчал. Более того, горела и рушилась колокольня, на которой он находился. Лара больше не скрывала своих чувств. Дневники Сабины уничтожены, ему удалось спасти только несколько фотографий.

Жанна не выдержала и закричала:

– Ненавижу тебя! Ненавижу! Убью тебя! Убью!

Сабуров схватил ее за руку и притянул к себе: тише, девочка, успокойся. И тут только сообразил: девочка отбросила в сторону костыли! Она пошла, сама! Лара же торжествуяще сказала:

– Вот видишь?! Видишь?! Какая же дрянь! Мало того, что она врала! Она мне угрожает!

– Пойдем поговорим, – негромко сказал Сергей Ларе, отстранившись от Жанны.

Та осталась одна у догорающего костра. Сабуров шел в дом следом за Ларой и думал о том, что так и не научился выяснять отношения. А надо бы устроить ей сцену. Это не ее дом. И ничто в этом доме Ларе не принадлежит.

– Нам лучше подняться к тебе в комнату, – предложил он, очутившись в гостиной. – Здесь скоро будут люди. А разговор долгий.

– Как скажешь, – кивнула Лара. Она уже успокоилась.

Поднялись на второй этаж, стараясь при этом друг друга не касаться. Плотно прикрыв дверь, он, сдерживаясь, изложил ей свою позицию. Лара слушала внимательно, не перебивая, а потом напомнила:

– Я ведь тебе не чужая. Сколько раз за последнее время ты был со мной, а сколько с ней?

– При чем здесь...

– Ты любил меня, не ее.

– Да с чего ты это взяла?! Разве я тебе когда-нибудь говорил о любви?!

– Ах, так? Ты просто со мной расслаблялся? Развлекался? Использовал меня? А теперь что? Найдешь девочку помоложе? Не выйдет! Не на такую нарвался!

– Да я уже понял.

– А раз понял, то пойми и другое: я хочу занять место Сабины.

– То есть ты хочешь, чтобы я на тебе женился?

– И это тоже. Кроме того, я хочу на сцену. Я буду петь.

– Петь?! – он чуть не расхохотался. Лара хочет славы! Безголосая посредственность решила примерить на голову лавровый венок! – А разве у тебя есть талант? Голос?

– Талант? Голос? Подумаешь, ценность! У меня, конечно, голос не такой сильный, как у Сабины, но современная звукозаписывающая аппаратура может из него кое-что сделать. Подчистят, отмикшируют. Это глупая Сабина пела только

вживую. Не жалела себя, вот и сломалась. А мне и фанерка сойдет.

– Что-то я не понял...

– Я хочу получить свое. У меня остались связи. Думаю, мой проект найдет поддержку у спонсоров. Лучшая подруга Сабины подхватывает упавшее знамя. Отличная идея! Найдутся люди, которые за нее уцепятся. Пара громких скандалов, наш брак, печальная лав-стори на трех каналах, сейчас такие передачи в моде, и как итог – оглушительный успех. Мало ли брошенных жен знаменитых певцов делают блестящую сольную карьеру? Хоть у одной из них есть голос? Есть слава бывшего мужа, и достаточно! Но это уже приелось. Ниша занята. А вот подруга покойной суперзвезды вкупе с ее мужем – это что-то новенькое, свеженькое. В наше время звезды зажигает черный пиар.

– Да ты с ума сошла?! Чтобы я принял в этом участие?! Еще раз кинулся в омут?! Да я счастлив уже тем, что все закончилось!!

– А я нет, – отрезала Лара. – Я хочу, чтобы в этом доме вновь появилось телевидение, журналисты. Поверь, в отличие от Сабины я распоряжусь всем с умом.

– Нет, Лара. Нет.

– Тебе некуда деваться. Нас слишком многое связывает. Я ведь знаю, что на самом деле произошло там, на переезде. У нас с тобой общая тайна, дорогой.

– По-моему, ты больна, – заметил Сабуров.

– Да, больна, – согласно кивнула Лара. – Эта болезнь называется зависть. Вот уже много лет я мучаюсь... Думаешь, я любила своего жениха, когда выходила замуж? Он же был чуть ли не в два раза старше меня, толстый, лысый. Но – москвич, двухкомнатная квартира, машина, престижная работа, загранкомандировки. Ну, кто еще из моих подруг так удачно вышел замуж? У меня было все. Но – мало. Я все время оглядывалась на других. Кто лучше одет? У кого дороже машина? Кто сумел достать то, чего не смогла достать я? Сколько бы я ни имела, мне всегда было мало. Мало, мало, мало... В конце концов, у меня муж старый и толстый, а другие жили с молодыми и красивыми. Завела любовника. Опять не то. Теперь мне стало казаться, что других любят больше, чем меня. Утешалась тем, что живу в свое удовольствие. И вот – Сабина. То есть Маша. В одной комнате жили, вместе сахар у соседей стреляли, чаю попить было не с чем. Почти десять лет я думала, что ей до меня далеко. Что я процветаю, а она бедствует. Я не верила, что у нее получится. Не раз говорила ей об этом, мы ведь перезванивались. Думала, что она сдастся, отступит. Представляешь, что я почувствовала, когда она стала знаменитостью? Я готова была ее убить! Но правильно говорят: не можешь задушить своего врага – обними его. И ты... Разве ты ненавидел ее меньше, чем я? Не притворяйся!

Он слушал и приходил в ужас. Лара же всегда так восхищалась талантом его жены! Даже когда они стали любов-

никами, откровенных нападков на нее себе не позволяла. Ну, случилось, бывает. Не развода же требовать? Господи! Да ей же невыгоден был развод!

– Ты сама меня не любишь, – покачал головой он.

– Главное, чтобы нам было хорошо вместе. Чем я тебя не устраиваю? Ты сам этого захотел. И по-прежнему хочешь быть со мной.

– Только не думай, что ты неотразимая женщина.

– А что же тогда не отразил? – усмехнулась Лара.

– Да все ты понимаешь! Это было отчаяние! Просто отчаяние!

– За то, что она тебе изменяла? А она изменяла. И как! – мстительно добавила Лара. – Этот ее Влад – нечто. Уж я-то знаю! Больше, чем ты думаешь. А еще Игорек. Как-то раз...

– Замолчи!

– Что, больно? А мне не больно? Знать, что меня просто-напросто использовали? Так вот: ты на мне женишься. Знаешь, чем я занималась последнее время? Куда исчезала? Я наводила справки. И нашелся продюсер, которому мой проект показался интересным. Нам только надо по-быстренькому расписаться. Ну, скажем, к Новому году. Злопыхатели скажут, что, мол, ботинок еще не износили, в которых за гробом шли, но нам это на руку. Скандал – это интерес. Возникнет вопрос: как? почему так быстро? И на телеэкран выйдет передача. Кстати, у Сабины в начале января день рождения. К нему и приурочим.

– А может, ты деньгами возьмешь? – предложил он.

Лара откровенно рассмеялась:

– Да что мне с твоих денег? И потом: сколько ты мне дашь? А я хочу все! Нет: того, что есть, мне мало. Сережа, мы заработаем с тобой больше, гораздо больше! Я куплю тебе новую машину, еще одну. Я знаю, как ты любишь машины. Ну, хочешь «Мерседес»?

– Что-о?! Я не ребенок, чтобы покупать меня дорогими игрушками!! Ничего из того, что ты сказала, не будет! Я не допущу!

– Кстати о детях: подумай о них. Эля привязана ко мне больше, чем к покойной матери. Кто позаботится о девочке лучше меня?

– Эля...

Он прислушался. Кажется, дети вернулись. Сережа водил сестренку на детский праздник в дом на окраине поселка, да и сам общался с друзьями, так же, как и он, увлеченными компьютерными играми. Да, дети – это серьезно.

– Мы договорим потом, – пробормотал он и направился к двери.

– Тебе лучше поступить так, как советую я, – сказала вслед Лара.

Увы! Он не был в этом уверен!

Но дети – это серьезно. Влетев в гостиную, маленькая Эля первым делом спросила:

– А где Лара? Ой, там было так весело! Папа, ты знаешь...

И она вздохнула начала рассказывать о детском празднике. Он слушал рассеянно, не перебивая. И только под конец вспомнил, что Александра Антоновна отпросилась после обеда провести внучку, а надо бы накрыть стол для ужина, прибраться в комнате у Эли, заняться грязным бельем... Много чего надо.

– Отец, пожарить чего-нибудь есть? – спросил Сережа-младший, появляясь в дверях кухни. – От сладкого меня мутит, супа горячего хочу. И где все? Разогреть бы.

Последнее время подросток был нарочито грубоват. И стал называть его не «папа», а «отец». Растет парень.

– Лара! – машинально крикнул Сергей.

Последнее время все в доме шло кувырком. Александра Антоновна все чаще куда-то исчезала, Лара занята бредовой идеей. Жанна... А где Жанна? Она вышла из кухни, видимо, была в своей комнате. Из бывшей кладовки можно пройти только через кухню.

– Я сейчас разогрею, – поспешно сказала она.

– А как твои ноги? – спросил он.

– Лучше.

Девушка опиралась на палку, которую в просторечии называют «бадиком». Когда она научилась обходиться без костылей? Лара что-то кричала о комедиантстве. Что за безумный день! Так было тихо, спокойно!..

...Поздно вечером у себя в комнате он попытался привести мысли в порядок. Фотографии, спасенные из огня, поло-

жил в прикроватную тумбу, где лежали письма покойной жены. Отправляясь на гастроли, в турне, продолжавшееся порою месяц-два, безумная Сабина никак не могла оставить его в покое. Ей мало было звонить чуть ли не каждый день, разоряясь на межгороде. Забрасывала его письмами, полными чепухи. Сообщала, когда встала, что ела на завтрак, что и где болит, какие идиоты окружают ее. Где только время находила! Должно быть, ночами писала, страдая бессонницей. И у Сабурова складывалось ощущение, что она никуда не уезжала, по-прежнему дома, в этой же комнате со своим вечным нытьем и проблемами. В молодости он ей отвечал такими же глупыми бесконечными письмами, полными чепухи.

Но что это? Тут только он заметил, что на подушке лежит исписанный листок. Взял его в руки и, невольно вздрогнул, узнав почерк Маши. «Я помню, как однажды к нам в поселок...»

...Положив на подушку Сабурова исписанный непонятным летящим почерком листок, Жанна немного успокоилась. Мелкая, подлая месть, но все же. Стало немного легче. Сегодня она смогла подняться на второй этаж. Впервые в жизни. Великая сила злость! Уж очень ей хотелось послушать, как они ругаются! Как Сабуров отчитывает Лару!

Оглядевшись в его комнате, Жанна невольно задумалась. Что же он за человек? Идеальный порядок, чистота. Мебели немного, она дорогая, но не вычурная. Кровать двуспальная,

покрыта однотонным шелковым покрывалом, такого же цвета шторы. На ней они спали, Сабина и ее муж? На этой самой кровати... Жанна вдруг схватила подушку, прижала к лицу. Исписанный листок соскользнул на кровать. Подушка пахла одеколоном, шампунем и еще чем-то сильным, мужским, пробивающимся сквозь запах парфюмерии. Она разволновалась. Бросила подушку в изголовье и подобрала листок. Вернув его на прежнее место, поспешно вышла из комнаты.

Потом она подслушивала под дверью комнаты Лары. Так вот в чем дело! Лара хочет не только Сабурова, но и славу великой певицы! И вдруг рядом раздались осторожные шаги. Жанна обернулась и увидела торжествующую Александру Антоновну.

– Тс-с-с, – прижала та палец к губам. – Ругаются?

И, не стесняясь Жанны, Александра Антоновна прислонила ухо к замочной скважине. Отстранившись, покачала головой:

– Вот стерва, а? Пойдем, Жанночка, я тебе спуститься помогу. Сейчас дети придут. Элька нас увидит – тут же наябедничает.

Поддерживая Жанну, она помогла ей преодолеть ступеньки. Внизу, у портрета Сабины, Александра Антоновна задержалась, указывая на изображение, сказала:

– Вот Сабиночка из гроба бы восстала? А?

– И что? – спросила Жанна.

– Захватчица. Стерва, – поджала губы Александра Анто-

новна. – А Сергей Васильевич будто слепой. Выгнал бы ее из дому – и дело с концом.

– Сам виноват!

– Да что ты, деточка! Сергей Васильевич человек правильный. И из себя мужчина видный. Нравится он тебе?

– Ну... – неуверенно протянула Жанна.

– Ты присмотришься к нему. Внимательно присмотришься. Я гляжу: ты ходишь уже. Скоро без палки будешь обходиться. Придется бы тебе.

– Во что?

– После Сабины-то много чего осталось. Весь шкаф тряпками увешан, некоторые она так ни разу и не надела. Купит – и в шкаф. Только коротковаты тебе будут ее вещи.

– Сабина была маленького роста? – удивилась Жанна.

– Не то чтобы очень уж маленького. Выше, конечно, чем эта стерва. Но с тобой не сравнить. Что ж... Кое-что тебе подойдет. Помогу. Только, деточка, уж и ты не забудь потом.

– Что не забыть?

– Доброты моей. Стерва-то мне чужая. А мы с тобой будто родные теперь стали? Согласна?

– Да. Спасибо вам.

– Что ж, пока и «спасибо» хватит. А там посмотрим. Я вижу, ты не злая и не жадная. Нравишься ты мне, деточка.

– Помогите мне волосы покрасить, – неожиданно попросила Жанна.

– К чему это? Свои у тебя уж больно хороши. Экие свет-

ленькие да курчавенькие спереди-то.

– День рождения у меня скоро.

– Ох-ох-ох! Сколь же годочков?

– Двадцать.

– Двадцат-ать! Ну, в самый раз. Замуж тебе пора. Только волосы свои побереги.

– Нет, – упрямо возразила Жанна. – Мне краска нужна. Для волос. И косметика. Неудобно у Лары просить.

– А к чему просить? Пошла бы да взяла. Добра-то этого полно у стервы. Сабиночка себе столько не позволяла. И не красилась так. А стерва чуть с кровати поднимется – и к зеркалу. Сергей Васильевич и польстился на бесовское. Но ты, деточка, не горюй. Стерва-то Сабининым брезгует. Как стояло все, так и стоит. Принесу я тебе. Заметит кто, не заметит, с меня спрос невелик. Выбросила за ненадобностью, да и дело с концом.

– Хорошая вы, – вздохнула Жанна. И ее фантазия мигом нарисовала волшебное преображение. Новое платье. Платье Сабины. Ее косметика. Быть может, ее духи. Не забыть бы про духи! А Александра Антоновна меж тем говорила:

– ...вместе. Я понимаю: каждому, значит, свое. Кто песни поет, кто полы моет. Но простыми людьми брезговать нельзя. Мы, простые люди, и себе цену знаем, и тем, кто на иномарках ездит. Нам помочь не зазорно. Сабиночка, царствие ей небесное, выросла в деревне. Хозяйство у матери ее, Матрены, раньше большое было. А мы с мужем-то напротив жи-

ли. Дорогу только перейти. Помогали чем могли. Сабиночка, бывало, забежит, так я ей то пирожок, то ватрушку дам с пылу с жару. «Спасибо, – говорит, – тетя Шура». Так со «спасибо» все у нас и началось. Муж-то помер давно, а хозяйство я на дочку оставила. Внучка моя болеет: ножка у ней сохнет. Да... Сабиночка-то вспоминала частенько мои пирожки. И здесь я их пекла. И Сабиночку учила.

– А почему вы ее Сабиной зовете? – удивилась Жанна.

– А как?

– Ну, раз вы по соседству жили, какая она вам Сабина? Маша же!

– Маша? А ведь и верно! Ишь ты! Машей, значит, надо ее звать? То-то я... – и Александра Антоновна осеклась. Потом заторопилась: – Ты Сергею Васильевичу не говори пока, что я здесь. И стерве этой тоже. Дело у меня. Тайное. Дети придут – так ты еду разогрей. Все, что надо, в холодильнике. Стерва спустится – помоги на стол накрыть. А я через черный ход выйду. Как все внизу будут, так наверх и поднимусь.

– А зачем? – удивилась Жанна.

– Дело у меня. Стерва-то как с утра кричала? Ну, ничего! Я ей задам! Тс-с-с... Дети, кажись, возвращаются. В дверь стучат. Я ее на замок закрыла. Ты пока иди к себе, а я через веранду да к черному ходу.

– А дети как же?

– У Сережки-то ключ есть. Постучит, постучит, да и вспомнит. Обленились совсем! Без прислуги обойтись

не могут!

И Александра Антоновна выскользнула в холл. Жанна постояла, прислушиваясь, и, когда в холле раздались детские голоса, пошла на кухню, а оттуда в свою комнату...

...Утром следующего дня она все приглядывалась к Сабурову. Как отреагировал он на послание с того света? Понял ли, кто принес листок в его комнату? Но лицо у него было непроницаемое. Спасенное из огня Жанна спрятала в своей комнате. Телефон Влада выучила наизусть. Память у нее всегда была цепкая. Теперь надо готовиться к волшебному преображению.

Александра Антоновна тайком сунула ей косметичку, где, кроме помады и теней, нашелся флакончик духов. На флаконе было что-то написано не по-русски. Два слова. Выписав их на бумажку, Жанна подсунула ее в обед Сабурову.

– Сергей Васильевич, что это означает?

– Ангел огня, – буркнул тот, потом спохватился: – А зачем тебе? Языками решила заняться?

– Да, – соврала Жанна.

– Что ж, это неплохо. Потребуется помощь – обращайся.

Жанна уткнулась в свою тарелку.

А вечером в доме появился Игорь с гитарой и деревянным ящиком, который он тут же поставил в центре гостиной, прямо на дорогой ковер. Сабуров вздохнул, но ничего не сказал. Лара только что привезла Элю с занятий бальными танцами, проходя на кухню, она задержалась и с иронией спросила:

– Что сие символизирует?

– Мебель, – коротко ответил Игорь. Взглянув на него, Жанна невольно подумала: «Ангел огня».

– Тебе что, мебели не хватает? – усмехнулась Лара. Гостиная была обставлена с отменным вкусом.

– Так это твоя мебель, – ответил Ангел огня. – Я что, должен признать, что это верх совершенства? Она же отвратительна! Как и все, что ты делаешь!

«Игорек, Игорек», – покачал головой Сабуров, а Лара разозлилась:

– Хам! А еще сын интеллигентных родителей! Папа – профессор, мама – заслуженный деятель культуры! А сынок болтается без дела, хотя и в институт его пристроили, и кормят с ложечки, и баю-бай на ночь поют. Не в коня корм! Может, ты подкидыш?

– Это ты кукушкино дитя, – разозлился Игорь. – Попала всеми правдами и неправдами в чужое гнездо и давай наводить свои порядки! Скоро всех отсюда выпихнешь!

– И еще она чужие вещи сжигает, – вмешалась в разговор Жанна. – Бумаги из кладовки зачем уничтожила?

– Как это уничтожила? – удивился Игорь.

– А так, – отрезала Лара. – Запомни: если не мне, то никому. Я тебя предупреждала? Не поможешь мне с аранжировками и с протекцией, сожгу все. Я знаю, что у тебя влиятельные друзья. Раз пришел сюда – значит, согласен. Согласился ведь?

– Слушай, у тебя совесть есть? – нахмурился Игорь.

– Это еще не все, – торжествовала Лара. – Ты кое о чем забыл, дорогой! У близкого тебе человека есть семья. Жена. Ты понял? Жена!

– При чем здесь это?

– А при том. Раньше мне нужен был он, а теперь ты. Если ты не захотел в свое время на него повлиять, то, может, он теперь на тебя попробует? Ему светлая память Сабины до фонаря. Светит, но не греет. Отыграем все в другую сторону.

– Пойдите-пойдите, – опомнился наконец Сабуров. – О чем, собственно, речь?

– Игорек знает, – таинственно ответила Лара.

Ангел огня зло сказал:

– Все это в твоих фантазиях! И не мечтай, чтобы я тебе помог из-за такой глупости! Все равно никто тебе не поверит!

– Да что ты? – с иронией приподняла брови Лара. – А как еще объяснить ваши отношения с Сабиной? Думаешь, она не бывала откровенной с близкой подругой? Не припомнишь, в каких позах вы занимались любовью? Я могу...

– Замолчи! – не выдержал Сабуров. – Да как ты смеешь?! Девочки бы постеснялась!

– Ах да, – притворно вздохнула Лара. – Я совсем забыла, что среди нас есть дети. Как-то в голову не пришло, что до двадцати лет можно в наше время сохранить чистоту

и невинность. Разве что в инвалидном кресле.

Жанна чуть не расплакалась. Да как она смеет! Бить в самое больное! Захотелось в горло вцепиться этой гадине. И пальцы сжать так, чтобы она замолчала навсегда. Собака!

– Я тебя убью! – крикнула она.

– Замучаешься, – равнодушно бросила Лара. – Чтоб ты знала, у меня есть пистолет. И это всех касается. Только не думайте, что я кого-то боюсь! Кого здесь бояться? Калека, неудачник и импотент! Вот вы все у меня где!

Лара сжала кулачок. И напомнила, обращаясь к Сабурову:

– А ты, Сережа, вспомни, как погибла твоя жена. Девочку ты заставил замолчать, но меня...

– Замолчи! – во второй раз не выдержал Сабуров.

– Что вы имеете в виду? – с удивлением спросил Ангел огня.

– Ах да, среди нас есть непосвященные! – обрадовалась Лара. – Так что, Сережа, расскажем трогательную историю о чудесном выздоровлении Жанны? Почему она появилась в этом доме? Почему ты благотворительностью вдруг начал заниматься? До сорока лет обходился без этого, даже в церковь не заглядывал, милостыни ни разу не подал, а тут вдруг проняло! Увидел девочку в инвалидном кресле на переезде и проникся! В память о Сабине! Ха-ха!

– Ты, Игорь, знаешь, что Лара – женщина с фантазией, – пожал плечами Сабуров, обращаясь к Ангелу огня.

– Ну, разумеется, Сергей Васильевич, – согласился тот. –

Уж кому, как не мне, это знать!

– Знать вы можете что угодно, но делать будете так, как я скажу! – отчеканила Лара. – Я пойду на кухню, займусь ужином, детей надо накормить, а то эта мерзавка совсем разлилась! Ну – ничего! И на нее у меня найдется управа! Сжигая бумаги Сабины, я обнаружила интереснейшую запись. Хотела зачитать вслух, да повода не нашлось. Хорошо бы сделать это за праздничным столом, в торжественной обстановке. Но я подожду. Вас, господа, ждет еще много сюрпризов! А то вы питаете иллюзии по отношению друг к другу. Я – стерва, а вы белые и пушистые. Хотите такими остаться – играйте по моим правилам. А нет, так все в вас будут пальцем тыкать. И еще: чтобы этой мерзости я своем доме больше не видела! – Лара ткнула пальцем в деревянный ящик, добавив: – А то тоже полетит в огонь!

И скрылась в дверях кухни. В гостиной повисла напряженная пауза. Всем стало неловко.

– У меня день рождения скоро, – сказала Жанна, чтобы хоть как-то разрядить атмосферу. Сабуров невольно вздрогнул:

– Вот вам и повод!

– Будет скандал, Сергей Васильевич, – тихо произнес Игорь.

– Так что ж теперь, не праздновать? – вздохнул тот. Жанне вновь захотелось расплакаться. Заметив, какое несчастное у нее лицо, Сабуров поспешно добавил:

– Конечно, мы его отпразднуем! Только без детей. У Эли новогодняя елка в школе, соседский мальчик учится в том же классе. Думаю, они не откажутся ее захватить. На всякий случай с ними отправится Сережа. Если будет скандал, то к возвращению детей все утихнет. Не хочется, чтобы они стали свидетелями. В доме и так ненормальная обстановка с августа месяца. И вообще: пора это прекращать.

– Так мне приходиться или нет? – спросил Игорь.

– Да! – поспешно ответила Жанна.

– Ну, раз именинница приглашает, разумеется, приходи! – усмехнулся Сабуров. – Днем, часика в два.

Потом они пили чай. Лара в гостиной больше не появилась, детей покормила на кухне, затем те разошлись по своим комнатам, Лара ушла к себе, зато Жанна старалась изо всех сил. Почему-то ей хотелось, чтобы Игорь увидел ее в благоприятном свете. Она даже отправилась провожать его до машины, накинув на плечи теплую куртку.

– Ну, пока, – кивнул Ангел огня. – Рад, что мы познакомились.

– Я тоже, – тихо сказала она.

«Жигули» уехали. Жанна, немного прихрамывая, направилась к дому. Вышедший на крыльцо Сабуров заботливо спросил:

– Жанна, ты не перестаралась? Надеюсь, Олег Николаевич тебя вразумит. Он обещал, что уж на день рождения приедет

обязательно. Соскучилась?

– Да. Конечно! – кивнула она.

Сабуров вдруг погрузнел и с тихим вздохом сказал:

– Пойдем в дом, холодно. Не лето.

– Сергей Васильевич, а сколько Игорю лет? – спросила

Жанна, вновь очутившись в гостиной.

– Игорьку? Ну, года тридцать два – тридцать три.

Я не уточнял.

– Не может быть! – удивилась Жанна. – Я думала, лет двадцать пять! Он такой... такой... И он вас на «вы» называет!

А ведь вам...

– Мне сорок, – спокойно сказал Сабуров и, заметив, что Жанна всерьез огорчилась, рассмеялся: – Что, много? Ну, не переживай так! Это я должен переживать! А что касается Игорька... Единственный ребенок, избалованный мальчик из хорошей семьи. Зачем ему взрослеть?

– Лара намекала на то, что он и Сабина... Словом... – она густо покраснела.

– Ты поменьше слушай Лару!

– А бывает так, что всем кажется, будто мужчина и женщина любовники, а на самом деле ничего такого нет? – замирая, спросила она.

– Что ж. Все бывает.

– А почему Лара назвала его импотентом?

Сабуров вдруг рассмеялся:

– Лара – это Лара. Для нее всякий, кто ее отверг, импо-

тент. Она считает, будто одной ее красоты достаточно, чтобы мужчина загорелся страстью. И вовек не потухал. Считает, что если переспала с ним, то получила со всеми потрохами.

– А разве не так? – осторожно спросила Жанна.

– Видишь ли, девочка, это разговор серьезный, взрослый. А ты еще не выросла. Ты даже не ученица, а приготовишка. Тебе этого не понять. Одно запомни: делая ставку на свое тело, ты запросто можешь проиграть душу. Черт! Глупость сказал! На патетику потянуло! С чего бы?

– Мне понравилось.

– Да? Что ж... – Сабуров еле слышно вздохнул и добавил: – Мужчины вовсе не такие животные, какими женщины их считают. Конечно, они любят ласку, заботу, обожают, когда их хорошо кормят и не заставляют много работать. Но поддаться страсти настолько, чтобы потерять голову... Ну, не можешь ты быть с этим человеком, так есть и другие! Конечно, каждый считает себя каким-то особенным. Неповторимым. И потом очень удивляется, когда узнает, что, в сущности, у всех все одинаково. И кто-то может его заменить, а потом он, в свою очередь, заменит кого-то. Понятно?

– Нет, – честно сказала Жанна.

– Вот и хорошо. Подрасти сначала.

– Но ведь я уже взрослая! Мне скоро двадцать лет! А у меня еще никого не было!

– Ты со мной это хочешь обсудить? – удивился Сабуров.

– Но ведь вы...

– Я все-таки мужчина. Не забывай. – Жанна поймала его взгляд и спохватилась. Потом покраснела:

– Извините...

И кинулась прочь из гостиной...

Вскоре она позвонила Владу. Улучив момент, когда в доме не было Лары, набрала номер и после двух гудков услышала нежный женский голос:

– Добрый день. Строительная компания «Каменный цветок». Говорите, вас слушают.

Итак, это рабочий телефон! Дуреха! Он же дал свою визитку, там название фирмы, адрес, телефон, факс. Могла бы сообразить! Неужели он женат?!

– Мне Владислава Арнольдовича.

– Как вас представить?

– Жанна.

– Просто Жанна? – с откровенной насмешкой уточнила секретарша.

– Да.

– Не уверена, что он захочет с вами говорить. Ждите.

Он не захочет! Но почему?! Послышалась популярная мелодия, Жанна несколько минут слушала, не решаясь положить трубку, и тут вдруг раздался голос Влада:

– Да. Говорите.

– Это Жанна, – напомнила она.

– Я уже понял, – нетерпеливо сказал Влад и тут же: – Что-

нибудь случилось?

– У меня день рождения скоро.

– Поздравляю, – сухо сказал он. – Но, знаешь, у меня нет свободного времени. Совсем.

– Да нет, – Жанна испугалась, что он положит трубку. – Я не пригласить вас хотела. То есть мне было бы очень приятно... Но дело не в этом. Детей не будет дома. Они на елку уезжают. А все остальные соберутся в гостиной за столом. В доме есть черный ход. И лестница. Из гостиной она не просматривается и ведет сразу на третий этаж, минуя второй. Это было сделано для Сабины. Она дверь запирала на ключ, чтобы никто, кроме нее, черным ходом не пользовался. – Жанна говорила сбивчиво и все время боялась, что Влад повесит трубку. Но тот трубку не вешал и не перебивал. – Александра Антоновна знает про ключ. И мне рассказала. Я его раздобуду. Ключ будет лежать под ковриком у двери черного хода. Только потом положите его, пожалуйста, на место.

– А ты собираешься в это время развлекать гостей?

– Да, наверное.

– Кто придет? – деловито осведомился он.

– Как это кто? Сабуров, Лара, Олег Николаевич...

– Кто это, Олег Николаевич?

– Мой врач.

– А... – сообразил Влад. – Все?

– Нет, еще Игорь.

– Тот смазливый парнишка, который все время крутился

у Сабины под ногами? Помню.

– Еще Александра Антоновна, но она будет в кухне еду готовить.

– Хорошо, я понял, – сказал Влад. – Номер у меня есть, ты к телефону подходишь?

– Да! Конечно! Теперь стану!

– Если я тебе не перезвоню, значит, я приеду.

– А если перезвоните?

– Значит, я нашел другой способ.

– И все-таки что вам нужно? Может, я помогу?

– Нет, не стоит, – отрезал он. Потом смягчился: – Девушка Жанна, то, что вы для меня сделали, я не забуду никогда. Услуга за услугу.

– Спасибо!

– Все. Пока.

В трубке раздались гудки. И так, отныне у них с Владом общая тайна. Уже хорошо. А насчет благодарности... Пока ей достаточно просто слышать его голос. А там будет видно...

До ее дня рождения оставалось всего ничего. Во-первых, она ходила без усталости, пытаясь обходиться без костылей. Уж очень хотелось встретить двадцатилетие здоровым человеком, чтобы никто больше не вспоминал об инвалидном кресле, в котором она прибыла в этот дом. Во-вторых, она мечтала взобраться на третий этаж. Там находился рабочий ка-

бинет Сабины.

Увы! Дверь оказалась заперта! У Александры Антоновны ключа не было. Лара сама там убиралась. И в студию тоже никого не пускала. Последнее время она надолго там запиралась, и из-за двери частенько слышались мелодии любимых песен покойной Сабины. Похоже, Лара слушала и пыталась ей подражать. Не оставалось сомнений, что планы у нее серьезные.

«Неужели у Лары получится? – злилась Жанна. – Собака! Хочет все забрать себе!» Почему-то Жанна была уверена, что тоже сумеет, как Лара. Запросто! Быть может, у нее, у Жанны, есть голос? Или талант сочинять музыку? Ну, хотя бы стихи. Как бы это проверить? Обратиться к Сабурову или к Игорю! Нет, к первому нельзя, неудобно, а ко второму... Жанна задумалась.

«Я хочу стать знаменитой. Такой же, как Сабина», – мечтала она тайком. Но на пути стояла Лара. Та никого и близко не подпустит к наследству Сабины и к ее мужу. Фраза «чтоб до Нового года ты убралась отсюда, побирушка!» уже прозвучала. Жанна понимала: в ее день рождения разразится скандал, и неизвестно, чем все закончится. Выгонят ее из дома, куда она пойдет? К маме, на переезд? Да, здоровая, на своих ногах, но, оказывается, этого мало!

А Сабуров меж тем тайно страдал. Жанна это чувствовала. Но он не мог ничего поделать. Лара держала его за горло. Все чего-то ждали. Назревал конфликт. Только малень-

кая Эля была счастлива, как и все дети, она обожала Новый год! Елки, подарки, веселье! Эля порхала по дому, подбивая взрослых начать его украшать. Ведь близится праздник! А где же елка? Сабуров обещал, что займется этим после дня рождения Жанны.

Время пролетело незаметно. Накануне ее двадцатилетия Александра Антоновна принесла в комнату Жанны платье. Сказала, что Сабина надевала его пару раз. Платье и в самом деле пахло знакомыми духами. Должно быть, Сабине оно было чуть ли не до пола, у Жанны же оставались открытыми ступни и щиколотки. Алый цвет будоражил воображение. Но в этом платье Жанна чувствовала себя неловко. Сабина, видимо, была чуть полнее и пошире в бедрах и груди. С помощью Александры Антоновны платье удалось ушить и подогнать по фигуре. Но все равно сидело оно плохо. Однако выбора у Жанны не было. И потом: она хотела надеть именно это платье. Красное.

Вечером, когда все улеглись, Жанна занялась своей прической. Александра Антоновна помогла покрасить волосы, но, когда Жанна обмотала голову полотенцем, зевнула и сказала, что пора наконец спать. Краску пришлось смывать самой, на кухне, чтобы сохранить тайну. Наконец в начале первого с волосами было покончено. Жанна расчесалась и осталась довольна.

Она надела красное платье и босиком прокралась в гостиную, где висел портрет Сабины. Света не зажигала, до-

вольствуясь тем, что проникал из кухни через открытую дверь. Лицо на портрете разглядеть оказалось трудно, между тем Жанне хотелось убедиться в их сходстве. Приближаясь к портрету, она зацепилась за напольную вазу. Та едва не упала, хорошо, что удалось ее подхватить. Звук был негромкий, но Жанна испугалась.

Послышался скрип двери. Кажется, в одной из комнат на втором этаже. И тут... Раздавшийся вопль был настолько жутким, что Жанна сама чуть не заорала от страха. Женщина кричала на одной ноте, почти что визжала: «А-а-а!!!» А под конец захлебнулась рыданиями. Жанна кинулась обратно в кухню, по пути погасила там свет, а у себя в комнате сдернула платье и нырнула под одеяло. Ей стало жутко. Как же она кричала! Та женщина! Голос был просто неузнаваемым!

В комнату заглянула Александра Антоновна:

– Жанночка, ты не спишь? Разбудили?

– Нет. Что там случилось?

– Со стервой-то истерика приключилась. Говорит, что Сабина за ней пришла.

– Откуда? – не поняла Жанна.

– С того света, – поспешно перекрестилась Александра Антоновна. – Покойница-то, значит, в обиде. То-то когда гроб в гостиной стоял, так свечка у изголовья возьми да и упади. Материя вспыхнула, да Ларисе Михайловне руку-то и обожгло. Быстро огонь потушили, только знак это нехоро-

ший. Недобрый знак. Намек. Мол, я тебя за собой позвала. А стерва-то по сей день жива. Четыре месяца прошло. Да уж поболе. Вот Сабина за ней и вернулась. Что ж ты, мол, не поспешишь? Значит, вина лежит на ней, на стерве.

– Какая вина? – испугалась Жанна.

– Какая-какая. За смерть.

– Но ее же там не было! В машине!

– Не было, – согласилась Александра Антоновна. – В санаторий они поехали. Куда-то в Подмосковье. С компанией, на неделю. Только Сабине посреди отдыха ударила в голову очередная блажь, и она заставила Сергея Васильевича везти ее обратно в Москву. Лариса Михайловна в доме отдыха осталась. А по дороге Сабина-то и выпала из машины. Как ее греху быть? Но я-то знаю...

– Александра Антоновна! – раздался вдруг в гостиной громкий голос Сабурова. – Где у нас лекарства? Все равно ведь не спите! А я найти не могу! И успокойте Элю!

– Иду, иду! – тут же откликнулась домработница. – А ты, Жанночка, не выходи. Сейчас не надо стерве на глаза показываться. Припадок у нее. Точь-в-точь как у покойницы Сабиночки! Царствие ей небесное! Вот ведь как бывает!

Александра Антоновна опять перекрестилась и выскочила из комнаты. Едва дверь закрылась, Жанна вскочила и босиком прокралась на кухню. Не показываясь в гостиной, слушала, что там происходит. Александра Антоновна поднялась наверх к Эле, которая проснулась и заплакала, Лара же спу-

стилась вниз, Жанне был слышен ее пронзительный крик и негромкие реплики Сабурова, который пытался Лару успокоить.

– Она стояла здесь! Что я, с ума сошла?! Я видела! Видела!!!

– Ну посмотри, никого тут нет.

– В алом платье! Ее волосы, ее фигура! О-о-о!

– Лара, у тебя истерика. Выпей успокоительного и ложись.

Привидений не бывает.

– А духи?! Ты что, не чувствуешь?!

– Что я должен чувствовать?! – Сабуров тоже повысил голос и начал злиться.

– Ее духи!! Этот мерзкий запах! Запах тлена! О-о-о!

Она пришла!

– Ну, хватит, Лара! Детей разбудила! Элю напугала! Успокойся уже!

– Сережа, мне страшно! Я не хочу умирать! Я еще молода!

Слышишь? Молода!

Лара заговорила тише. Совсем тихо, Жанна почти перестала разбирать слова.

– Я понимаю... Если кто-то должен за ней уйти... Это я...

Виновата...

И потом снова истеричный вопль:

– Я не хочу умирать! А-а-а!!!

– Лара! Прекрати!

И звук пощечины. Потом всхлип – и тишина. Жанна тор-

жествовала. Невольно ей удалось напугать Лару до полусмерти. Какая удача! Выходить из комнаты и признаваться, что это она стояла посреди гостиной рядом с портретом, Жанна не собиралась. Часы давно уже пробили полночь. Начался день ее рождения. Первый подарок есть! Очень довольная собой, Жанна крепко уснула...

...Спала она долго. В огромном доме было тихо, сегодня никто не спешил подниматься с постели. Взбудораженные ночным происшествием обитатели уснули поздно и теперь отсыпались. Эле не надо было на занятия, только на елку, Сережа-младший просто прогулял. Ему ведь ехать с сестренкой, конец четверти, оценки все выставлены, троек нет, можно и не ездить в школу.

Первой пришедшей к Жанне с поздравлениями оказалась Александра Антоновна. Она отдернула занавеску, и в окно хлынул поток солнечного света. День выдался морозным, оттепель закончилась, теперь оставалось ждать снега.

– С рождением тебя, дитяtko, – пропела Александра Антоновна. – На-ко!

И она надела Жанне на шею образок Божьей Матери на серебряной цепочке. Перекрестила:

– Храни тебя Господь!

– Спасибо! – Жанна обняла Александру Антоновну, прижала ее к себе. Как же хорошо-то! Отличный день! Замечательный!

Она встала, причесала волосы, потом натянула джинсы

и теплый свитер. Хотелось на улицу, туда, где бриллиантовая россыпь инея легла на ветки деревьев, а солнечный свет играл ею, словно драгоценными камнями в витрине ювелирного магазина, заманивая прохожих. В гостиной никого не было, из кухни, где суежилась Александра Антоновна, пахло свежеиспеченными пирожками. Жанна с аппетитом позавтракала, натянула на голову вязаную шапочку, подхватила с вешалки теплую куртку и вышла на улицу. Хорошо! Все сегодня хорошо!

Она вдыхала морозный воздух и улыбалась. Вскоре на крыльце появился Сабуров. Стоял, смотрел, как она идет по дорожке к дому, веселая, счастливая.

– Доброе утро! – поздоровалась Жанна.

– Приятно видеть тебя в таком настроении. Уже на своих ногах?

– Да, – еще шире улыбнулась она.

– Довольна? Счастлива?

– Очень.

– Так в чем смысл жизни? – неожиданно спросил он.

Она немного растерялась. Заветное желание сбылось. Но это не конец, а только начало! Вот она здорова, счастлива, ходит, ей теперь доступно все то, что и другим, здоровым людям. Но этого счастья ей мало! Вот в чем дело! Мало!

– Не знаю, – честно ответила Жанна.

– Вот видишь? – усмехнулся Сабуров. – Теперь и ты не знаешь!

Она заметила в руках у него сверток. Что-то завернутое в блестящую бумагу синего цвета. Сабуров замялся, но потом решительно стал разворачивать обертку со словами:

– Поздравляю тебя с днем рождения. Надо бы сделать это за праздничным столом, сказать тост, но Сабина этого терпеть не могла, и я, знаешь, отвык.

– А как она отмечала свой день рождения?

– Да никак не отмечала, – отмахнулся Сабуров. – Запиралась с утра в кабинете и ждала, когда наступит вечер. Вечером спускалась как ни в чем не бывало. Будто это самый обычный день. На звонки отвечал я, она к телефону не подходила. И каждый раз, ложась в постель, говорила: «Знаешь, у меня такое чувство, что этот день рождения для меня последний». Вот и накаркала. На, возьми, – опомнился он и протянул Жанне подарок.

– Что это? – спросила она, взяв коробку.

– Проигрыватель компакт-дисков. То бишь CD-плеер. Носится на поясе, а это наушники. Я у сына поинтересовался: что подарить молодой девушке? Ты ж всего на шесть лет его старше! Мне, сорокалетнему, приходит на ум всякая чепуха. Ну что? Нравится?

Жанне вдруг стало обидно. Значит, она ребенок! И ей надо дарить игрушки! Еще бы куклу подарил! И в самом деле, почему Сабуров не проконсультировался у Эли насчет подарка? Она бы хотела получить чепуху, но от него. Узнать, как он на самом деле к ней относится. Жанна улыбнулась

через силу:

– Да. Большое спасибо.

Сабуров догадался, что презент пришелся не ко двору, и виновато сказал:

– Ты извини. Я не умею делать подарки. Надо было спросить, чего тебе хочется. Извини, – повторил он, развернулся и ушел.

Она еще немного постояла на крыльце, переживая обиду. Подарил бы ей Сабуров серьги или браслет. Или вечернее платье, которое она могла надеть, чтобы куда-нибудь с ним пойти. А то плеер! Вещь, которая их скорее разъединяет, чем соединяет, ведь слух ее постоянно будет занят звуками музыки! А хотелось бы слышать, что он говорит. Когда Жанна вернулась в дом, она наткнулась на Лару. Прямо в холле. И к большому своему удивлению, заметила в ее руках сверток. Та улыбнулась так сладко, что Жанне сразу же стало не по себе:

– С днем рождения, милочка. А это на память. Подарок со значением, учти.

Очувившись в своей комнате, Жанна развернула сверток. Там оказалась белая праздничная скатерть. «Скатертью дорога», – догадалась она. Утешил Жанну нездоровый вид белокурой злодейки. Под глазами синие круги, углы рта скорбно опущены. Даже тональный крем, обильно нанесенный на лицо, не скрыл следов бурных рыданий. «Мы еще посмотрим, кто кого!» – мстительно подумала Жанна.

...После того как дети пообедали, Сабуров проводил их до соседнего коттеджа, посадил в машину. Соседка, приветливая женщина лет сорока, одетая неброско, но со вкусом, улыбнулась:

– Ну, нас сегодня много! Скучать не придется!

Кроме Сережи и Эли, в машине сидели еще двое детей.

– Придется после елки возить их в «Макдоналдс», – добавила женщина. – А рядом, на Пушкинской площади, выставка ледовых скульптур. Очень интересно!

– В «Макдоналдс», в «Макдоналдс»! – захлопала в ладоши Эля. Она обожала праздники и обеды вне дома.

Как только дети уехали, появился Олег Николаевич. Жанна так обрадовалась ему, что забыла о подарке Сабурова и своей досаде. Первым делом Олег Николаевич занялся ее осмотром. Остался очень доволен и, улыбаясь, сказал:

– Поздравляю. Любовь делает с человеком настоящие чудеса, а?

Жанна слегка зарумянилась, но промолчала. Пусть думает что хочет. Олегу Николаевичу позволено все. Он не только ее спаситель, но и самый надежный друг. И очень хороший человек.

Меж тем очень хороший человек протянул Жанне сверток:

– Я долго думал, что же тебе подарить? Книгу, конечно! Дорогих подарков от мужчин у тебя в жизни будет достаточно. Ты сегодня так хороша, что я в этом не сомневаюсь. Толь-

ко волосы зря покрасила, – посетовал он. – И хорошо бы, чтобы мужчина, который будет дарить тебе дорогие подарки, оказался в твоей жизни один. Не разменивайся по мелочам и не спеши кидаться в омут с головой. Я мог бы дать тебе еще много советов, но вместо этого дарю книгу. И еще вот это. Держи.

Олег Николаевич достал из чемоданчика большую нарядную коробку шоколадных конфет. Итак, конфеты и книга. Должно быть, для взрослых, о том, что ей так хотелось узнать! Об отношениях мужчин и женщин, о способе зарабатывать большие деньги, прославиться. Он же такой умный, Олег Николаевич! Он поможет! Жанна поспешно развернула сверток. И обида вновь закипела у нее в душе: и этот туда же! «Г.-Х. Андерсен. Сказки»! Она не ребенок! Ну, сколько можно?

– Я не ребенок! – закричала она.

Олег Николаевич покачал головой:

– А по-моему, ты слишком спешишь. Едва на ноги встала, а уже рвешься во взрослую жизнь. Я рад одному: что это Сабуров, а не кто-нибудь другой. Сергей Васильевич – замечательный человек. Держись за него.

– Да сколько можно меня учить?! Ну сколько?! Что вы все ко мне привязались со своими советами! Со своими игрушками! Я взрослая! Взрослая! Понятно?!

– Жанна, – растерялся Олег Николаевич. – Жанна, что ты? И тут в дверь ее комнаты осторожно постучали.

– У вас все в порядке? – раздался голос Сабурова.

– Да! – крикнула она и поспешно вытерла слезы. Не хватало еще, чтобы увидел ее заплаканной!

Ну, ничего, она им всем еще покажет! Какой она ребенок! Сегодня же и покажет!

...Стол решили накрыть на кухне. В огромной гостиной с высоченным потолком Жанна чувствовала себя неуютно, да и все остальные тоже. Там был портрет Сабины с траурными бантами по углам, и обстановка слишком уж торжественная и чопорная. А кухня в доме была большая, уютная. Да и посуда под рукой, еда на плите, холодильник тут же, не надо бегать с тарелками туда-сюда. Жанна еще не настолько окрепла, а Александре Антоновне и так доставалось. Узнав о том, что праздновать день рождения Жанны будут на кухне, Лара насмешливо сказала:

– Побирушка, она и есть побирушка!

Естественно, сама Лара участия в готовке не принимала и тем, что происходит на кухне, не интересовалась. У Жанны же были свои, тайные мысли. Ведь из гостиной прекрасно просматривались все ярусы. И второй, и третий. Если бы кто-то появился на одном из этажей, его бы заметили. Лестница же черного хода вела прямо на третий этаж, минуя второй, но оставалось пространство перед кабинетом Сабины, хорошо просматриваемое из гостиной. Жанна не хотела, чтобы Владу помешали.

Ради этого она могла стерпеть все, даже насмешки Лары.

Да и кухня в этом доме была простым смертным на зависть. Мебель итальянская, под дуб, бытовая техника встроенная, потолок навесной.

Они все будут сидеть на кухне, пить шампанское, а Влад в это время спокойно просмотрит бумаги Сабины и возьмет то, что нужно. Раз он не позвонил, значит, придет. И если Сабина так его любила, то наверняка дала ключ от своего рабочего кабинета. Влад проникнет туда беспрепятственно, в то время как Жанна будет отвлекать гостей.

Кстати, о гостях: последним приехал Игорь. Они столкнулись в гостиной, и Жанна вновь почувствовала волнение. Игорь был одет в светлые джинсы и дорогой тонкий свитер с геометрическим рисунком, голубой, под цвет глаз. Жанна никак не могла поверить, что ему за тридцать! Ну никак! Такое юное, свежее лицо, брови словно угольком нарисованы, и эта родинка, похожая на ягоду черники, которую так и хочется попробовать на вкус.

– С днем рождения! – улыбнулся Ангел огня и галантно приложился к ее ручке.

Потом протянул Жанне небольшой пакет из твердого картона, разукрашенного розами. От пакета шел тонкий запах. Аромат дорогой парфюмерии. Слезы у нее на глазах сразу же высохли. Наконец-то! Настоящий женский подарок! Ну, хоть кто-то относится к ней всерьез! Она вынула из пакета небольшую коробочку, из нее флакончик духов и невольно вздрогнула. Ну, конечно! Те самые духи!

– «Angel fair», – улыбнулся Игорь и тут же перевел: – Ангел огня.

Так это Игорь дарил Сабине духи! Он что, всем женщинам дарит одинаковые подарки? Или это со значением?

– Мне надо переодеться, – поспешно сказала она. – Скоро за стол.

Волосы она час назад накрутила на бигуди и спрятала под ярким платком. Кроме Александры Антоновны и Олега Николаевича, никто еще не знал, что она изменила прическу. Приятный сюрприз Жанне хотелось оставить до торжественного момента.

И вот он настал. Гости собрались у праздничного стола, даже Лара спустилась вниз и пришла на кухню. Видимо, у нее были виды на это застолье. Ждали Жанну, и вот она вышла из своей комнаты и остановилась посреди кухни. В алом платье Сабины, с волосами, перекрашенными в темно-русый цвет и уложенными в прическу, подобную той, что у певицы на портрете. Игорь тихо присвистнул, Сабуров побледнел, а Лара просто задохнулась:

– Ты... ты... Так это была ты?!

– Не слишком-то похожа, – заметил Игорь, который сразу сообразил, чего добивалась Жанна.

– Да, Жанна, тебе не идет, – прокашлявшись, сказал Сабуров. – Не понимаю, зачем? У тебя такие красивые волосы! Мягкие, светлые.

И тут в себя пришла Лара. Она завизжала:

– Ты это нарочно!! Нарочно! Хотела меня напугать! Дрянь! Ты завтра же отсюда уберешься! Сегодня! Вон!

– Сама отсюда катись, – не сдержалась и Жанна. – Это мои гости и мой день рождения! А дом – Сабурова! Вот. Не твой. «И Сабуров тоже не твой», – хотелось добавить ей.

– Лара! Жанна! Да перестаньте обе! – прикрикнул тот. – Хватит. Я уверен, что вчерашний инцидент – просто случайность. Жанна еще ребенок, а тебе, Лара, надо бы нервы сначала подлечить.

– Вот в свадебном путешествии и подлечу, – огрызнулась она. Игорь хмыкнул, а Олег Николаевич, который был не в курсе, удивленно поднял брови.

– Садитесь за стол, – спохватился Сабуров. – Александра Антоновна, и вы присаживайтесь. Жанна, ну что же ты стоишь? Рассаживай гостей, чувствуешь себя хозяйкой.

Лара при этих словах позеленела, но за стол села с таким видом, будто хотела сказать: «Я вам всем еще покажу, кто здесь хозяйка!»

Шампанское открывал Сабуров, причем сделал это крайне неловко. Пробка ударилась в потолок и отскочила, угодив прямоком в фарфоровую чашку, пена залила скатерть.

– Да что ж сегодня за день, – пробормотал Сабуров себе под нос и стал разливать шампанское в бокалы.

Олег Николаевич тут же закрыл свой рукой:

– Чуть-чуть, я за рулем.

Жанна потребовала, чтобы ей налили полный бокал.

До сегодняшнего дня она не пробовала шампанское и вообще спиртное. Как ни уговаривала мать, мол, выпей, легче станет, упорно отказывалась. Но сегодняшний день для нее особенный. Она хотела, чтобы с этого дня жизнь ее резко изменилась.

Шампанское обожгло. А после трех глотков голова у нее закружилась. Захотелось смеяться, говорить глупости, обнять весь мир сразу, такими длинными казались руки. Но гости счастливыми не казались. Лара словно выжидала чего-то, насторожив свои маленькие ушки, Игорь и Олег Николаевич таинственно переглядывались.

Тему для разговора долго не могли найти. Сабуров неловко попробовал сделать Жанне комплимент:

– Ну вот, ты уже совсем взрослая.

Жанна рассмеялась:

– Да? Взрослая? И как я вам?

– Вполне, – улыбнулся Игорь. – Очаровательная девушка, я бы даже сказал, пикантная. Хотя стиль Сабины – не твой стиль, но ты найдешь свой. Говорят, у меня хороший вкус, я тебе помогу.

– Он поможет, – съязвила Лара, которая, похоже, слегка захмелела. Она допивала уже второй бокал. – Игорь у нас мастер. Только не в том деле, в котором нужно. Но для тебя сойдет, деточка.

– Я выросла! – обиженно сказала Жанна. – А некоторые мне детские книжки дарят! Сказки.

– Сказки? – переспросил Игорь. – А что? Сказки – это мило. Вот я могу одну рассказать. А то сидим, скучаем. Язвим. Пора бы развлечься. Есть очень поучительная сказка. Жили-были два мальчика. Один бедный, другой богатый. У богатого мальчика был папа-профессор... Хотя о чем я? Это же сказка! Король, конечно. А у бедного мальчика папы не было вовсе. Но у короля имелся загородный дом. Огромный такой особняк, в два этажа. «Почему всего два?» – спросите вы. А король, в общем-то, был не гордый. Он даже разрешал бедному мальчику приходить к ним, поиграть с наследным принцем. Чтобы королевский ребенок был ближе к народу. За бедным мальчиком утром приходила домработница короля и вечером отводила его обратно в старую избу. Но только не думайте, что бедный мальчик завидовал. Это богатый завидовал бедному. «Почему?» – спросите вы. А потому. Тот был талантлив и целеустремлен, он умел добиваться цели, и даже тогда, в детстве, все понимали, что богатый мальчик так и останется бедным богатым мальчиком, а тот, другой, станет настоящим человеком. Но не думайте только, что мальчики из-за этого поссорились. Отнюдь. Они очень весело и мило играли. «Во что?» – спросите вы. Да как все нормальные дети. В школу, в магазин, в больницу. Бедный мальчик лечил игрушки богатого. Зайцев с оторванными ушами, поломанных кукол. Он еще не знал, что настанет время, и сломается самая любимая и дорогая игрушка бедного богатого мальчика. Это случится, когда оба они уже

станут взрослыми. Когда их разлучат и попытаются вылить на их дружбу ту грязь...

– Это плохая сказка, Игорь, – оборвал его Олег Николаевич.

– Да почему же?

– Потому что она ничему не учит.

– Как это ничему? Я просто не дошел еще до злой феи.

– И не надо, пожалуй, – вздохнул Сабуров.

Игорь пожал плечами: «Ну, как хотите». И потянулся к бутылке шампанского. Пока он откручивал проволоку и снимал фольгу, Сабуров рассеянно спросил:

– А где же Александра Антоновна?

– Вышла куда-то, – обронила Лара, которая слушала Игоря очень внимательно.

– Горячее подавать надо, – сказал Сабуров. – Я пойду поищу ее?

– Сидите-сидите, – встал из-за стола Олег Николаевич. – Я выйду покурить. И посмотрю, может, Александра Антоновна вышла на улицу?

– Вы разве курите? – удивилась Жанна. Она ни разу не видела Олега Николаевича с сигаретой. И табаком от него не пахло, как от заядлых курильщиков.

– В исключительных случаях – да. Можно себе позволить. Нервы.

Значит, он хочет выйти! А как же Влад? Жанна хотела вскочить из-за стола и задержать Олега Николаевича, но но-

ги ее подогнулись, голова закружилась. И в этот момент она поймала взгляд Лары. В нем мелькнул... откровенный испуг. Едва вышел Олег Николаевич, как Лара начала покусывать губы. Игорь справился с бутылкой шампанского гораздо ловчее, чем Сабуров. Наполнил свой бокал и, подняв его, сказал:

– Значит, сказку слушать не хотите? Тогда выпьем еще! Как, Сергей Васильевич?

– Нет-нет, – запротестовал Сабуров. – Мне не надо, да и девочке хватит.

– Я не девочка! – закричала Жанна. – Слышите вы? Я вам всем это докажу!

– Пить сначала научись, – брезгливо заметила Лара. – Я тоже не буду. Похоже, доктор Айболит заблудился, разыскивая Александру Антоновну. А мне она нужна. Именно сейчас! Я приготовила бенефис, а главный зритель отсутствует. Пойду помогу доктору.

И Лара вышла в гостиную. «Ну, вот и все, – подумала Жанна. – Лара непременно наткнется на Влада, если он в доме. Надо ее остановить. Или хотя бы задержать. Нужно встать из-за стола».

– Извините, – она поднялась, посмотрела жалобно на Игоря и на Сабурова. – Мне нехорошо.

– Тошнит? – участливо спросил Игорь. – Да ты шампанское пила когда-нибудь?

– Нет, не пила! И что?

– Все понятно. Ну, тогда иди в ванную. Помочь?

– Не надо, – испугалась Жанна.

– На это есть доктор, так? Помощь оказывать. А где у нас доктор?

Игорь тоже встал из-за стола.

– Я сама! – выкрикнула Жанна. – Вы слышите? Я все умею делать сама!

Она вышла в гостиную, остановилась перед портретом Сабины и подняла голову. Лара чуть ли не бежала вверх по лестнице. Минута – и ее белокурая головка мелькнула уже на площадке второго этажа. Жанна огляделась. Справа и слева наверх вели две лестницы. «А вдруг Влада там нет?» – мелькнула у нее мысль.

Она плохо соображала, что делает. Поняла только, что Лару ей не догнать. Не кричать же вслед: «Стой! Стой!» Лара может задержаться на втором этаже и не подниматься на третий. Надо предупредить Влада. Жанна метнулась в холл, накинула куртку и выскочила на улицу. Обогнув дом, поднялась на крыльцо к двери черного хода. Нагнулась, пошарила рукой под половичком. Ключа там не было. А сама дверь оказалась открытой.

«Значит, он здесь! – невольно вздрогнула Жанна. – Тогда надо спешить!» И она стала подниматься наверх с такой скоростью, на какую была способна. На втором этаже ей почудилось, что за стеной раздался какой-то шум. Кажется, кричат. Отчаянно ругаются. Но дверь с черного хода была толь-

ко там, на третьем. А на втором окне, вместо стекла мутный витраж. Прижалась к нему лицом – ничего не видно. Надо добраться до двери. Жанна дошла до нее с трудом и поняла, что кричит Лара. Она на третьем этаже! Что ж теперь будет?!

Дальнейшее Жанна помнила смутно. Кровь стучала в висках, ноги болели и подгибались. Дверь на третьем этаже оказалась приоткрытой. Жанна шагнула. Вот он, кабинет Сабины!..

...Очнувшись, она поняла, что стоит, нагнувшись над ажурными перилами, доходящими ей до пояса, рукой держится за витой столбик. И смотрит вниз. А там, внизу, посреди гостиной возле портрета Сабины без движения лежит Лара.

– Собака, собака! – торжествующе крикнула Жанна, не отдавая себе отчета в том, что делает и что говорит. – Наконец-то ты сдохла!

– Тихо, – обнял ее кто-то за плечи. – Не надо кричать.

Она обернулась и увидела Сабурова.

– Как вы здесь оказались? – удивленно спросила она. И спохватилась: ах да! Уместнее прозвучал бы вопрос: а как здесь оказалась ты? Сабуров поднимался из гостиной. По правой лестнице. А слева к ним шел Игорь.

– Что случилось? – спросил тот, впрочем, без особого удивления.

Жанна так и не поняла, кто из них поднялся сюда, на третий этаж, раньше: Игорь или Сабуров? Кто был первым?

– Ох ты, батюшки мои! – раздался вдруг голос Александры Антоновны. Она стояла у лестницы, ведущей на чердак, узкой, с неудобными ступеньками. Жанна с трудом могла представить, как женщина в возрасте карабкается по этой лестнице на чердак. Да и зачем?

– Вы здесь? – удивился Сабуров.

– Почудилось, будто наверху кто-то есть, и я решила глянуть. Должно быть, кошка на чердаке, – неловко стала оправдываться Александра Антоновна.

А со второго этажа к ним поднимался Олег Николаевич.

Он же сказал, что пойдет на улицу курить? Дышать свежим воздухом... А Жанне показалось, что Олег Николаевич был в одной из комнат. Лицо у него бледное, синие глаза казались еще больше и ярче. Олег Николаевич молча подошел и тоже посмотрел вниз. Там на дорогом ковре недвижимо лежала Лара. Впятером они стояли, нагнувшись над перилами, и ни один не трогался с места. Это было похоже на молчаливый сговор.

– Вот что бывает, когда... – начал Олег Николаевич, но, покосившись на Игоря, вдруг осекся. Тот сделал ему какой-то знак.

– Может, она еще жива? – неуверенно спросил Сабуров.

– Да-да, – опомнился Олег Николаевич. – Надо проверить.

И первым кинулся вниз. Остальные двинулись следом. Ноги у Жанны дрожали так, что Сабурову пришлось ее поддерживать. Что же теперь будет? И всех мучил один и тот же

вопрос: а вдруг Лара еще жива? Жанна не сомневалась, что среди пятерых нет ни одного человека, который не желал бы страстно ее смерти. Разве что Олег Николаевич? Но тогда почему он так бледен и взволнован?

Доктор, опустившись на колени возле Лары, пытался определить, бьется ли пульс, держа на ее запястье длинные нервные пальцы. Жанна заметила, что они слегка подрагивают. И тут ей показалось, что Лара еле заметно дышит. Игорь тоже заметил это и даже застонал от отчаяния. Олег Николаевич тронул набухшие мешки под глазами Лары, поднял одним пальцем ее левое веко, заглянул в зрачок:

– Похоже на кровоизлияние в мозг. Либо обширная внутренняя гематома, либо перелом основания черепа. Не говоря уже об остальном. Предполагаю, у нее множественные переломы. Срочно надо госпитализировать, сделать снимок.

– Так она жива? – хрипло спросил Сабуров.

– Жива, но долго не протянет. Сутки-двое. Она без сознания. Надо подключать ее к аппаратуре. Как хирург с большой практикой скажу: практически нет шансов.

Жанне почудилось, что все с облегчением вздохнули.

– Доедет ли? – покачал головой Олег Николаевич и решительно сказал Сабурову: – Звоните.

– Куда?

– В «Скорую», конечно! Пусть пришлют машину реанимации. Ее надо в Склифосовского. Или в Первую городскую. Куда ближе-то? Голова идет кругом! Но только не в район-

ку. Где она прописана? В Москве? Туда и везите! Скажите: несчастный случай, падение с лестницы. И еще в таких случаях полагается вызывать полицию. Звоните и по ноль два.

– Но она же еще жива! – в отчаянии сказал Сабуров, потом нагнулся и позвал: – Лара, Лара...

– Это же почти труп, – тронул его за рукав Олег Николаевич. – Не стоит. Она все равно не слышит.

Теперь Жанна была уверена: Лара и ему успела насолить. Сабуров направился к телефону, остальные не отрываясь смотрели на Лару. Словно боялись, что она вдруг очнется и откроет глаза. Только Жанна подняла голову и увидела, как на третьем этаже, выйдя из кабинета Сабины, проскользнул на лестницу черного хода Влад.

Третий этаж: дверь приоткрывается

Сделав необходимые звонки, Сабуров тут же связался по телефону с соседкой, которая повезла детей на елку. Попросил ее по возвращении в поселок приютить ненадолго Сережу и Элю. Пока все не утрясется и народ не разъедется. Узнав, что произошел несчастный случай с Ларой, та долго выражала сочувствие. Так долго, что Сабуров уже начал терять терпение.

Позвонив на мобильник Сереже-младшему, отец предупредил его насчет сестренки:

– Присмотри и не пускай в дом, пока я не дам команду.

Сын уже взрослый, ему он мог доверять.

«Скорая» приехала быстрее, чем полиция. С соблюдением всех мер предосторожности Лару переложили на носилки, чтобы отвезти в больницу, но врачи понимали: шансов, что она выживет, практически нет. Здоровое, сильное сердце еще билось, но повреждения головного мозга оказались слишком обширны. Лара находилась в состоянии комы, и ее требовалось срочно подключить к аппаратуре. Этим занялись медики.

– Как это случилось? – спросил врач-реаниматолог. – Я должен сообщить в полицию, если вы этого еще не сделали.

Заговорил Сабуров:

– Да-да, я уже позвонил. А вот и они.

На участке появилась наконец и полицейская машина. Теперь вокруг было так много людей, что у Жанны в глазах зарябило! Она заторопилась в дом. Приехавшие по вызову оперативники и следователь расположились в гостиной и первым делом осмотрели место происшествия, потом начали снимать показания. Сабуров объяснялся с полицией, остальные свидетели происшествия расположились тут же в креслах. Жанна стояла, напряженно прислушиваясь. Говорил Сабуров:

– Произошел несчастный случай. Мы сидели на кухне за праздничным столом, а Лара пошла наверх. Она выпила два бокала шампанского. Возле кабинета моей покойной жены очень низкие перила. После бессонной ночи и успокоительного, которое она приняла...

– Успокоительного? – переспросил врач-реаниматолог, появившийся в гостиной. – Она принимала успокоительное? Что именно? Как долго?

И тут запричитала Александра Антоновна:

– У Ларисы Михайловны голова сильно кружилась. Ох, как сильно! Она последнее время жаловалась, что чуть глянет вниз с верхотуры-то, все перед глазами так и плывет, и плывет... И так ей нехорошо было, так нехорошо! А наш дом сами видите какой.

– Да вижу, – один из оперативников поднял голову, посмотрел на потолок. – Станный дом.

Жанна впервые слышала о том, что у Лары кружилась голова. Чтобы Лара боялась высоты? Ха! Олег Николаевич понимает, что это чушь, и Игорь. И Сабуров. Но Александру Антоновну никто поправлять не стал. Сабуров пояснил:

– У нее ночью была истерика. Почудилось привидение в гостиной. Лара так кричала, что подняла на ноги весь дом. Пришлось дать ей успокоительное.

– Что именно? – уточнил следователь.

– Моя покойная жена постоянно пила таблетки. После нее остались лекарства. Вот я и дал Ларе. Если хотите, я...

Олег Николаевич заметил:

– Это антидепрессанты. Я думаю, что в сочетании с алкоголем они могли дать подобный эффект. На лестнице ей стало плохо, и, учитывая, что у Ларисы Михайловны случались головокружения...

– Вы врач? – настороженно спросил следователь.

– Да. Василевский Олег Николаевич. Кандидат медицинских наук. Может быть, вы слышали...

– Постойте-постойте. Так вы Василевский? Тот самый? – спросил врач-реаниматолог.

Олегу Николаевичу сразу стало неловко, а врач «Скорой» возбужденно заговорил:

– Ну, конечно, я слышал! Вы, можно сказать, медицинский бог! Говорят, докторскую пишете, все ожидают, что она произведет переворот в медицине!

– Ну, не стоит...

– Вы не волнуйтесь. Все будет в лучшем виде. Отдельная палата, отличный уход. Я вижу, вы люди со средствами. Организуем. Вы родственник пострадавшей?

– Я друг семьи, – не очень уверенно ответил Олег Николаевич.

– А вы? – врач глянул на Сабурова.

– Э-э-э... Она здесь жила, но я не родственник. Но что касается денег... Все будет оплачено.

– Я мог бы отвезти ее в свою клинику, если бы был уверен, что... – Олег Николаевич тщательно подбирал слова. – Словом, если появится хоть малейший шанс...

– Я понял, – тут же ответил врач.

– Вам бы лучше поспешить, – напомнил следователь. – Пострадавшую можно увозить.

– Да был бы толк, – отмахнулся приехавший на «Скорой». – Надо бы переговорить с родственниками. С теми, кто может подписать бумаги. Что ж, поедем.

– Я могу поехать в больницу вместе с Ла... Ларисой Михайловной? – спросил Сабуров у следователя.

– Да. Можете. Подождем, чем все закончится, – вздохнул следователь. – Пока она не умерла, есть шанс на выздоровление. А значит, можно получить ее показания. Случаются чудеса. Вот если умрет... Пока же будем придерживаться версии «несчастный случай». Подпишите протокол и поезжайте.

Полиция тоже не собиралась задерживаться надолго.

Из коттеджа вышли вместе: они и Сабуров. Тот направился к своей машине.

– Детям лучше переночевать у соседей, – сказал Сабуров, обернувшись к Жанне. – Я думаю, что должен сам поговорить с Элей и как-то ее утешить. Вернусь, и... Жаль, что это случилось в твой день рождения. У тебя сегодня должен был быть праздник.

– У меня и так праздник! – с вызовом ответила Жанна.

– Я, пожалуй, задержусь, – сказал Олег Николаевич.

Машины вскоре уехали, на участке вновь стало тихо.

Компания вернулась в дом. Поначалу прошли в гостиную. Игорь, который все время, пока в доме была полиция, молчал, вздрогнул, посмотрев на ковер:

– Испорчена вещь. А Лара так его берегла! Надо бы скатать и убрать.

Никто не пошевелился. В гостиной повисла напряженная пауза.

– Как тихо, – вздохнул Олег Николаевич. – Не по себе что-то. Пойдемте на кухню.

Стол с остатками праздничных блюд производил угнетающее впечатление. Жанна тряхнула головой: неужто будут плакать по Ларе? Она сама напросилась! Игорь взял со стола запечатанную бутылку шампанского, повертел ее в руках, потом спросил у Александры Антоновны:

– Водка в доме есть?

– Что? – Та озабоченно оглядывала стол. Жанне показыва-

лось, что она что-то ищет. Александра Антоновна была близорука и немного шурилась. – Ах, водка! Сейчас, сейчас!

На том месте, где сидела Лара, выглядывал из-под салфетки почтовый конверт. Да, именно конверт! Жанна заметила его первой, вытащила и посмотрела на обратный адрес. Адресатом была Мария Сабурова, а отправителем Матрена Архиповна Малинина. Прочитав адрес, Жанна вытащила из конверта письмо со словами:

– Интересно, зачем Лара его сюда принесла? Внизу стоит дата: отправлено в конце июля. Смотрите, смотрите! «Здравствуй, дорогая Машенька! Пишет тебе твоя мама. Как вы там живы-здоровы? Приехала я недавно с похорон и так уж о вас взволновалась...»

– Жанночка, детка, ты бы ножки свои не утруждала, – засуетилась Александра Антоновна. – Присядь, детка, присядь.

Сделав неловкое движение, чтобы поддержать Жанну, Александра Антоновна задела миску с овощным салатом, и та перевернулась. Содержимое очутилось на скатерти.

– Ох ты господи! И неловкая же я стала! Старая совсем. А тут еще Ларочка...

Александра Антоновна расплакалась, взялась за сердце. И осипшим голосом прошептала:

– Капелек бы мне... Жанночка, Олег Николаевич...

Все засуетились, Жанна бросила конверт на стол. На кухне дивана не было, Александру Антоновну пришлось отве-

сти в гостиную, положить там. Она все стонала и жаловалась на боли в сердце. Олег Николаевич, порывшись в аптечке, нашел сердечные капли. Накапал в рюмку и, дав Александре Антоновне, пошел за чем-то на кухню. Выпив валокордин, та быстро пришла в себя. Села на диване и сказала:

– Надо бы в кухне прибраться.

– Лежите, лежите, я сама! – испугалась Жанна.

– Да что ты, детка! Прошло у меня уже. Ты не знаешь, где что лежит. Я все сделаю. Должность у меня такая. А вы уж дальше празднуйте.

– Какой уж тут праздник! – вздохнула Жанна.

– А разве нет? – пристально взглянула на нее Александра Антоновна. И усмехнулась: – Ты ведь теперь будешь за хозяйку. Отделались от стервы-то.

Взгляд ее Жанне не понравился. Слишком уж быстро Александра Антоновна оправилась от сердечного приступа.

– Ну, как дела? – спросил появившийся в гостиной Олег Николаевич. Следом шел Игорь. По их лицам Жанна догадалась: только что эти двое о чем-то спорили. И не пришли к согласию.

– Прошло, все прошло! – бодро заговорила Александра Антоновна. – Пойду на кухне приберусь. Игорек, ты про водку спрашивал? Есть, а как же! И огурчики маринованные, и грибочки. Сейчас принесу!

Когда Александра Антоновна ушла, Игорь, словно продолжая начатый разговор, обратился к Олегу Николаевичу:

– Ты не бойся, Олег, никто не узнает...

– Да почему ты думаешь, что я боюсь? – удивился тот.

– Да теперь чего бояться? Знать бы еще, где она это прячет!

– Что прячет? – спросила Жанна.

– Да так, – отмахнулся Игорь. – Не бери в голову. Скатаем мы наконец этот чертов ковер? Приятно думать, что от нее осталось только мокрое место, но все же... Олег, ты уверен, что ей не выжить?

Тот взглядом указал на Жанну: мол, постесняйся. Нельзя же так откровенно? А Игорь в ответ на это рассмеялся. И лихо сказал:

– Камень с души! За это надо выпить! Александра Антоновна? Где же вы?

– Иду, иду!

Та появилась с подносом в руках, поставила его на стол. Игорь занялся ковром, Олег Николаевич стал ему помогать. Потом сели на диван, разлили водку.

– И мне! – заявила Жанна.

– Вот ты как раз пропустишь, – вмешался Олег Николаевич. – Да и я воздержусь. Мне ехать надо. Лола будет волноваться.

– Опять Лола? – усмехнулся Игорь. – Слушай, и как тебя угораздило надеть на шею это ярмо? Чем же она тебя привязала, а? Купила? Не верю! Я-то знаю, что ты не продаешься. Ты к деньгам равнодушен. Ты – Человек. С большой бук-

вы. Выходит, каждому нужен свой крест, а? Даже Человеку с большой буквы?

Он говорил с иронией, и родинка весело подпрыгивала над верхней губой. Но Олег Николаевич ответил серьезно:

– Да, нужен. Как и всем. Лично я выбрал тот, который посчитал самым легким. Но оказалось, что все одинаковы. И твой, и мой, и вот ее, – кивнул он на Жанну.

– Значит, по-прежнему будешь лежать под каблуком у своей ревнивой жены, как полудохлый таракан?

– Буду! Это вообще не твое дело!

– Ну и дурак! И катись отсюда. Тогда выпьем с вами, Александра Антоновна? Дураки пролетают!

– Почему ты себе позволяешь меня оскорблять, Игорь? – без всякой обиды спросил Олег Николаевич.

– У тебя атрофирована та часть души, которая именуется романтизмом. Меня всегда раздражала твоя практичность. Ты неполноценен. Вот сидит прелестная девушка Жанна. Ты поставил ее на ноги, ты для нее почти что бог. Вдохнул в девушку жизнь – и в сторону? Что, страшно? А вдруг мы влюбимся? Нам этого нельзя! Ни-ни! Для того чтобы такого не случилось, у нас есть Лола!

– Это не так, – побледнев, сказал Олег Николаевич. – Я не боюсь любить.

– Так почему ты не хочешь оберегать ее душу, а оставляешь на распутье, в полном равнодушии: «Нате, берите!» Откуда ты знаешь, кто именно ее подберет?

– Замолчи, наконец! Выпей водки и перестань нести чушь. Ты говоришь глупости. Причем весь вечер!

– Ага! Значит, я дурак? – Жанна поняла, что Игорь начал заводиться. Олег Николаевич тоже это понял и поднялся:

– Я, пожалуй, поеду.

– Тогда я остаюсь, – заявил Игорь. – Давайте, Александра Антоновна, наливайте. Никуда сегодня не поеду. Комната для меня найдется? Только не Ларина, умоляю! Не то чтобы я боялся привидений, но – увы! Она еще жива! Не хочу сглазить.

– Конечно, конечно, Игорек. И бельишко чистое найдется. Как в былые времена. – И, чокнувшись с Игорем, Александра Антоновна очень ловко опрокинула рюмку водки.

– Жанна, проводи меня, – попросил Олег Николаевич.

Потом, у машины, он виновато сказал:

– Надеюсь, ты меня не осуждаешь. За мое сегодняшнее поведение.

– То есть?

– Видишь ли, я... – он замялся. – Я обрадовался смерти Лары... Тому, что она может умереть. А скорее всего, так и будет. У меня есть причины...

– Так я тоже! Тоже обрадовалась! Ведь она меня достала! Значит, и вас тоже?

– Я всего лишь человек, – грустно сказал Олег Николаевич. – И... Я не хотел говорить Игорю, что ты влюблена в Сабурова. Прости его: он выпил и несет всякий бред. У него

тоже есть оправдание.

– Вы непонятно говорите. Что у вас с Игорем? Ведь вы друг на друга кричите, как...

– Я потом тебе все объясню, – заторопился вдруг Олег Николаевич. – Потом. Мне ехать надо. Ну, все. До встречи.

И он, нагнувшись, едва коснулся ее щеки. Губы у Олега Николаевича были ледяные. От холода, должно быть. Жанна поежилась. Машина поехала к воротам, которые так и не заперли, а она вернулась в дом.

В гостиной Игорь и Александра Антоновна о чем-то оживленно говорили.

– Замерзла? – спросил Игорь, глянув на Жанну. И подо-
двинул ей полную рюмку. – Выпей. Одним махом. Ну?

Она зажмурилась и отхлебнула. Горло обожгло, Жанна закашлялась и поспешно отставила рюмку. Господи, какая гадость! И как они это пьют? Бутылка уже наполовину пустая! Эти двое будто празднуют свободу. Вышли из тюрьмы – и веселятся. Александра Антоновна от Игоря не отстает. Она вдруг напомнила Жанне мать, которая, придя от соседей, точно так же хихикала и вытирала ладонью влажный рот.

– Александра Антоновна, – напомнила Жанна, – а Сережа с Элей? Надо их забрать у соседей, или пусть там ночуют?

– Ты Сергея Васильевича дождись. Он велел до его приезда никуда не ходить. Пойду я прилягу. Умаялась. А вы уж тут вдвоем. Дело молодое...

И Александра Антоновна стала тяжело подниматься наверх. Вскоре хлопнула дверь. Жанна осталась вдвоем с Игорем.

Голова у Жанны слегка кружилась. Игорь смотрел на нее как-то странно. Она невольно тронула волосы: не в порядке прическа? Его взгляд скользнул ниже, и она испуганно схватилась за лиф слишком уж открытого платья, подтягивая его кверху. Забыла в суете, что надо бы переодеться! Ангел огня опустил глаза, которые опасно сверкнули и тут же спрятались в густых темных ресницах. Повертел в руках пустую рюмку, поставил ее на стол, притворно вздохнув:

– Что, не получилось праздника? А у нас были большие планы? Так?

– Какие еще планы? – облизнув губы, спросила она.

– Ну, как же! Двадцать лет! – насмешливо сказал Ангел огня. – С кем ты хотела провести эту незабываемую ночь?

– Ночь? – Она вдруг испугалась. А ведь и в самом деле! Были такие мысли! Но ни один мужчина из присутствующих на ее двадцатилетии не смотрел на нее так... И эти детские подарки! В душе вновь закипела обида. Все считают ее ребенком! А она не ребенок!

– Что, все сбежали? – весело спросил Игорь. – И Он.

– Кто – он?

– У такой красивой девушки, как ты, всегда есть Он. Пишется с большой буквы, произносится с придыханием.

Не переживай: я могу его заменить. Хочешь шампанского?

– Мне же больше нельзя.

– Кто сказал? Олег? Сабуров? Ты любишь его?

– Люблю? – вздрогнула Жанна.

– Почему ты здесь живешь?

– Ну, просто...

– А почему он с тобой возится?

– Не знаю. Честное слово, я...

– Я сейчас принесу шампанское. На кухне есть открытая бутылка. Не водку же тебе пить в такой день? Один момент.

Игорь легко поднялся и исчез на кухне. Жанна была в замешательстве. Уйти? Он дал ей шанс избежать того, что может случиться. Оставил ее одну. Надо делать выбор. Она вдруг вспомнила Сабурова, его подарок. Никогда он не посмотрит на нее как на женщину. Никогда! Надо доказать, что она уже взрослая! И Жанна не тронулась с места.

Игорь вскоре вернулся, он нес бутылку шампанского и один бокал. Наполнив его, уселся на диван, придвинувшись так близко, что Жанна почувствовала запах его волос.

– Ну, выпьем?

Жанна поднесла к губам бокал. Игорь же, наполнив рюмку водкой, пить не стал, чокнувшись с Жанной, отставил ее в сторону и, глядя в глаза, спросил:

– Ты куда не торопишься?

– Нет, – тихо ответила она. Его голубые глаза вновь опасно сверкнули. Родинка над губой подпрыгнула:

– Может, поцелуемся, наконец?

– Поцелуемся? – она судорожно сжала ножку хрустального бокала.

Он мягко разжал ее руку, поставил бокал на стол. Потом обнял Жанну, притянул к себе и стал касаться губ, щек и глаз легкими поцелуями. Поцелуи становились все продолжительнее, наконец Игорь остановился на ее губах и прижался к ним так, что Жанна почти задохнулась.

– С ума сошел? – прошептала она, отстраняясь.

– Так ты хочешь или нет?

– Не знаю, – не очень уверенно ответила она. – Я... не совсем обычная девушка. Не как все.

– И что в нас такого необычного?

Рассказывать о своей болезни, о годах, проведенных в инвалидном кресле, отчего-то не хотелось. Игорь отвел прядь, выбившуюся из прически, с ее щеки, заглянул в глаза:

– И в самом деле необычная! Я гляжу сейчас в необычные глаза, голубые, как небо. И чувствую, что эти необычные губы созданы для поцелуев...

– Мама говорила, что для этого сначала надо выйти замуж.

– Замуж? – рассмеялся Игорь. – Иди сюда.

И вновь прижал ее к себе, на этот раз так крепко, что она не могла шевельнуться. Негромко шепнул:

– Моя маленькая, нежная девочка... А вдруг тебе это не понравится? Я остановлюсь в тот момент, когда ты мне

скажешь...

...Она так и не сказала. Ни в гостиной, когда они с Игорем жарко целовались, ни после, в ее комнате, куда прокрались потихоньку, чтобы спрятаться от пристального взгляда Сабины, наблюдавшей за ними с огромного портрета. Жанне было приятно и совсем не больно, хотя это случилось в первый раз. Игорь был очень красивый, нежный, и она поняла, что Ангел огня понравился ей при первой же встрече. На него так приятно смотреть! И руки у него ласковые, родинка над губой такая забавная, что ее все время хочется целовать. И наконец с детством покончено!

– Знаешь, после смерти Сабины я как-то потерялся, – сказал он, теребя ее волосы. – Но когда увидел тебя сегодня... Ты что, готова во всем ее заменить?

– Ты с ней тоже? Делал это?

Игорь рассмеялся:

– И это, и многое другое. Иногда нам было хорошо, но чаще тревожно. Я ее любил, но она любила другого.

– Кого?

– Это маленький секрет. А секреты не выдают. Особенно маленьким девочкам, слишком хорошеньким и слишком болтливым, – вновь рассмеялся Ангел огня и поцеловал ее в нос. Жанна сделала вид, что разозлилась, и попыталась его оттолкнуть. Они вступили в шутивную борьбу.

Она и не думала, что мужчины такие сильные. Взять, например, Игоря. Руки и ноги у него маленькие, как у женщи-

ны, плечи узкие, да и профессия какая-то не мужская. Музыкант! Но попробуй ты справишься с ним! Пришлось сдаться на милость победителя и вернуться к тому приятному моменту, когда между мужчиной и женщиной вспыхивает искра, из которой возгорается потом огромное пламя. Жанна торжествовала. Больше никто и никогда не будет называть ее глупой маленькой девочкой!

...Они с Игорем задремали, уставшие. Он крепко прижал Жанну к себе и закрыл глаза, она же тайком его рассматривала. Красивый. А она... самая обычная! И кто кого соблазнил? Впрочем, какая разница?

А разница была, потому что из больницы вернулся Сабуров и начал ходить по дому, заглядывая во все комнаты. Ходил, громко хлопал дверями. Недоумевал: куда все подевались? Наконец проснувшаяся Александра Антоновна, зевая, спустилась вниз. Жанна услышала в гостиной голоса и вспомнила, что дверь кухни распахнута настежь, да и в ее комнате не заперта. Хотела подняться и запереть ее на щеколду, но опоздала. Раздался вежливый стук, и Сабуров спросил:

– Жанна, как ты себя чувствуешь?

Натянув до носа одеяло, она замерла.

– Жанна? Тебе плохо? – тревожно спросил Сабуров.

– Нет, мне очень хорошо, – пискнула она.

Сабуров, должно быть, не расслышал, приоткрыл дверь, заглянул в комнату, да так и замер на пороге. Игорь мир-

но спал, Жанна сидела на кровати, прикрывшись одеялом, и ждала, что будет дальше.

– Ну, ты негодяй! – закричал Сабуров.

Игорь открыл глаза, спросил недоумевая:

– А? Что такое?

– Ну, ты подлец! – еще громче закричал Сабуров.

– Полегче, Сергей Васильевич. Выйди, дай нам одеться.

Девушка тебя смущается.

– Я не знаю, что с тобой сделаю!

– Я что-то не так понял? Мне показалось, что Жанна свободна.

– Она же еще ребенок!

– Я этого не заметил. И вообще, выйди. Это уже неприлично: ты же от нее глаз не отрываешь! – насмешливо сказал Игорь.

– Я жду ровно одну минуту, – зло процедил Сабуров и захлопнул дверь.

Игорь не спеша стал одеваться.

– Что теперь будет? – спросила Жанна, которой наконец-то стало стыдно.

– Мне откажут от дома, – улыбаясь, сказал Ангел огня. – Считай, что легко отделался. Хорошо хоть, первый этаж! А если бы мы с тобой расположились на третьем? Было бы забавно, если б меня тоже скинули с лестницы и я свернул бы себе шею! Два трупа в один день – это уж слишком даже для такого дурдома!

Одевшись, он взглянул на нее пристально и спросил:

– Ты как? Не жалеешь?

– Нет, но... Перед Сабуровым стыдно.

– Ладно, я всю вину возьму на себя. Признаю, что я подлец, негодяй и тэ дэ и тэ пэ. Воспользовался твоей неопытностью, напоил, соблазнил. В сущности, так оно и есть. Простишь?

В этот момент Сабуров изо всей силы ударил кулаком в дверь:

– Игорь!

Тот схватил со стола первый попавшийся под руку клочок бумаги, ручку и поспешно нацарапал номер телефона. У двери послал ей воздушный поцелуй:

– Удачи! Звони...

Жанна услышала, как за дверью они с Сабуровым тут же стали ругаться. А если Сабуров его ударит? Он больше и сильнее. Бедный Ангел огня! Она испугалась за Игоря, вскочила с кровати и быстро начала одеваться. Когда она выскочила в гостиную, мужчины выясняли отношения уже в холле. Сабуров кричал:

– Ты думаешь, что мне отомстил?! За Машу?! Дурак! Да у меня с этой девочкой ничего нет! Убирайся вон из моего дома!

– Не надо так театрально.

Жанне показалось, что Игорь смеется. Потом хлопнула входная дверь. И еще раз... Она выскочила в холл. Оба были

уже на крыльце. Входная дверь стояла распахнутой настежь.

– Чтоб я тебя больше здесь не видел! – прокричал Сабуров, когда Игорь спускался по ступенькам. – Еще раз увижу – убью!

– Как мне страшно, – бросил Игорь насмешливо.

Жанна вылетела на крыльцо. Ангел огня уже сидел в машине.

– Игорь! – отчаянно закричала она. – Я с тобой!

Сабуров схватил ее за плечо, резко развернул к себе:

– Стоять!

– Да пустите же меня!

– Дура! Девчонка! Никуда не пойдешь!

Она рванулась, но Сабуров держал крепко. По его лицу она поняла: может и ударить, но к машине не пустит. Она заплакала, глядя, как от дома отъезжают «Жигули» Игоря.

Потом Сабуров буквально втащил ее в дом. В гостиной толкнул на диван, зло сказал:

– Ну, зачем ты это сделала? Дура! – выругался он в сердцах, потом спросил: – Это он, да? Напоил тебя? Воспользовался моментом? Отвечай!

Жанна заплакала.

– Он хотя бы предохранялся?

– Что? Я думаю... да...

– Не хватало тебе еще аборт делать после всего, что пришлось пережить! То необходимость, а то от большой дури. Я этого мерзавца...

– Он не виноват, – всхлипнула Жанна.

Тут Сабуров заметил накрытый стол, наполовину пустую бутылку водки и шампанское:

– Так я и думал: он тебя напоил! Но – ничего. Я знаю, что с ним делать.

– Не надо ничего с ним делать. – И совсем по-детски она пробормотала: – Я больше так не буду.

– Ты не понимаешь, во что ввязалась! Не понимаешь! Игорь – человек богемы. Мотылек, который порхает с цветка на цветок. Ему всё игрушки. И этот мир: безумные вечеринки, грязные сплетни, бессмысленное прожигание жизни... Он может пообещать все, что угодно. У любой девчонки закружится голова, но... Тебе туда не надо, – решительно сказал Сабуров. – Надо учиться, получить серьезную профессию, встать на ноги, выйти замуж за... Ну уж не за Игоря! Он сам еще ребенок! И поступок ваш – детский! Всем врагам назло! Всему миру! Господи... Как же я устал! Ну что за день, а?

Он опустился на диван и, тяжело вздохнув, потянулся к бутылке водки. Перепуганная Александра Антоновна выглянула из кухни. Пока они выясняли отношения на крыльце, она потихоньку прошла туда, а во время объяснения Жанны и Сабурова притаилась, вмешиваться не стала. Когда же возникла пауза, осторожно спросила:

– Сергей Васильевич, ну, как там, в больнице?

– В больнице? Плохо. К аппаратуре ее подключили, Лара

может долго еще протянуть, но... Но есть ли смысл? Слишком обширны повреждения головного мозга. Все бесполезно. Сколько сейчас времени?

– Уже за полночь, – тихо сказала Жанна.

– К соседям идти поздно. Я звонил им из больницы. Хорошо, что завтра суббота. Потом – каникулы. Жанна, я хотел тебя попросить: ты не побудешь с Ларой?

– Конечно.

– У меня много дел. Надо как-то налаживать жизнь, – словно оправдываясь, сказал Сабуров.

– Я все понимаю. Я помогу. И... Пожалуйста... Прости.

Этого «ты» никто не заметил. Как и того, что день рождения уже закончился. Начинался новый день, а с ним и новая жизнь.

В больницу к Ларе ехать ей не хотелось. А вдруг та очнется? Чудеса случаются, в этом Жанна убедилась на собственном опыте. Она боялась искушения: слишком уж велико было желание избавиться от Лары навсегда! Но Сабуров попросил, отказаться ему Жанна не смела. Рано утром он отвез ее в больницу, а сам вернулся к детям. Жанна представила, как отреагирует маленькая Эля на случившееся с Ларой... Нет уж, лучше в больницу!

Когда Жанна увидела Лару, у нее от сердца отлегло. Та похожа была на спящую красавицу в хрустальном гробу. Застывшее лицо, золотые волосы словно побелели от инея.

Но прекрасного принца для нее не найдется, это уж точно! Лару никто не любит. Сама виновата!

Жанна посидела на стуле, потом отошла к окну. Время текло медленно. В палату вошла медсестра, взглянула на девушку с интересом и спросила:

– Вы ей кто?

– Я? – Жанна пожала плечами. – Знакомая.

– Знакомая? – удивилась медсестра. – А родственники у нее есть?

– Не знаю.

– Вечером здесь был мужчина. Солидный такой, интересный. Сказал, что ее жених. Если бы муж... – медсестра еле заметно вздохнула. – Бумаги надо подписать.

– Какие бумаги?

– Ну как же? Молодая, здоровая женщина. Внутренние органы в порядке. Все равно она умрет. А у нас очередь.

Жанна не поняла: какая очередь? какие органы?

– Мне надо что-нибудь делать? – спросила она.

– Да что тут можно делать? Сидите, если охота.

– А я могу отойти? Мне нужно позвонить. Ничего ведь не случится?

– Разумеется, – удивилась медсестра. – Что может случиться?

Жанна вышла из палаты, побрела по коридору, осматриваясь. Где же аппарат? Увидев женщину в белом халате, остановила ее, сказала жалобно:

– Мне надо позвонить.

– Вы из реанимации? Идите в мой кабинет. Там есть телефон. Прямо по коридору, левая дверь в конце, она открыта...

Добравшись до телефона, Жанна глянула на часы: начало одиннадцатого. Набрав номер, услышала все ту же секретаршу:

– Строительная компания «Каменный цветок»...

– Это Жанна. Владислава Арнольдовича, пожалуйста.

На этот раз переспрашивать не стали, буквально через минуту Жанну соединили с Владом.

– Ну, что там? – нетерпеливо спросил он.

– Я в больнице, – тихо произнесла Жанна. – С Ларой.

– Она жива?!

– В коме.

– Сказала что-нибудь?

– Нет. Ничего не сказала. И не скажет уже. Говорят, она скоро умрет.

– Слава богу! – вырвалось у него.

– Она вас видела? – Пауза. Он молчал. Жанна спросила: – Что там произошло? В кабинете?

– Глупо получилось. А главное, бесполезно.

– Вы не нашли того, что искали? Там ничего не было?

– Было, – невесело рассмеялся он. – Я всегда подозревал, что у Машки с головой не все в порядке. Полицию не вызывали?

– Вызывали.

– И что?

– Все в один голос подтвердили, что произошел несчастный случай. Александра Антоновна даже сочинила историю про ее головокружение, а Олег Николаевич наплел что-то про таблетки. Якобы Лара принимала антидепрессанты. И в сочетании со спиртным они вызвали помутнение сознания. А перила низкие...

– Олег Николаевич? Кто это?

– Мой врач.

– Ах да. Вспомнил. Высокий худощавый шатен, похожий на киноартиста? Это Олег Николаевич?

– Да.

– Понятно.

– Никто, кроме меня, не видел, как вы вышли из кабинета Сабины. Все были заняты Ларой. И никто не знает, что вы были в доме.

– Я дверь кабинета на ключ запер. А тот, что от входной двери, положил обратно под половичок.

– Дайте мне его.

– Что?

– Ключ. От кабинета Сабины. Он вам не нужен больше?

– Нет, – с горечью произнес он. – Теперь не нужен. Знаешь, заезжай прямо сюда, в офис. Ах да, ты же ходить не можешь...

– Могу! – крикнула она. – Я теперь все могу! Я приеду!

– Я тебе обязан. Помню. Сейчас объясню, где находится

моя контора. У тебя есть на чем записать?

– Я запомню! Я приеду!

Продиктовав адрес, он напомнил:

– Если произойдут какие-нибудь изменения... с Ларой... если она вдруг придет в сознание... немедленно звони. Поняла?

– Нет, не придет. Все говорят: без шансов. Если б вы только ее видели!

– Это хорошо, что без шансов. Тогда позвони, если она... Ну, в общем, ты меня поняла. Держи в курсе. Все. Увидимся.

И он положил трубку.

Жанна вернулась в палату. Время тянулось медленно. Она постоянно смотрела на часы, с трудом заставляя себя не делать этого так часто. Сабуров не приезжал, на улице было пасмурно, стало смеркаться, и Жанна не заметила, как задремала, сидя на стуле. Очнулась она, когда в палату вошли двое. Старушка в платочке и тучный мужчина с бородой. Старушка сразу заохала и запричитала, кинувшись к спящей принцессе, а мужчина посмотрел на Жанну и спросил:

– Медсестра?

– Нет, – испугалась она. – Я Жанна.

Спина у нее болела из-за неудобной позы, голова гудела. Она никак не могла взять в толк: кто это?

– Жанна? Не знаю такой. Сестренку-то мою кто угробил?

– Она с лестницы упала.

– Кто? Лариска? С лестницы? Не смейся, девка! По го-

рам в детстве лазила, а тут с лестницы сверзилась! Кто ее, а? Столкнул, говорю? Где ее хахаль?

И бородатый грозно нахмурил брови. Но Жанна испугалась не его, а старушки. Та вдруг всплеснула руками, завывала, запричитала. Жанна не выдержала, зажала уши и выскочила из палаты. До нее вдруг дошло: Лары больше не будет. Никогда. Но кому-то от этого все же больно...

...Лара умерла через двое суток. Похоронили ее тихо, без всякой помпы и надгробных речей. В пригороде Москвы, далеко от того места, где лежала Сабина, которой Лара всю жизнь завидовала и славы которой ей так и не досталось. Ни капли.

Два дня оставалось до Нового года, но в огромном особняке вместо праздника царил траур. Дети ходили по дому тихо, даже маленькая Эля и та откровенно загрустила. На похоронах матери она не была, но на погребение Лары ее взяли. Без Лары Эля бродила по дому как неприкаянная, и Сабуров уже подумывал отправить ее на каникулы в зимний лагерь. «Как думаешь?» – спросил он у Жанны, и та еле заметно кивнула. Дети? До сих пор она сама считалась ребенком. И вот на ее попечении оказалось двое детей. «Теперь ты будешь за старшую», – обмолвился как-то Сабуров. Оказалось, что взрослая жизнь начинается со взрослой ответственности. Когда ты отвечаешь не только за себя, но и за кого-то другого.

Она так и не смогла выйти в гостиную, где Сергей си-

дел за поминальным столом вместе с матерью и братом Лары. Здесь, в доме Сабурова, обошлись тихими посиделками. У Лары не было друзей. Жанна зажимала уши, чтобы не слышать плач матери. Старушка откровенно горевала и все никак не могла взять в толк, что дочери больше нет. Зато брат Лары, совсем не скорбя, пытался шантажировать Сабурова. Этот тучный бородатый мужчина оказался крайне занудлив и настойчив. Рокотал практически без пауз, а Сабуров что-то коротко и тихо отвечал. Жанна, занимавшаяся на кухне приготовлением закусок, невольно прислушалась. Бородатый затынул:

– Мы, Сергей Васильевич, люди небогатые. Похороны, поминки опять же. Родню надо собирать. А то не по-людски как-то. Деньги-то, деньги где взять? А?

– Похороны я оплатил. На поминки вы получили достаточно.

– А полгода? А год? Все как положено, чин по чину. Одна она у меня была, сестренка-то. Да. Одна. А вы ее угробили.

– Кого? – очень тихо спросил Сабуров.

– Альпинистку мою.

– Какую еще альпинистку?

– Лариску-альпинистку. Шуткую я. Она с парнишкой одним, одноклассником, по горам любила лазить, когда девочкой была. Горы-то у нас не бог весть какие высокие, но уж повыше, чем ваш дом. А вы: с лестницы упала. Жениться, значит, не хотели. Не по-людски это.

– Да женился бы я на ней! Женился. Несчастный случай произошел.

– Это ты, мужик, другому кому расскажи. Я, конечно, понимаю. Закону у нас в стране нет. Откуда здесь закон? Платить всяким там прокурорам у нас опять же средств нет. Ты, Васильевич, извини. По-простому я, по-мужицки, к тебе. Мы ж понимаем. Кто вы, а кто мы. Однако альпинистку мою угробили? Угробили. Факт.

– Денег хотите? – догадался Сабуров.

Жанна при этих словах вздрогнула и покраснела. Она-то чем лучше этого бородатого мужика? А он кажется таким противным! Голос сваявшийся, как старый мех. Как это все мерзко. И тут он раскатисто хохотнул:

– Я же понял, что ты мужик, Васильевич. Ну, какой мне толк в тюрьму тебя засадить? Честно сказать, не жаловала меня сестренка. Мужик и мужик. А она вон какая деликатная. Красивая, говорю, была баба, а? Попользовался ты?

– Замолчите.

– Попользовался, факт.

– Сколько?

Бородатый назвал сумму совсем тихо, видно, она оказалась очень значительной. Сабуров даже присвистнул:

– Вы с ума, что ли, сошли? Да за что?

– А как же? Не сама ж она с лестницы упала? Ты мне, Васильевич, очки не втирай. Дело можно возбудить. Уголовное. Я справлялся.

– Согласен, – неожиданно сказал Сабуров. Жанна вздрогнула. – Не сама. Только я не намерен платить за того, кто действительно это сделал. Лару я не убивал.

– А кто ж тогда? – насторожился бородатый. – Ты что, выходит, все видал?

– Да. Случайно.

– Кто ж это сподобился?

Жанна замерла. Неужели Сабуров скажет?

– Один парень, – неожиданно для себя услышала она. – Я тебе его покажу.

– Деньги-то есть у него?

– Найдет, – уверенно заявил Сабуров. – Родители богатые. Продадут кое-какие вещи, побрякушки фамильные, чтобы сыночек в тюрьму не угодил.

Так вот оно что! Они столкнулись там, наверху, Игорь и Сабуров. А внизу лежала Лара. Сабуров заявил, что он не убивал. Теперь бородатый вцепится в Игоря. Но почему Сергей так уверен, что Игорь не переведет стрелки обратно на него? Потому что есть причины.

Что-то здесь не так. В том, чтобы уголовное дело не было возбуждено, заинтересованы все. И Сабуров в том числе. Версия несчастного случая следствие устраивает. Показания свидетелей не расходятся даже в деталях: шампанское, антидепрессанты, внезапное головокружение. А если подмазать и заплатить бородатому, ничего и не будет. Никакого уголовного дела. Видимо, Сабуров просто хочет помотать Игорю

нервы. Счеты свести. А счета между ними давние. Бородатый с такой же бульдожьей хваткой, как его покойная сестренка-альпинистка. Одна порода – собачья. И не стесняется. Хоть в рожу ему плюнь, он утрется и снова за свой кусок. Не мытьем, так катаньем.

Бородатый и старушка остались ночевать в особняке. У них имелись билеты на завтрашний поезд, но бородатый решил их сдать. Мол, надо задержаться на несколько дней, Москву посмотреть. Когда еще представится такой случай? Смерть сестры его нисколько не угнетала. Сабуров их не гнал. Утром, когда Жанна встала, бородатого в доме уже не было, а старушку взяла на свое попечение Александра Антоновна. Позавтракали они на кухне, и, допивая кофе, Жанна вдруг вспомнила:

– Завтра же Новый год! А почему в доме нет елки?

– Елки? – удивился Сабуров. – Какая еще елка! Не до того.

– Почему? – огорчилась Жанна.

В детстве у нее всегда была елка. Мама приносила ее из леса, и в доме сразу же распространялся запах хвои. Жанна развешивала игрушки, стеклянные, с которых местами облупилась краска, и из папье-маше. Под елку ставили Деда Мороза, а на окна наклеивали бумажные снежинки, которые Жанна вырезала в большом количестве из тетрадных листов.

– Какой уж тут праздник, – вздохнул Сабуров. – Посидим, выпьем шампанского под звон курантов, телевизор посмот-

рим и ляжем спать.

– А Эля? Нет, елка у нас будет! – тряхнула головой Жанна.

И решительно сказала: – Надо ехать в город.

Сабуров протестовать не стал. Напротив, обрадовался:

– Едем! Надо развеяться. Элю с собой возьмем?

– Пусть это будет для нее сюрприз, – тихо сказала Жанна. – Мы купим елку, игрушки и подарки. Всем-всем-всем!

Наступили новогодние каникулы, и дети отсыпались чуть ли не до полудня. Сережа-младший, зевая, первым спустился вниз, лениво поинтересовался:

– Куда это вы собрались?

– В город! – ответила Жанна.

– А... Понятно... Завтрак есть? – Он стремительно рос и без конца что-то жевал. Казалось, еда интересуется его больше всего на свете.

– Александра Антоновна блинчиков напекла. Остыло уже все. Эх ты, соня, – не удержалась Жанна и потрепала его по светлым волосам. Подросток отстранился.

– Жанна! Ты идешь? – крикнул Сабуров, спускаясь со второго этажа. – Сергей! Ты встал?

– Ну.

– Опять до часу ночи за компьютером сидел? Глаза испортишь! И мозги спекутся.

– Достали, – огрызнулся Сережа-младший и протопал на кухню.

Сабуров махнул рукой: ладно, потом. И пошел в гараж

за машиной. Жанна радовалась. Ей хотелось побыть с ним наедине, как-то утешить. Мол, наладится все. За каких-нибудь полгода привычный уклад его жизни нарушился, одна за другой ушли женщины, вокруг которых вращалось все. И Сабуров потерялся. В машине он поначалу привычно молчал, Жанна же была занята своими мыслями.

Первый выход в свет. Москвы она не знает. Что такое метро? Как им пользоваться? Как оплатить проезд? Как не заблудиться? Целые дни проводя перед включенным телевизором, она получила достаточное количество информации, но как ею пользоваться? И жизнь – это не кино. Нестандартные ситуации – вот что пугало. Впрочем, стандартные пугали тоже. Она боялась выделиться из толпы – первый этап, который проходит новичок. Потом он из кожи вон лезет, чтобы выделиться.

Ей было радостно и немного страшно. Больше всего она переживала: как я выгляжу? Жанна надела куртку Саббины, ее ушитые в талии джинсы, которые заметно висели на бедрах. На голову вязаную шапочку. Она жадно смотрела по сторонам. Как одеваются молодые девушки, ее ровесницы?

При выезде из поселка она спросила Сабурова:

– Сюда автобусы ходят?

– Ну, разумеется! Если рукой махнуть, остановится экспресс, рейсовый автобус ходит редко, до электрички далеко. Такси ловить не советую.

Жанна заметила автобусную остановку. Значит, махнуть рукой. Экспресс – это...

– Экспресс, он какой?

– «Икарус». Синий. На переднем стекле надпись: «Москва».

– Понятно.

Она замолчала, осмысливая полученную информацию. Когда же стали подъезжать к Москве, Жанну словно прорвало. Она задавала Сабурову бесконечные вопросы, на которые тот еле успевал отвечать. Ей хотелось узнать сразу все.

Город ее ошеломил. Теперь Жанна не сомневалась: непременно заблудится, если отпустит руку Сабурова, за которого цеплялась, словно маленькая девочка. Повезло, что у нее хорошая зрительная память! Главное – запомнить номер его машины. На стоянке перед огромным торговым центром их море.

– Я ни за что без тебя не уеду, – пообещал Сабуров. – Если потеряешься, дам объявление по радио.

Жанна немного успокоилась. Народу в торговом центре оказалось много, но цены такие, что толпы, как на рынке, не создавалось. Можно спокойно выбрать подарки, примерить одежду. Первым делом они купили пушистую искусственную елку. Жанна немного огорчилась: в доме не будет пахнуть хвоей. Но оценила практичность Сабурова: с искусственной елкой меньше возни. Потом они вместе выбирали елочные игрушки. Подарки детям тоже выбирали вместе,

причем Сабуров советовался с ней, как со взрослой.

Жанна с горечью думала, что ей нечего подарить. За всю свою жизнь она не заработала еще ни копейки. Только брала. Меж тем ходит по магазину, где цены о-го-го! С чужим мужчиной, который расстается с деньгами легко и словно бы испытывая легкое недоумение: откуда взялись? И когда наконец их не станет? Он, казалось, спешил поскорее от них избавиться. Практичный человек поступал крайне непрактично. Что будет, когда деньги Сабины закончатся? На что они все станут жить? Почему-то Жанна уже причисляла себя к его семье. Непонятно только, в качестве кого? Домработницы? Помощницы по хозяйству? Гувернантки? Она убеждала себя, что берет в долг. Что непременно научится зарабатывать и вернет все сполна. А пока...

Пока Сабуров решил купить ей одежду. Жанна отнекивалась, но втайне жаждала этого. Вещи Сабины ей не шли. А как хочется иметь что-то свое!

Но от шубки из натурального меха она, покраснев, отказалась. Это уж слишком! Примерила яркую куртку, отороченную лисой, и Сабуров решительно сказал: «Берем!» Еще одну куртку, короткую, кожаную, буквально заставил ее купить. На весну. Потом выбрали джинсы и пару ярких свитеров. Шапочку с шарфом, перчатки и сумочку... Пакеты уже не умещались в руках.

– Ты бы переделалась, – посоветовал Сабуров. – В примерочной.

Она послушалась. Последним отделом, куда они зашли, был отдел обуви. Жанна со вздохом посмотрела на красивые сапожки на высоких шпильках. Увы! Когда-нибудь, но не сейчас. Выбрала ботинки на невысоком, устойчивом каблуке. Теперь она одета модно и дорого.

Уже в машине она вспомнила, что Сабуров ничего не купил себе. Он выглядел усталым, но довольным. Заднее сиденье было завалено свертками. Она все вертелась, разглядывая себя в зеркало заднего вида. Поворачиваясь то одним боком, то другим. Потом сообразила: не хватает косметики. Куртка яркая, а лицо бледное. Покосилась на Сабурова, достала косметичку и подкрасилась.

– Неплохо, – улыбнулся он, когда машина остановилась на перекрестке и ему представилась возможность рассмотреть Жанну. – Есть хочешь?

Она очень хотела есть. И давно. Но зайти в кафе? Она еще ни разу этого не делала! Есть на глазах у незнакомых людей? Ей стало не по себе.

– А я так просто умираю от голода, – сказал Сабуров. – Неизвестно, сколько мы будем сидеть в пробке. Надо бы подкрепиться.

Он притормозил возле яркой витрины. Вывеска заманчиво обещала высокое качество и низкие цены, у входа – стенд, меню со списком блюд и проставленной напротив цен. Сабуров помог Жанне вылезти из машины и сказал:

– Ну-ну, не смущайся!

– У меня все в порядке? – спросила она, поправляя прическу.

– Все отлично!

Жанна боялась, что на нее все будут смотреть. Она такая неловкая! И когда стали обращать внимание, откровенно испугалась.

– Сергей Васильевич, почему на нас пялятся? Может быть, они вас узнают?

– С какой стати? – рассмеялся Сабуров. – Ну, мелькнул пару-тройку раз на экране рядом со знаменитой женой. Но это еще не повод.

– А почему тогда на нас смотрят?

– Потому что ты очень симпатичная девушка.

– Я?!

– Ну да. И вид у тебя свежий, не потасканный. Отличная кожа, белые зубы. Твоя непосредственность только добавляет интереса. Здесь, в этом городе, все уже устали от опытных и расчетливых женщин. Слишком расчетливых. А я для тебя староват. Вот они и гадают: папа с дочкой или состоятельный господин с молоденькой любовницей? Только не обижайся.

– Да что вы! Какая может быть обида? Вы сегодня на меня столько денег потратили! Я отработаю. Обязательно отработаю. Я теперь буду вместо Лары.

Он глянул так, что Жанна покраснела:

– Не в смысле, что... Ой, простите! Ну, просто все делать. Готовить, убирать.

– Тебе учиться надо.

– И учиться. И работать.

– Все сразу? А ты не переусердствуешь?

– Но я теперь здорова!

– Ладно, дело твое, – и Сабуров взглядом показал официанту: счет. Тот мигом подлетел.

И как у него это получалось? Быть человеком значительным. Он не суетился, не старался привлечь к себе внимание, как двое молодых людей за соседним столиком, которые, косясь на Жанну, стали вдруг громко обсуждать проблемы фирмы, где работают. Перспективы карьерного роста и свою зарплату. Когда Сабуров на минутку вышел, один из молодых людей повернулся к Жанне и уставился на нее в упор:

– Может, оставишь телефончик?

– Я... Я живу с ним, – ляпнула она.

– Понятно... – присвистнул парень.

– Ничего вам не понятно! – И она встала из-за стола, взглядом ища Сабурова. Слава тебе! Идет!

– В чем дело? – спросил тот, когда они вышли на улицу. – Что-то случилось?

– Нет. Ничего. У меня попросили номер телефона.

– Что, поклонники одолели? – рассмеялся он. – На всякий случай: тебе никто не запрещает.

– А как же Игорь?

Сабуров нахмурился. Этой темы он старательно избегал.

Как и не было ничего. Жанна поняла, что ответа не дожидается, и полезла в машину. Обрато ехали долго, Сабуров оказался прав насчет пробки. Когда добрались наконец до дома, на крыльцо выскочила Эля.

– Папа, папа, что ты мне привез? Елка, да? У нас будет елка? Ура!

Вечер выдался суетливым. Наряжали елку, разбирали подарки. Появился бородатый и проявил вдруг такую активность, что Жанне, да и Сабурову стало тошно. Ждать до Нового года Эля не согласилась, сразу распечатала свой подарок, ее примеру тут же последовали другие. Александра Антоновна получила теплую кофту, Жанна выбирала ее сама, Сережа-младший новые диски с компьютерными играми и что-то еще, в чем Жанна не разбиралась. Увидев надпись на яркой коробке, она пожала плечами: Сабуров знает, что надо сыну, и Сережа доволен. Все домочадцы довольны. Бородатый сделал вид, что не обиделся, хотя ему подарка не досталось, а старушке Александра Антоновна сунула тайком какой-то сверток.

К полуночи Жанна просто выбилась из сил. Сабуров же, перед тем как отправиться к себе в комнату, сказал:

– Раз уж ты решила заменить Лару, отныне я буду давать деньги на хозяйство тебе. Александра Антоновна объяснит, из чего складывается семейный бюджет. Для начала записывай расходы в тетрадь, веди домашнюю бухгалтерию. Сколько на что потрачено. Отчета я у тебя требовать не собира-

юсь и выговаривать за непомерные траты тоже. Это важно для тебя самой.

– Но почему вы мне так доверяете? – удивилась Жанна.

– Потому что... Мы ведь остались с тобой вдвоем? Так? И ближе тебя у меня никого нет. Кроме детей, разумеется. Странно как вышло, а?

Она поняла: свершилось. Обратной дороги нет. Надо позвонить маме, сказать, что не приедет на Новый год. Если Сабуров будет любезен, то на следующей неделе отвезет ее на переезд. На пару часов и без ночевки. Ее дом теперь здесь...

...Новогодний праздник прошел тихо, как и предсказывал Сабуров. Они всей компанией сидели в гостиной перед телевизором, пили шампанское. Потом Александра Антоновна и старушка в платочке долго шушукались о чем-то на кухне, бородатый быстро уgomонился и ушел наверх, в комнату Лары. Жанна старалась не заснуть, чтобы остаться с Сабуровым наедине, когда улягутся другие. Ей казалось, что не сказано что-то важное. И если дождаться подходящего момента, то произойдет непременно объяснение. А потом...

Об этом ей думать не хотелось. Честно сказать, она его по-прежнему побаивалась. А он... Он после часу ночи откровенно стал зевать и, покосившись на Жанну, сказал:

– Не знаю, как ты, но я уже едва держусь на ногах. Пойду, пожалуй, лягу.

– Спокойной ночи, – тихонько вздохнула она. И подума-

ла: «Какой же он все-таки скучный! Нет, с этим надо что-то делать!...»

Наступили новогодние каникулы. В офисе Влада на звонки никто не отвечал. Жанне очень хотелось поговорить с ним, поздравить с праздником, попроситься на встречу. Но тщетно. Дом теперь был полон народу. Эля закапризничала и отказалась поехать в зимний лагерь, старушка в платочке и Александра Антоновна все время держались вместе, оккупировав кухню, вечерами приходил бородатый и до полуночи маячил в гостиной. Сабуров старался его не замечать, а тот попритих и начал уже поговаривать об отъезде. Жанна чувствовала смутную тревогу. Наконец она решила позвонить Игорю. Тот не объявлялся с самого дня рождения. Узнав ее голос, весело сказал:

– Привет! Как дела?

– Почему ты не звонил?

– А надо было? – рассмеялся Ангел огня, и Жанна подумала, что Сабуров не так уж и не прав.

– Игорь, к тебе никто не приходил?

– Да толпы народу! С Нового года такая кутерьма, голова кругом! Музыка, танцы, и женщины, женщины, конечно! Ревнуешь? – И поскольку она молчала, Игорь все так же весело продолжил: – Праздники же, родная. Я бы выпил с тобой шампанского по этому поводу.

Она тихонько вздохнула. Шампанского? Сегодня Сабу-

ров собирался везти Элю на кремлевскую елку. Бородатый с утра исчез, Сережа-младший собирался к другу в коттедж на окраине поселка. В доме останутся только Александра Антоновна и старушка, но позвать Игоря?.. Повторения той сцены не хотелось.

– Игорь, нам надо встретиться.

– Ну, конечно!

– Я серьезно.

– И я серьезен как никогда!

– Можно к тебе?

– В мой маленький рай? Запросто! Только учти: после сабуровских хором у меня тесновато.

– Мне все равно. Только... Я боюсь заблудиться. К городу еще не привыкла.

– Я могу за тобой заехать. Но что скажет Сабуров?

– Его не будет, – поспешно сообщила Жанна. – Весь день.

– Это все меняет. Встретимся у проходной. Во сколько?

– Сабуров уедет часа в два.

– Значит, в два. Целую.

Она положила трубку и украдкой оглянулась. Никого. Если кто в доме и занимался шпионажем, то это Лара. А ее больше нет. Сабуров же до такого опускаться не будет. Жанна прошла в свою маленькую комнатку и занялась макияжем. Немножко нервничала, ведь это ее первое свидание!

Когда вышла в гостиную, Сабуров стоял посреди нее в светлой рубашке, с галстуком в руках. Увидев ее, поинте-

ресовался:

– Ты не умеешь завязывать галстук?

Жанна отрицательно покачала головой:

– Откуда?

– Гм-м-м... Раньше этим занималась Ла... – он осекся. –

Что же теперь делать? А, ладно! Надену свитер и обойдусь без галстука!

– Я обязательно узнаю, как это делается, – пообещала Жанна. Сабуров взглянул на нее пристально и спросил:

– Куда-то собралась?

– С чего вы взяли? – зарумянилась она.

– Папа, папа, я не умею заплетать косички! – крикнула с площадки второго этажа Эля.

– Иди сюда, я попробую, – поспешно сказала Жанна, чтобы прекратить этот разговор.

Наконец Сабуров и Эля уехали. Жанна сказала Александре Антоновне, что у нее дела в городе, и поспешно оделась. Дорога каждая минута, надо вернуться раньше, чем приедет Сабуров. Почему-то ей не хотелось, чтобы тот узнал о ее свидании.

Игорь встретил ее у проходной.

– Сабурова видел? – спросила Жанна, садясь в машину.

Он молча кивнул, внимательно ее разглядывая.

– А он тебя?

– Понятия не имею! А ты похорошела! Хочется думать, что в этом есть и моя заслуга.

– Перестань.

Она не понимала, почему так нервничает. Все мысли остались там, в доме. И все заботы. Ехали они долго. По Кольцу, на южную окраину, как объяснил Игорь. Глянув на часы, она отметила, что дорога заняла полтора часа!

Квартира его Жанну поразила. Она была на последнем, семнадцатом, этаже, в мансарде. Одна огромная комната, без перегородок, без коридора и кухни. Туалет и ванная раздельные, но на этом сходство с обычной квартирой заканчивалось. Все остальное – пустое пространство, а что касается мебели... По стенам стояли деревянные ящики. Похожие на тот, что Игорь приносил на кладбище к могиле Сабины. Кровать низкая, широкая, перед ней – пара сдвинутых ящиков, покрытых клеенкой. Стол. Присутствия женщины здесь не чувствовалось. Постоянного присутствия, ибо какая женщина допустила бы полное отсутствие домашнего уюта?

Чего здесь оказалось в избытке, так это аппаратуры. Жанна в этом не разбиралась, отметила только, что везде тянутся провода, и не дай бог за что-нибудь зацепиться. Ноги можно сломать!

– Присаживайся, – гостеприимно предложил Игорь.

Она осторожно опустилась на низкую кровать.

– Игорь, а тебе не кажется, что это слишком?

– Что именно? – прищурился Ангел огня.

– Ну, это... – широким жестом она обвела странную комнату.

– Тебе не нравится?

– Я не знаю, – честно призналась Жанна.

– А ты – прелесть! Я соскучился, – сказал Игорь и сел рядом с ней. Когда обнял ее, Жанна поняла, что этого ей последнее время и не хватало. Жарких поцелуев, растворившись в которых можно почувствовать себя женщиной. Равнодушие Сабурова ее задевало. Кто она для него? Домработница? Гувернантка? Но если бы он повел себя, как Игорь, это задело бы ее еще больше.

Понять, что ей надо от этого человека, Жанна пока не могла. И потому мучилась. С Игорем ей было хорошо, легко, а главное, просто. Несмотря на разницу в возрасте в десять лет, она вела себя с ним как со своим ровесником, с ним можно перекинуться шуткой, посмеяться, отринув всю серьезность отношений между мужчиной и женщиной, и предаться легкому, опьяняющему безумию. Которое никого ни к чему не обязывает.

Сабуров от этой легкости предостерегал, но он ведь на двадцать лет ее старше! «Ангел огня», – нежно подумала Жанна, мизинцем смахнув капельку пота, выступившую над его верхней губой. И, не удержавшись, потрогала родинку. Какой же он все-таки...

– Родная?

– Ты в шутку меня так называешь?

– А что, у нас с тобой все серьезно?

Она тихонько вздохнула и сменила тему разговора:

– Игорь, ты был любовником Сабины?

– По-моему, ты уже спрашивала.

– Я хочу знать подробности.

– Подробности? – Он резко развернулся, оперся о локоть, и они оказались лицом к лицу. Голубые глаза Ангела огня опасно сверкнули. – Не все можно рассказать любимой девушке. Если так уж хочешь знать: я ее любил, а она мною пользовалась.

– Как это – пользовалась? – удивилась Жанна.

– Да так. У нее случались дикие вспышки страсти. Припадки, я бы сказал. Ходит, зубами стучит. Сабуров с ними не справлялся. Он моментально пугался, а ей требовалась разрядка. Любовь единственная и неповторимая далеко, да тому они и по фигу, если честно. А тут я под боком. Молодой, красивый, как говорят. Влюбленный. Я-то, кстати, и был по-настоящему посвященным ее тела и души. Единственным, кто знал сокровенные тайны и того и другого. Хотя меня и не любили. Но я-то хоть пытался ее лечить. Поэтому на вопрос, был ли я ее любовником, отвечаю: нет. Я был ее доктор, как тебе сейчас медбрат.

– Почему? – Жанна опять ничего не понимала.

– Потому что ты сейчас очертя голову кинешься в какую-нибудь страсть. В любовь неземную. И будешь думать, что он единственный и неповторимый. А он такой же, как и все. Быть может, даже хуже.

– Если я его люблю, значит, он лучше. Во всем, – не со-

гласилась Жанна.

– Прости, но это глупо. Шею сломаешь, дурочка.

– Пусть.

– Что ж... – Он молитвенно сложил ладони и с иронией сказал: – Я сделал все, что мог. Не повторяй ошибок Саббины. Ну, за каким чертом тебе это надо? Волосы покрасила, в жизни ее копаешься. Задаешь людям глупые вопросы.

– Вопросы? Ах да! Вспомнила, зачем хотела тебя видеть! Игорь, я знаю, что ты Лару не убивал, – серьезно сказала она. – Ты не мог этого сделать. А тебя шантажируют. Не спорь, я в курсе. И знаю кто. Ничего ему не давай.

То, что Жанна услышала в ответ, очень ее удивило. Он не стал ни возмущаться, ни оправдываться. С усмешкой произнес:

– Много ты знаешь о том, что я мог и чего не мог. Не переживай, родная, я справлюсь. У моих родителей денег хватает. И ценных вещей, которые можно продать.

– Но почему? Почему?!

– Мы с Сабуровым действительно встретились наверху. И мы оба знаем, кто это сделал. Вернее, думаем, что знаем. Тот случай, когда желаемое легко выдать за действительное, – туманно сказал он, явно стараясь ее запутать.

– Игорь, скажи мне честно: за что ты так ненавидел Лару?

– А вот это не твое дело. Давай-ка лучше займемся вещами приятными и необременительными.

Ангел огня вновь потянулся к ней. Жанна отстранилась:

– Извини, но мне пора. Ехать надо.

– Надо?

– Сабуров будет волноваться, если приедет, а меня нет.

– Ах, Сабуров! Понимаю.

– Нет, ты все-таки вредный! – И она вскочила с кровати. –

Ничегошеньки ты не понимаешь. Не можешь понимать. Потому что я сама ничего не понимаю!..

...Любимую сказку она сочинила себе сама. У нее были зеленые глаза и жесткие темные усики над верхней губой, надменная улыбка вместо предисловия, а финал неизвестен. По идее, он должен оказаться счастливым: «Они жили долго и счастливо и умерли в один день». Но в той книге, что подарил ей Олег Николаевич, не все сказки заканчивались хорошо. Русалочка обращалась в морскую пену, оловянный солдатик горел в огне, а принцессы оставались на бобах, если вели себя слишком надменно.

Через неделю Жанна дозвонилась наконец в офис строительной компании «Каменный цветок» и договорилась с Владом о встрече.

Сабуров отпустил ее с трудом. Жанна битых полчаса объясняла, что хочет самостоятельности, что двадцатилетнюю девушку просто смешно водить повсюду за ручку! Что ей надо осваиваться в огромном городе, не век же сидеть взаперти! Сабуров хмурился, но вынужден был согласиться с этим.

– И куда ты поедешь?

– Гулять! По магазинам, – поспешно добавила она. – Про-

сто посмотреть.

– Я дам тебе мобильный телефон. Если что-нибудь случится, немедленно звони и оставайся при этом на месте. Зайди в кафе, сядь за столик, выпей кофе. Всем мужчинам, которые будут подходить, говори, что ждешь своего любовника. Если не отстанут, грозись позвать полицию. Все поняла?

Жанна согласно кивнула. Сабуров дал ей телефон, снабдил подробными инструкциями и вышел на крыльцо провожать. Бородатый и старушка наконец отбыли, теперь они остались впятером. Так же, как и раньше, но только без Лары. Проследив, как Жанна дошла до калитки, Сабуров скрылся в доме.

А она нырнула в огромный мир, словно в океан, прижимая к груди вместо спасательного круга сумочку с мобильным телефоном. Если что, он выручит! Сабуров найдет ее в любой точке океана и поднимет на борт корабля!

Увидев вдалеке синий «Икарус», она махнула рукой, и тот притормозил подле автобусной остановки. Через полчаса она уже была в Москве, у метро. Звонить Сабурову не пришлось, до офиса Влада она добралась без особых проблем, вышла на указанной станции и справилась у прохожих. Все оказалось не так уж и страшно.

Встретили ее настороженно. Сидевшая в приемной секретарша окинула внимательным взглядом, выдав себя с головой, и надменно сказала:

– Одну минуту.

Жанна ей явно не понравилась. Слишком молодая и очень уж симпатичная. Видимо, шеф не обделял вниманием своих сотрудниц, и в новенькой сразу же заподозрили конкурентку. Что еще надо девчонке, как не устроиться на работу в качестве секретаря?

Минут десять она сидела в холле, листала журналы, от волнения не разбирая текста, наконец ее пригласили в кабинет генерального директора. Жанна почувствовала, как сердце вновь ухнуло в воздушную яму. Рядом с ним она просто цепенела и теряла дар речи! Увидев ее, Влад удивленно поднял брови. Когда они виделись, Жанна была почти блондинкой и передвигалась при помощи костылей.

– Ты или не ты?

– Конечно, я!

– Классно выглядишь. А волосы зря покрасила, – с сожалением добавил он. Потом спохватился: – Как чувствуешь себя?

– Все в порядке.

– Выздоровела?

– Да.

– А что с тобой произошло? В автокатастрофу попала? Несчастный случай?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.